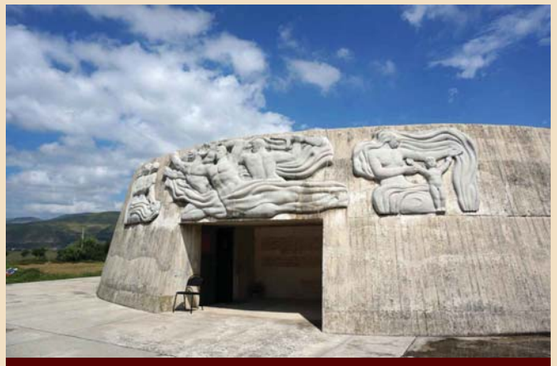
«ВОРОТА НА КАВКАЗ НАГЛУХО ЗАКРЫЛИСЬ ДЛЯ ВРАГОВ НАШЕЙ РОДИНЫ»

К 80-летию победы советских войск в битве за Кавказ

Сосредоточив свои главные усилия летом 1942 года на сталинградском и кавказском направлениях, нацистский вермахт первоначально добился немалых успехов: в сентябре гитлеровцы вплотную подошли к Сталинграду (Волгоград) и дошли до перевалов Главного Кавказского хребта. Но поражение под Сталинградом и начавшееся наступление советских войск к Среднему Дону резко изменили стратегическую ситуацию.

В ночь на 28 декабря 1942 года начальник немецкого генерального штаба сухопутных войск К. Цейтлер заявил А. Гитлеру: «Если вы теперь не отдадите приказ об отступлении с Кавказа, то вскоре нам придётся пережить второй Сталинград». Тот был вынужден разрешить командованию немецкой группы армий «А» спланировать мероприятия по подготовке войск к отходу с тем, однако, условием, что они не ослабят силу сопротивления. Собственно, фюрер ещё надеялся, что вермахт удержится на Кавказе, он с трудом расставался с замыслом по овладению грозненской, бакинской и ближневосточной нефтью.

Советское командование приняло решение согласованными ударами войск Южного и Закавказского фронтов с северо-востока и юго-запада расчленить и разгромить главные силы немецкой группы армий «А», не допустив её отхода с Северного Кавказа. В ходе стратегической наступательной Северо-Кавказской операции, начавшейся 1 января 1943 года, советские войска в упорных боях продвинулись на 300—600 км. В середине февраля были сброшены фашистские флаги с обеих вершин Эльбруса. Советские войска вышли к Кубани. Противник смог удержать часть позиций в Новороссийске и оставить за собой пути отступления к Таманскому полуострову и Приазовью.



Музей-памятник (мемориальный дзот) «Защитникам перевалов Кавказа» (г. Владикавказ)

12 февраля войска Северо-Кавказского фронта (командующий — генерал-полковник И.И. Масленников) освободили Краснодар, затем продвинулись западнее его на 60—70 км. К началу мая войска фронта вышли к Таманскому полуострову, где встретили упорное сопротивление противника на заранее подготовленном рубеже обороны — «Готенкопф» («Голубая линия»). К тому же противник значительно увеличил свою авиационную группировку и активизировал её действия. Северо-Кавказский фронт был усилен тремя авиационными корпусами и истребительной авиационной дивизией. Развернулись воздушные сражения на Кубани, ставшие важным этапом на пути завоевания советской авиацией стратегического господства в воздухе.

10 сентября — 9 октября войска Северо-Кавказского фронта (генерал-полковник И.Е. Петров) во взаимодействии с Черноморским флотом (вице-адмирал Л.А. Владимирский) провели стратегическую наступательную Новороссийско-Таманскую операцию. В результате успешных боевых действий было завершено освобождение Северного Кавказа, враг выбит из Новороссийска и Таманского полуострова.

9 октября командующий Северо-Кавказским фронтом издал приказ, в котором говорилось: «Последний этап битвы за Кавказ, начавшийся осенью прошлого года на Тереке, под Новороссийском, Туапсе, на перевалах Главного Кавказского хребта, окончен. Ворота на Кавказ наглухо закрылись для врагов нашей Родины».

В ходе наступления советских войск враг потерял 281 тыс. человек, 1358 танков, 2000 самолётов, свыше 7000 орудий и миномётов. В битве за Кавказ советские войска приобрели богатый опыт подготовки и проведения оборонительных и наступательных операций на горном театре военных действий и приморском направлении. В 1944 году была учреждена медаль «За оборону Кавказа», которой награждено около 600 тыс. человек. Многие части и соединения удостоены почётных наименований Анапских, Кубанских, Новороссийских, Таманских и Темрюкских. Новороссийску в 1973 году было присвоено почётное звание «Город-герой». В 2007—2015 гг. за мужество и доблесть, проявленные защитниками Кавказа, указами Президента РФ почётного звания «Город воинской славы» удостоены Владикавказ, Малгобек, Туапсе, Нальчик, Анапа и Грозный.

Федеральным законом от 31 июля 2020 года дата 9 октября включена в число дней воинской славы России как День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в битве за Кавказ (1943 г.).

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10/2023

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2023 10 октябрь

«В ЯНВАРЕ 1813 ГОДА НАПОЛЕОН ЕЩЁ ПОВЕЛЕВАЛ ЕВРОПОЙ, В ОКТЯБРЕ У НЕГО ОСТАЛАСЬ ОДНА ФРАНЦИЯ»

210 лет со дня Битвы народов под Лейпцигом

Разгром Великой армии Наполеона I в ходе Отечественной войны 1812 года, изгнание завоевателей за пределы России и выход русских войск к границам европейских государств послужили толчком к созданию 6-й антифранцузской коалиции в составе России, Швеции, Англии. В результате побед русской армии на немецкой земле в коалицию в феврале 1813 года вошла Пруссия, а в июле и Австрия, разорвавшая отношения с Наполеоном. Одним из решающих событий на европейском театре войны стало Лейпцигское сражение 4(16)—7(19) октября на территории Саксонии, получившее по составу участвовавших в нём национальностей название Битва народов.

Силы союзников стягивались под Лейпциг по частям. Первыми подошли Силезская (русско-прусская) армия (командующий – прусский генерал-фельдмаршал Г. Блюхер) и Богемская (австро-русско-прусская) армия (австрийский фельдмаршал К. Шварценберг). В ходе Лейпцигского сражения подтянулись Северная (прусско-русско-шведская) армия (шведский кронпринц маршал Ж. Бернадот), Польская (русская) армия (генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен) и 1-й австрийский корпус фельдмаршала Й.-М. Коллоредо. Силы союзных войск достигали 300 тыс. человек (в т. ч. русских — 127 тыс., подданных Австрии (австрийцы, венгры и др.) — 89 тыс., пруссаков — 72 тыс. и шведов — 18 тыс.) и 1385 орудий. Армия Наполеона (французы, голландцы, саксонцы, бельгийцы, итальянцы и др.) насчитывала около 200 тыс. человек и 700 орудий.

Союзные войска 4 октября нанесли удары: главный с юга (группировка русско-прусских войск из состава Богемской армии под командованием генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли) и с севера — Силезская армия, но успеха не добились. С подходом Польской и Северной армий союзники обеспечили себе численное превосходство, но действовали не очень согласованно, тем более что в управление армиями вмешивались «высочайшие особы», прибывшие к своим войскам: русский император Александр I, прусский король Фридрих-Вильгельм III и австрийский император Фердинанд I.

5(17) октября Наполеон направил предложение о мирных переговорах, но ответа не получил. В ночь на 6(18) октября он начал перегруппировку войск, стянув их ближе к Лейпцигу. Тем временем ряды наполеоновской армии стали покидать саксонцы. 6(18) октября союзники повели атаки на французские позиции с трёх направлений. Перед рассветом 7(19) октября противник начал организованный отход к Линденау. К концу дня войска 6-й антифранцузской коалиции заняли весь Лейпциг. Воспрепятствовать отходу основных сил Наполеона им не удалось, и лишь преждевременный взрыв французами моста через реку Эльстер позволил союзникам отрезать и взять в плен около 20 тыс. человек.

Потери наполеоновской армии в Лейпцигском сражении составили 60—80 тыс. человек (в т.ч. 20 тыс. пленными) и 325 орудий, союзных войск — около 54 тыс. убитыми и ранеными, в том числе русских войск — свыше 22 тыс. человек.

Решающую роль в победе союзных армий сыграли действия русских войск, на которые легла основная тяжесть битвы. На следующий день после окончания сражения Александр I отметил наградами русских генералов. Л.Л. Беннигсен и М.Б. Барклай де Толли были удостоены графского звания, М.А. Милорадович и М.И. Платов — ордена Св. Андрея Первозванного, П.Х. Витгенштейн, П.П. Коновницын, А.И. Горчаков и И.В. Сабанеев — ордена Св. Владимира 1-й степени. Среди удостоенных других высоких наград были И.В. Васильчиков, Ф.Ф. Винценгерде, П.М. Волконский, М.С. Воронцов, И.И. Дибич, А.Ф. Ланжерон, П.П. Пален, И.Ф. Паскевич, Н.Н. Раевский, П.А. Строганов, Ф.П. Уваров, П.А. Шувалов.

Поражение армии Наполеона в Битве народов лишило Францию ряда территориальных завоеваний в Европе, привело к распаду Рейнского союза, убедило союзников в том, что коллективными усилиями грозный противник будет разбит. «В январе 1813 года Наполеон ещё повелевал Европой, в октябре у него осталась одна Франция», — писал русский историк А.А. Керсновский.

В 1913 году к 100-летию Битвы народов это событие было увековечено в Лейпциге впечатляющим памятником. Тогда же в Лейпциге усилиями специально созданного русско-германского комитета отстроили и открыли Свято-Алексиевский храм-памятник в честь славы русских воинов.

Публикация Н.Ф. Ковалевского

Памятник Битве народов в Лейпциге

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
3. Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
4. Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
5. Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и авторских прав.
6. Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
7. Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mil.ru*.
8. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
9. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);

2) аннотацию на русском и английском языках (100—150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;

3) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

4) рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;

5) текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-справочного характера;

6) примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;

7) сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

1. Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 х 297 мм).
2. Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
3. Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
4. Текст набирается с соблюдением следующих правил:
   поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см;
   межстрочный интервал — полуторный;
   абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами);
   перенос слов — отключён;
   инициалы между собой пробелами не отделяются;
   при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-);
   кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
5. Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
6. Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
7. Иллюстрации:

1) векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;

2) растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.

Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;

3) все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки:
119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12
E-mail: ric_vig_1@mil.ru

Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить:
• по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;
• Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗИ» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя;
• интернет-каталогу «Пресса России», индекс Э39887 для подписчиков всех регионов;
• интернет-каталогам агентств на сайтах:
www.podpiska.pochta.ru
www.akc.ru
www.pressa-rf.ru;
• заявке на e-mail: kr_zvezda@mail с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью.

Сдано в набор 18.07.2023
Подписано к печати 20.08.2023
Формат 60х84/8.

Тираж экз. 0000 Зак. № 0000-2023
Регистрац. № 01978 от 30.12.1992

Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Тел.: (495) 941-23-80
E-mail: ricmorf@yandex.ru

Отдел рекламы (495) 941-28-46
E-mail: reklama@korrnet.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда»
125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38
Цена свободная
© «Военно-исторический журнал», 2023
Тел. маркетинг: (495) 941-32-09,
(495) 941-34-72, (495) 941-39-52,
http://redstarprint.ru/
E-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ: МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОКТЯБРЬ

№ 10 (762)

2023

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович,
заслуженный журналист РФ,
полковник запаса

Заместитель главного редактора
КИКНАДЗЕ
Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент РАРАН,
полковник запаса

Научные редакторы
П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;
А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник запаса;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
полковник запаса,
кандидат философских наук,
старший научный сотрудник;
С.В. МАНЮКОВ,
полковник запаса;
А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник запаса;
А.В. ПЕТРОЧИНИН;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
О.А. ТВИРОВА

Ответственный секретарь
М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат
А.А. ЛАНЦОВА
(заместитель ответственного секретаря);
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник запаса

Заведующий редакцией
Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод
А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка
Е.Н. КУЗНЕЦОВА

Обложка номера
И.В. НИКОЛАЕВ
капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера использован фрагмент картины художника И.П. Краффта «Фельдмаршал Шварценберг рапортует о победе под Лейпцигом русскому царю Александру I, австрийскому королю Францу I и прусскому королю Фридриху-Вильгельму III»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н.М. БАРИНОВА — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

N.M. BARINOVA — the Director of Historical Documents Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow)

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (History), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, res.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (History) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — референт заместителя министра обороны Российской Федерации, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Assistant to the Deputy Minister of Defence of the Russian Federation, Major-General (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (res.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — заместитель директора Российского государственного военного архива (Москва)

V.N. KUZELENKOV — the Deputy Director of the Russian State Military Archives (Moscow)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (History), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (History) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History) (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

‹‹Военно-исторический журнал›› включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2-я стр. обл. «В январе 1813 года Наполеон ещё повелевал Европой, в октябре у него осталась одна Франция». 210 лет со дня Битвы народов под Лейпцигом (*Публикация Н.Ф. Ковалевского*)

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

4 **А.Ю. ЛАШКОВ** — «Планомерная подготовка Японией войны… становится реальной опасностью». Организация противовоздушной обороны Дальнего Востока СССР (конец 1920-х — начало 1940-х гг.)

ИСТОРИЯ ВОЙН

14 **В.Н. СЕЛЕМЕНЕВ** — «Никто больше не говорит о захвате Мальты, что облегчило бы оккупацию Египта…». Планы итало-германской коалиции по захвату острова Мальта в 1942 году

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

26 **С.П. КИМ** — «Все на местах работают, никакой паники». Роль райкомов ВКП(б) Москвы в создании дивизий народного ополчения в июле 1941 года

34 **В.Ф. ВОРСИН, В.В. ИЗОНОВ** — «…Проявлять особую заботу о снабжении войск артиллерийским вооружением, боеприпасами и боевой артиллерийской техникой». Организация тылового обеспечения Красной армии в контрнаступлении в Сталинградской битве (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

48 **А.М. ДОНСКОВ, О.В. МАРЧЕНКО** — «Трудно тогда было под Кодышем… но стояли, не унывали». Бои на территории современного Плесецкого района в 1918—1919 гг.

56 **С.И. ПАНЬКИН** — «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира…». Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

62 **А.С. САЕНКО** — «Гестаповцы повыворачивали руки, щипцами вырывали куски мяса на лице…». Акты Чрезвычайной государственной комиссии как исторический источник о преступлениях нацистов в оккупированном Донбассе, 1941—1943 гг.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

70 **Г.А. ГРЕБЕНЩИКОВА** — «Слухи о приготовлениях России к морской войне свели с ума американскую печать». Секретная экспедиция в Америку капитан-лейтенанта Л.П. Семечкина и экипажа парохода «Cimbria» в 1878 году

ШЛА «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

80 **Л. ТАЛТАНГОВ** — «В толпе провокаторов многие говорили с вашингтонским или боннским акцентом». Западные спецслужбы против фестивального движения молодёжи в Вене (1959) и Хельсинки (1962)

ПОЛКОВАЯ ЛЕТОПИСЬ

88 **П.В. ЧЕРНОВ, С.Ю. ОКУНЕВ** — «В полковом строю штандарт встречали особой музыкой…». Особенности формирования воинских традиций русской армии

ИМЕНА И СУДЬБЫ

100 **С.Н. ТРЕТЬЯКОВА** — «Все ваше время и все ваши средства должны принадлежать службе». О жизни и деятельности вице-адмирала Российского императорского флота князя Л.А. Ухтомского

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

108 **А.В. КРАМОРЕНКО** — В точку последней стоянки. История экспедиции по переводу опытового судна «Кит» к месту утилизации

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

116 **Л.В. ГОЛОВКО** — Прокси-война США против России на Украине: истоки, цели и ход первого года военных действий

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

4-я стр. обл. «Ворота на Кавказ наглухо закрылись для врагов нашей Родины». К 80-летию победы советских войск в битве за Кавказ

CONTENTS

MEMORABLE DATES

«In January 1813, Napoleon still ruled Europe; in October, he was left with only France». 210 years since the Battle of the Nations at Leipzig (*Publication by N.F. Kovalevskiy*) — **p. 2 of the cover**

MILITARY CONSTRUCTION

A.Yu. LASHKOV — «Japan's systematic preparation for war... becomes a real danger». Organization of air defense of the USSR Far East (from late 1920s to early 1940s) — **4**

HISTORY OF WAR

V.N. SELEMENEV — «No one else is talking about the capture of Malta, which would facilitate the occupation of Egypt...». Plans of the Italian-German coalition to seize the island of Malta in 1942 — **14**

GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

S.P. KIM — «Everyone works in their places, no panic». The role of the Moscow District Committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the creation of the militias in July 1941 — **26**

V.F. VORSIN, V.V. IZONOV — «...Paying special attention to the supply of troops with artillery weapons, ammunition and combat artillery equipment». Organization of logistics of the Red Army in counter-offensive in the Battle of Stalingrad (November 19, 1942 to February 2, 1943) — **34**

CIVIL WAR

A.M. DONSKOV, O.V. MARCHENKO — «It was hard back then near Kodysh... But we stood our ground and didn't lose heart». Fighting on the territory of the modern Plesetsk District in 1918—1919 — **48**

S.I. PANKIN — «To give a Red Army soldier from the communists documents for a deserter...». Secret intelligence in the activities of commissions to combat desertion in the Southern Urals in 1920 — **56**

NO LIMITATION PERIOD

A.S. SAYENKO — «The Gestapo men twisted their arms, ripped pieces of meat out of their faces with tongs...». Acts of the Extraordinary State Commission as a historical source on Nazi crimes in the occupied Donbas in 1941—1943 — **62**

FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITIC RELATIONS

G.A. GREBENSHCHIKOVA — «Rumors of Russia's preparations for naval war have driven the American press crazy». Secret expedition of lieutenant-captain L.P. Semechkin and the crew of the steamer Tsimbria to America in 1878 — **70**

THE COLD WAR WAS ON

L. TALTANGOV — «In the crowd of provocateurs, many spoke with a Washington or Bonn accent». Western secret services against the youth festival movement in Vienna (1959) and Helsinki (1962) — **80**

REGIMENTAL CHRONICLE

P.V. CHERNOV, S.Yu. OKUNEV — «In the regimental ranks, the regimental color was met with special music...». Specifics of the emergence and development of military traditions of the Russian army — **88**

NAMES AND FATES

S.N. TRETYAKOVA — «All your time and all your means should belong to the service». Life and deeds of Vice-Admiral of the Russian Imperial Navy Prince L.A. Ukhtomsky — **100**

MEMOIRS AND ESSAYS

A.V. KRAMORENKO — The way to the last berth. The history of the expedition to transfer the experimental vessel Kit to the point of disposal — **108**

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

L.V. GOLOVKO — U.S. proxy warfare against russia in ukraine: origins, objectives, and the course of the first year of military operations — **116**

MEMORABLE DATES

«We have shut the gates to the Caucasus for the enemies of our Homeland». On the 80th anniversary of the victory of Soviet troops in the battle for the Caucasus — **p. 4 of the cover**

А.Ю. Лашков

«ПЛАНОМЕРНАЯ ПОДГОТОВКА ЯПОНИЕЙ ВОЙНЫ... СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОЙ ОПАСНОСТЬЮ»

Организация противовоздушной обороны Дальнего Востока СССР (конец 1920-х — начало 1940-х гг.)

Сведения об авторе. *Лашков Алексей Юрьевич — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, доктор исторических наук, доцент (Москва. E-mail: lashkov3@yandex.ru).*

Аннотация. *Целью статьи является раскрытие на основе новых источников процесса становления и формирования системы противовоздушной обороны (ПВО) советского Дальнего Востока с конца 1920-х до начала 1940-х годов. Принимавшиеся командованием Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) меры по организации защиты воздушного пространства на востоке страны были реакцией на захватнические планы милитаристской Японии в отношении СССР, её провокационные действия и вооружённые конфликты (в районе оз. Хасан (1938 г.), на р. Халхин-Гол (1939 г.)). Опираясь на архивные документы, проведён анализ мероприятий (на союзном и региональном уровнях), направленных на укрепление общей системы ПВО Дальнего Востока. Сделан вывод, что она не до конца соответствовала требованиям современной для той эпохи войны. Тем не менее существовавшая система противовоздушной обороны в определённой степени обеспечивала безопасность Советского государства. Опыт её организации представляется актуальным в наши дни с возрастанием военно-политической напряжённости в Азиатско-Тихоокеанском регионе.*

Ключевые слова: *СССР; противовоздушная оборона (ПВО); Дальний Восток; ОКДВА; авиация; самолёты; командный пункт; местная противовоздушная оборона (МПВО); ВНОС; В.К. Блюхер; Я.К. Поляков.*

О Дальнем Востоке как о «театре будущей войны»[1] (впервые после Русско-японской войны 1904—1905 гг.) вновь заговорили накануне революционных потрясений в России. По мнению капитана Генерального штаба М.П. Строева, начальника авиационного отдела Полевого управления авиации и воздухоплавания (ПУАВ) при Штабе Верховного главнокомандующего, в Приамурском пограничном округе воздушные силы следовало содержать по штату военного времени, опасаясь возможных агрессивных действий со стороны Японии. Позднее в качестве реальной угрозы стал рассматриваться и Китай, общая численность самолётного парка которого в первой половине 1920-х годов достигала 300 самолётов[2]. Однако раздиравшаяся внутриполитическими противоречиями Поднебесная не имела серьёзных планов на захват северных территорий (СССР). Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке заметно обострилась в связи с событиями на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД, 1929 г.), где не последнюю роль сыграла военная авиация.

В свою очередь для обеспечения защиты наиболее важных участков государственной границы от возможных воздушных налётов противника в составе 35-й (г. Иркутск) и 36-й (г. Чита) стрелковых дивизий Забайкальской группы войск Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии в 1929 году были сформированы отдельные зенитные дивизионы (озенадн) трёхбатарейного состава (по 6 орудий в каждой батарее) и пулемётные взводы.

С последующей оккупацией японскими войсками территории Маньчжурии возникла серьёзная опасность военного столкновения между СССР и Японией. Обеспокоенность создавшимся положением нашла отражение в докладе заместителя председателя Реввоенсовета СССР М.Н. Тухачевского военно-политическому руководству страны: «Планомерная подготовка Японией войны для захвата Д[ального] В[остока] развивается неуклонно и становится реальной опасностью возникновения военных действий в 1934 году»[3]. Предполагалось, что японская сторона в случае войны способна была задействовать против нашей страны до 1400 своих самолётов[4]. Эти данные подтверждались и в докладе командующего войсками Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армии (ОКДВА) командарма 1 ранга В.К. Блюхера наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову «О состоянии и необходимости усиления средств противовоздушной обороны ОКДВА» от 25 ноября 1934 года. По оценке комвойсками, к первому месяцу войны Япония могла бы выставить против СССР до 1600 самолётов, из них 1200 — в Маньчжурии, где была развёрнута целая сеть передовых аэродромов[5]. Между тем реальные возможности японского командования были весьма ограничены. В конце 1934 года в Маньчжурии были сосредоточены 28 проц. линейных рот армейской авиации Японии и до 40 проц. всей её истребительной авиации (ИА, около 130 самолётов)[6]. Однако даже такая воздушная группировка в случае крупного военного столкновения на Дальнем Востоке могла направить свои усилия «для парализования работы железной дороги, пытаясь разгромить нашу авиацию, разрушить важные объекты тыла, срывая этим наше отмобилизование и сосредоточение»[7].

Основной удар с воздуха, по оценке командования ОКДВА, должен был быть нанесён японцами по Приморью (вследствие близости наших аэродромов к государственной границе на 10—60 км) и морским силам на Тихом океане. С подавлением советской армейской авиации японские бомбардировщики получали возможность бес-

Орудие образца 1900 г. на зенитной платформе

препятственно совершать налёты на промышленные объекты тыла и транспортной коммуникации советского Дальнего Востока.

С целью исключения возможности развития подобного сценария В.К. Блюхер предложил реорганизовать и усилить противовоздушную оборону в полосе ответственности своего объединения (завершив все мероприятия к началу 1937 г.). Ранее в свете Постановления СНК СССР от 5 апреля 1932 года «О состоянии и развитии противовоздушной обороны и противохимической обороны СССР в 1932 г.» были приняты меры по оборудованию командных пунктов (КП) ПВО в крупных административных центрах на востоке страны[8].

Весной 1934 года предполагалось завершить развёртывание противовоздушной обороны вокруг Владивостока и Хабаровска[9], а также Читы, Бочкарёво-Свободного, Никольск-Уссурийска, станций Тихонькая и Бурея[10]. В том же году в эксплуатацию был принят КП ПВО г. Владивостока[11], в 1935 году — Верхнеудинска (Улан-Удэ), а в 1936 году — г. Хабаровска (штаба ОКДВА). Акт приёмки последнего командного пункта был подписан 7 сентября 1936 года комиссией под председательством заместителя начальника ПВО ОКДВА полковника Новикова со следующей формулировкой: «Сооружение вполне отвечает требованиям по защите от прямого попадания 250-кг авиабомбы»[12].

Штат командного пункта ПВО Хабаровска предусматривал наличие 23 человек и соответствовал типовому проекту КП ПВО ОКДВА (план строительства утверждён заместителем председателя РВС СССР и постановлением СНК РСФСР от 5 января 1935 г. № 23/3).

Тем не менее система противовоздушной обороны Дальнего Востока имела определённые изъяны. В своём докладе от 25 июня 1934 года № 00187 начальник ПВО ОКДВА М.А. Семенов[13], в частности, отмечал: «Существующая система противовоздушной обороны армии, основанная на организации отдельных пунктов ПВО, с отдельными имеющими чрезвычайно важное стратегическое значение

Общий вид г. Хабаровска

объектами: мост через р. Онон, Зея у Свободный, склады станции Сунгач, оторванными от пунктов и не имеющими своей системы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) (кроме наблюдательного пункта зенитной артиллерии), создаёт условия, в которых очень трудно объединить усилия разрозненных очагов ПВО для прикрытия и обеспечения тылов армии и отдельных операционных направлений»[14].

В дальнейшем локальную структуру отдельных пунктов ПВО предполагалось заменить организацией противовоздушной обороны районов (Забайкальского, Зейско-Буреинского / Бочкарёво — Благовещенского /, Хабаровского и Приморского)[15] для отдельных операционных направлений. Например, на Забайкальскую группу войск возлагалось прикрытие района ПВО (по железнодорожной магистрали от Читы до советско-китайской границы по направлению к китайскому г. Хайлару). Туда же включался аэродромный узел Нерчинска, где с лета 1932 года базировалась 29-я авиационная бригада тяжёлых бомбардировщиков ТБ-3. При этом на территории группы войск продолжали оставаться отдельные пункты ПВО: города Иркутск и Верхнеудинск. В задачи Хабаровского района ПВО входило прикрытие усть-сунгарийского направления с включением в него крупных населённых пунктов: Тихонькая, Михайло-Семёновское и Хабаровск.

Организация противовоздушной обороны района должна была удовлетворять требованиям, разработанным управлением ПВО ОКДВА. Согласно им район ПВО рассматривался как единая система противовоздушной обороны оперативного направления, призванная обеспечить части в период сосредоточения и развёртывания армии надёжным воздушным наблюдением; организовать взаимодействие всех средств ПВО, находившихся внутри района (авиации, зенитной артиллерии, зенитно-пулемётных расчётов, аэростатов заграждений); с продвижением частей вперёд организовать надёжное прикрытие армейских тылов, располагавшихся внутри района[16].

Сдвоенная зенитная пулемётная установка «максим» на бронепоезде

Район противовоздушной обороны также представлял собой часть территории с единой системой воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), обеспечивавшей разведкой все пункты, отдельные объекты, железнодорожные, водные магистрали, находившиеся внутри данного района. Руководство ПВО района возлагалось на начальника противовоздушной обороны группы войск (в некоторых случаях — на начальника важнейшего пункта ПВО).

Для удобства управления ПВО района могла разбиваться на соответствующие сектора. Обязанности начальника сектора были аналогичны обязанностям начальника района. В период военного времени начальник сектора ПВО был обязан непосредственно руководить действиями по отражению налётов ВВС противника в установленных границах и ликвидировать последствия этих налётов.

Всего для усиления пунктовой противовоздушной обороны ОКДВА в конце 1934 года требовалось: 12 озенадн, пять отрядов аэростатов заграждения, 18 прожекторных и 16 пулемётных рот (табл. 1). Также остро стоял вопрос и по дальнейшему развитию ПВО войск и армейских тыловых районов. Особенно ощущался дефицит в мобильных зенитных средствах (табл. 2).

Одновременно было принято решение изъять из охраны стационарных объектов (мостов, складов, железнодорожных узлов) четыре зенитных артиллерийских дивизиона механической тяги и отправить их на выполнение задач по противовоздушной обороне войск. Также предполагалось усилить ПВО складов, железнодорожной магистрали и эшелонов с исключением не свойственной ей задач. Например, имевшиеся в составе местных стрелковых батальонов зенитные подразделения на прикрытии крупных воинских складов ОКДВА (Батарейная, Кука, Красная Речка) преимущественно занимались погрузочно-разгрузочными работами и несением караульной службы. Большинство же складских помещений вообще

Таблица 1

Состояние сил и средств противовоздушной обороны пунктов ОКДВА (ноябрь 1934 г.)

Наименование	Зенитные дивизионы ПВО			Прожекторные роты			Пулемётные роты			Аэростаты заграждения (отрядов)			Истребительные эскадрильи		
	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток
Чита	2	3	1	1	3	2	1	2	1	-	-	-	-	2	-
Нерчинск	-	1	1	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Крымская	1	1	-	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Бочкарёво и база флотилии на Зее	1	3	1	-	3	3	-	3	3	-	2	2	-	-	-
Бурея	-	1	1	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Тихонькая	1	1	-	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Хабаровск	3	6	3	1	5	4	1	4	3	1	4	3	-	2	-
Комсомольск	-	2	2	-	2	2	-	2	2	-	-	-	-	-	-
Николаевск-на-Амуре	-	2	2	-	2	2	-	2	2	-	-	-	-	-	-
Никусс	-	1	1	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-
Спасск	1	1	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Всего по пунктам	**10**	**22**	**12**	**3**	**21**	**18**	**3**	**19**	**16**	**1**	**6**	**5**	**-**	**4**	**-**

Составлена по: РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1133. Л. 51.

не имели никакого противовоздушного прикрытия. В качестве первого шага предлагалось выделить для этой цели два складских дивизиона, семь зенитных дивизионов, девять прожекторных рот и девять пулемётных рот[17].

Наиболее уязвимой от возможных налётов японской авиации могла стать железнодорожная магистраль от станции Ушумун (с 1938 г. посёлок городского типа) до г. Владивостока (на расстоянии до 1930 км), а также железнодорожные ветки в Забайкалье и в районе Бочкарёво-Приморье. Для надёжной защиты транспортной коммуникации требовались как минимум 965 пулемётных взводов (3860 пулемётов)[18]. Однако отсутствие требуемого количества автоматического оружия вынудило руководство ОКДВА спланировать новую структуру противовоздушной обороны. Например, деповские станции должны были прикрываться огнём крупнокалиберных пулемётов. Всю магистраль по маршруту Ушумун — Хабаровск предполагалось разбить на наиболее уязвимые участки (выемки, тоннели, лесные массивы), возложив их охрану (общей протяжённостью 549 км) на подвижные пулемётные группы, разместив их друг от друга на расстоянии 10—15 км.

В районе железнодорожных узлов (Чита, Бочкарёво и Тихонькая) противовоздушная оборона могла дополнительно усиливаться за счёт истребительной авиации.

На период военного времени предусматривалось каждый эшелон оборудовать одной пулемётной установкой (4 пулемёта в специальном вагоне) и рацией. Всего для этой цели требовалось иметь в наличии 279 таких вагонов[19].

Особое место в организации противовоздушной обороны ОКДВА отводилось системе ВНОС. Наличие лишь одного кольца наблюдательных (слежечных) постов исключало возможность полностью контролировать воздухоопасные направления. При этом в районе Забайкалья слежечные посты были далеко отодвинуты от линии государственной границы и не могли выдавать своевременную информацию для своих истребителей и обеспечивать их наведение на неприятельские самолёты.

Преимущественно задачи ВНОС на Дальнем Востоке в первой половине 1930-х годов возлагались на пограничные войска, а также на приграничные колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции (МТС). В результате эффективность воздушной разведки и оповещения в ОКДВА была низкая. Для исправления создавшегося положения предлагалось значительно увеличить штат службы ВНОС и процент в ней кад-

Таблица 2

Состояние сил и средств противовоздушной обороны войск и войсковых тылов ОКДВА (ноябрь 1934 г.)

Наименование	Зенитные дивизионы механической тяги			Дивизионы ПВО			Пулемётные роты			Прожекторные роты			Мелкокалиберная артиллерия
	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток	Наличие	Потребность	Недостаток	
Забайкалье	1	6	5	-	-	-	-	-	-	-	-		По одной 6-орудийной батарее на каждую дивизию, м/бригаду** и отдельный механизированный полк
Бочкарёво-Благовещенск	1	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-		
Михайло-Семёновское	1*	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-		
Приморье	1	3	2	-	-	-	-	-	-	-	-		
Декастри	-	-	-	-	2	2	-	2	2	-	2	2	
Всего	**4**	**13**	**9**	**-**	**2**	**2**	**-**	**2**	**2**	**-**	**2**	**2**	

Составлена по: РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1133. Л. 52.

* Дислоцирован в г. Хабаровске
** Механизированная бригада

ровых подразделений. К концу 1934 года дополнительно требовались пять рот ВНОС, пять рот наведения ИА, 13 прожекторных рот и 62 радиостанции разных типов[20].

Оценивая общее состояние противовоздушной обороны в ОКДВА, В.К. Блюхер осенью того же года доложил в Москву, что в наличии армии имеются 171 зенитное орудие разных калибров, 29 прожекторов, 138 зенитных пулемётов и 18 аэростатов заграждения (в тандемах). Дополнительно требовались 330 орудий, 297 прожекторов, 90 крупнокалиберных пулемётов, 1180 зенитных пулемётов, 243 аэростата заграждения (в тандемах) и 4 эскадрильи истребительной авиации[21].

Тем временем состояние воздушной обстановки на Дальнем Востоке заметно ухудшилось. Только в сентябре 1933 года со стороны японской авиации было отмечено 20 нарушений воздушного пространства СССР[22], а за январь—май 1934 года — 19 пролётов на советскую территорию[23]. Это были одиночные и групповые полёты, носившие преимущественно разведывательный характер. Например, 17 сентября 1933 года в 11 ч дня «из шести появившихся разведчиков три на высоте 1000 м перелетели границу через Абагайтуй, взяв курс на Даурию, остальные три самолёта прошли вдоль границы. В 12 часов самолёты скрылись в Маньчжурии»[24]. 27 января 1934 года в районе Бурен-Ундур (20 км северо-восточнее ст. Маньчжурия) советско-китайскую границу пересекли три японских самолёта-разведчика, которые на бреющем полёте прошли над пограничным постом и сбросили над ним две ракеты[25]. 12 февраля японский самолёт-разведчик

В.К. Блюхер

перелетел советскую границу в районе д. Могонцо (устье р. Сунгари) и проник вглубь на два километра нашей территории. Зенитный обстрел заставил нарушителя повернуть обратно[26]. На рассвете 12 мая 1934 года в районе сёл Софье-Алексеевское и Гродеково были замечены восемь японских самолётов, летевших над нашей территорией на высотах от 500 до 1000 м[27]. Следует отметить, что таких провокаций со стороны японцев было достаточно много. Стремясь не нагнетать почти взрывоопасную обстановку на Дальнем Востоке, Управление ПВО РККА первоначально требовало от руководства ПВО ОКДВА не поддаваться на провокации[28].

В этой связи зенитным и авиационным частям, расположенным вдоль советско-китайской границы в Приморье, было запрещено открывать огонь и вести перехват самолётов-нарушителей[29]. Но уже к весне—лету 1934 года обстановка заметно изменилась, и по японской авиации, периодически вторгавшейся в наше воздушное пространство, стали применяться меры силового воздействия. Это вынудило японских лётчиков вести воздушную разведку на высотах, не досягаемых для зенитного огня, и сократить количество своих полётов над территорией СССР. Одновременно было начато развёртывание ПВО крупных дальневосточных городов. При этом большое внимание уделялось организации местной противовоздушной обороны (МПВО). В 1936 году СНК СССР включил основные города Дальнего Востока — Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Спасск, Ворошилов (Уссурийск) в общую систему местной противовоздушной обороны. Ответственность за её организацию была возложена на председателей горсоветов. Общегородские мероприятия МПВО осуществлялись под непосредственным руководством местных городских советов с привлечением широких слоёв населения города и городских организаций Осоавиахима[30]. Подразделения МПВО должны были своевременно оповещать местное население о воздушной опасности, исходившей от японской военной авиации. Тем временем она периодически совершала провокации в приграничной зоне. 16 января 1937 года японский самолёт в районе, прилегающем с юго-востока к г. Благовещенску, нарушил государственную границу СССР и произвёл химическую атаку с применением отравляющих веществ (типа хлора). Отравляющими веществами были поражены семь советских военнослужащих и 49 сельских жителей[31]. Только за январь—август 1938 года японская авиация 40 раз нарушила воздушное пространство СССР[32].

Советское военно-политическое руководство внимательно

но следило за ростом военной мощи Японии. Этому вопросу частично была посвящена записка начальника Генерального штаба РККА командарма 1 ранга Б.М. Шапошникова наркому обороны СССР о наиболее вероятных противниках СССР, датированная 24 марта 1938 года. В частности, в случае вооружённых столкновений с СССР Япония могла сосредоточить вблизи наших границ до одной тысячи своих самолётов сухопутной авиации.

Первой проверкой на прочность противовоздушной обороны Дальнего Востока стали события у оз. Хасан в Приморье (29 июля — 11 августа 1938 г.). В соответствии с приказом наркома обороны СССР и начальника Генштаба РККА от 4 августа 1938 года № 0071 «О приведении в полную боевую готовность войск Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа в связи с провокацией японской военщины у озера Хасан» в пунктах ПВО было предписано: «Установить артиллерийские и пулемётные части на позиции, перебазировать истребительную авиацию на оперативные аэродромы и поднять систему ВНОС, поверив связь постов ВНОС с командными пунктами и аэродромами истребительной части»[33].

Также ставилась задача обеспечить средствами ПВО полевые аэродромы, стрелковые, кавалерийские и танковые части, размещённые в лагерях или квартиро-биваках. Для этой цели были задействованы пять зенитных дивизионов (32, 39, 40-й стрелковых дивизий; 39-го и 43-го стрелковых корпусов).

По данным советского командования, японская сторона сосредоточила в районе оз. Хасан до 70 своих самолётов. Однако они почти не использовались в боевых действиях, что позволило переориентировать советскую 69-ю истребительную авиабригаду на ведение воздушной разведки, охрану своей авиации и бомбардировку вражеских позиций.

Я.К. Поляков

В разгар вооружённого конфликта (5 августа) находившаяся в районе залива Америка (Хорнет-бэй) подводная лодка Тихоокеанского флота (ТОФ) сообщила по радио, что на г. Владивосток движутся 98 японских бомбардировщиков. Зенитные батареи города были приведены в полную боевую готовность, на перехват вероятного противника вылетели до 50 истребителей. К счастью, информация оказалась ложной. Тем не менее по указанию командующего ТОФ флагмана 2 ранга Н.Г. Кузнецова были приняты дополнительные меры по организации противовоздушной обороны морских судов и приморских объектов. Для проверки боеготовности сил и средств ТОФ использовался «дежурный самолёт» морской авиации, окрашенный в красный цвет. При его появлении всякий корабль, зенитная батарея были обязаны открывать огонь, стреляя ниже цели. В свою очередь экипаж «красного» самолёта фиксировал время и место обстрела, передавая данные в штаб флота.

Поражение японских войск в Приморье не лишило их политических амбиций по дальнейшему захвату Дальнего Востока. Рассматривая возможность воздушных налётов со стороны японской авиации на крупные населённые пункты, командование ОКДВА приняло меры по дальнейшему усилению местной противовоздушной обороны. В 1938 году были созданы штабы МПВО городов Хабаровск и Николаевск-на-Амуре. Уже осенью 1939 года в рамках РСФСР была проведена детальная оценка состояния местной противовоздушной обороны, представленная в докладе «О состоянии местной ПВО городов-пунктов РСФСР» (от 7 октября 1939 г. № 1886мос) начальнику Управления ПВО РККА комдиву Я.К. Полякову[34].

В городах Дальнего Востока была значительно ниже укомплектованность участковых формирований МПВО начальствующим и рядовым составом (в среднем она не превышала 50 проц. штатной численности)[35]. По другим городам РСФСР (западных и центральных районов) этот показатель был выше.

Опасаясь возможности использования японцами химического оружия, в городах Хабаровск, Благовещенск и Владивосток организовывались работы по оборудованию газовых убежищ для местного населения (21 сооружение, до 3500 человек)[36]. Однако их «строительство... ве[лось] технически безграмотно, так, например, в некоторых из них оставлены деревянные пере-

крытия, занижены площади помещений санпропускников, перекрытия не обеспечены от обрушения при обвале зданий, имеет место затопление убежищ и т.д.»[37].

Не лучшая картина была и с оборудованием командных пунктов местной противовоздушной обороны. Как указывалось в докладе начальника особого сектора СНК РСФСР Команова и начальника группы МПВО Ларичкова от 7 октября 1939 года, «в городах Дальнего Востока самостоятельных командных пунктов (городских, участковых, районных), отвечающих требованиям, предъявляемым хотя бы к убежищам 2-й категории[38], ни один из городов не имеет (КП МПВО г. Хабаровска и Владивостока совместны с... пункта[ми] ПВО этих городов). Командные пункты городов Дальнего Востока размещены в помещениях штабов мирного времени, совершенно не отвечающих своему назначению. Связь МПВО городов Дальнего Востока основывается на использовании существующих телефонных сетей Наркомата связи, которые не обеспечат руководство системой местной противовоздушной обороной в военное время, а существующая связь Хабаровска и Владивостока не отвечает требованиям даже мирного времени»[39].

В дальневосточных городах ощущался заметный дефицит защитных костюмов (комбинезонов). Плохо обеспечивалось хранение «техники дегазации и автотранспорта»[40]. Командование ОКДВА во взаимодействии с местными органами власти стремилось в кратчайшие сроки исправить существенные недостатки. Это нашло отражение в том числе и в средствах массовой информации. Например, дальневосточная газета «Красное знамя» от 9 апреля 1938 года писала на своих страницах: «На основании приказа начальника пункта ПВО “Владивосток” на 15 апреля назначено учение по местной обороне г. Владивостока с задачами обеспечения светомаскировки и ликвидации последствий воздушного налёта в дневных и ночных условиях... Всему населению города и дачного района с 14 апреля иметь при себе противогазы и носить таковые до окончания учения»[41]. Принимавшиеся меры напрямую зависели от степени опасности, исходившей от японской стороны.

Вынашивая планы нападения на Советский Союз, Япония к 22 июня 1941 года (к началу Великой Отечественной войны) довела общую численность своей Квантунской армии в Маньчжурии до 480 тыс. человек[42]. Её самолётный парк в декабре того же года составил 560 боевых самолётов[43]. В свою очередь, по данным советской разведки (на август 1940 г.), «в Северной Маньчжурии и Корее, а также в экспедициях на Сахалин и Камчатку» японское командование могло задействовать до 2500 самолётов[44]. Для усиления противовоздушной обороны отдельных областей Дальнего Востока были приняты соответствующие меры. Так, в свете постановления Комитета обороны при СНК СССР от 14 февраля 1939 года № 30 «Об укреплении береговой обороны побережья Камчатки и Охотского моря» было предложено развернуть для защиты г. Петропавловска-Камчатского одну зенитную батарею (76-мм орудий), а в состав подвижных артиллерийских дивизионов на обороне Усть-Большерецка и Усть-Камчатска включить по одной зенитной батарее 76-мм орудий из состава 2-й Отдельной Краснознамённой армии (ОКА)[45].

Несмотря на ранее подписанный (13 апреля 1941 г.) Пакт о ненападении между СССР и Японией, в силе оставался ранее разработанный генеральным штабом японских сухопутных сил оперативно-стратегический план нападения Страны восходящего солнца на Советский Союз под кодовым наименованием «Кантокуэн» (Особые манёвры Квантунской армии).

Это требовало от советской стороны держать на востоке страны 1-й Дальневосточный фронт (ДВФ, 5 армий)[46]. В соответствии с приказом наркома обороны СССР от 14 февраля 1941 года № 0015 была сформирована Дальневосточная зона ПВО со штабом в г. Хабаровске (командующий генерал-майор артиллерии Я.К. Поляков, помощник командующего войсками ДВФ по ПВО)[47]. Границы зоны соответствовали границам фронта. В её состав были включены районы ПВО: Ново-Покровский, Куйбышевский, Хабаровский, Иманский, Сахалинский, Ворошиловский, Владивостокский и Приморский. Два последних района принадлежали Наркомату ВМФ СССР. В соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 9 ноября 1941 года № 874 «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны территории Союза» Дальневосточная зона ПВО была сохранена[48] и просуществовала почти до конца Великой Отечественной войны (до марта 1945 г.).

В наши дни Япония, активно поддерживаемая США и другими союзниками, вновь пытается заявить о своих политических амбициях на

Дальнем Востоке, стремясь возродить свою былую военную мощь. Это обстоятельство, несомненно, требует уделять особое внимание вопросам обеспечения военной безопасности Российской Федерации в Дальневосточном регионе.

Примечания

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 6. Оп 6. Д. 135. Л. 42.
[2] Там же. Оп. 24. Д. 136. Л. 10.
[3] Записка Тухачевского Ворошилову, 11 июля 1933 г. // Там же. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 91.
[4] *Самуэльсон Л.* Красный колосс: становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921—1941 / Пер. с англ. И.С. Давидян. М.: АИРО-XX, 2001. С. 179.
[5] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1133. Л. 50.
[6] *Савойский Ю.* Китайский дебют «Воздушных самураев». Ч. 2 // Авиамастер. 2005. № 3. С. 6.
[7] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1133. Л. 50.
[8] Там же. Ф. 37791. Оп. 1. Д. 160. Л. 10.
[9] Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1133. Л. 9.
[10] Там же. Л. 12.
[11] Там же. Ф. 37791. Оп. 1. Д. 527.
[12] Там же. Д. 836. Л. 21.
[13] **Семёнов Михаил Андрианович** (1895—1941) — советский военачальник, комбриг (1936). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (ускоренный курс; 1916), Высшую артиллерийскую школу (1922), КУВНАС при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1929). Начальник ПВО ОКДВА (январь 1934 — ноябрь 1935), 3-го отдела Управления начальника артиллерии РККА (июнь 1936 — август 1938). С августа 1938 г. на преподавательской работе. Необоснованно репрессирован (1941).
[14] РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 1133. Л. 16.
[15] Там же. Л. 51.
[16] Там же. Л. 17.
[17] Там же.
[18] Там же. Л. 53.
[19] Там же.
[20] Там же. Л. 55.
[21] Там же. Л. 56.
[22] Там же. Ф. 37791. Оп. 1. Д. 312. Л. 36, 38, 41, 44—45.
[23] Там же. Д. 570. Л. 6, 8, 15, 20—21, 37.
[24] Там же. Д. 312. Л. 44.
[25] Там же. Д. 570. Л. 6.
[26] Там же. Л. 21.
[27] Там же. Л. 37.
[28] *Курашов В.И.* ПВО РККА в условиях возрастания воздушной угрозы для СССР в межвоенный период (1922—1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 27.
[29] РГВА. Ф. 37791. Оп. 1. Д. 312. Л. 45.
[30] *Богданов С.А.* Организация местной противовоздушной обороны Дальнего Востока СССР в 1932—1939 гг. // Общество: философия, история, культура: научный журнал. 2017. № 12. С. 126.
[31] *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003. С. 121.
[32] *Гайдук Н.* Боевые действия у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 1978. № 7. С. 120.
[33] РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 54. Л. 159—164.
[34] **Поляков Яков Корнеевич** (1895—1963) — советский военачальник, генерал-майор артиллерии (1940). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил артиллерийские курсы усовершенствования командного состава (1926). Начальник Управления ПВО РККА (октябрь 1938 — июнь 1940). С июня 1940 г. помощник командующего Дальневосточной фронтовой группой, позже переформированной в Дальневосточный фронт; командующий Дальневосточной зоной ПВО. В мае 1945 г. командующий Приамурской армией ПВО 2-го Дальневосточного фронта, с сентября — Дальневосточной армией ПВО, позднее заместитель командующего войсками Дальневосточного округа по ПВО. С июля 1947 г. в запасе.
[35] РГВА. Ф. 37791. Оп. 2. Д. 75. Л. 61.
[36] Там же. Л. 62.
[37] Там же. Л. 63.
[38] Командный пункт (убежище) 2-й категории (литеры А и Б) выполняется в конструкциях, рассчитанных на нагрузку от обрушения вышестоящего здания или соседних с ним и защищённых от действия взрывной волны и осколков авиационных бомб (артиллерийских снарядов), разорвавшихся в районе расположения командного пункта. На прямое попадание авиабомбы данные конструкции не рассчитываются // Командные пункты местной противовоздушной обороны. М., 1940. С. 3.
[39] РГВА. Ф. 7791. Оп. 2. Д. 75. Л. 64.
[40] Там же. Л. 67.
[41] Красное знамя. 1938. 9 апреля.
[42] Краснознамённый Тихоокеанский флот. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1981. С. 134, 135.
[43] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 85.
[44] 1941 год в 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М.: Демократия, 1998. С. 182.
[45] *Колесниченко К.Ю.* Противник «использует мирные переговоры для сосредоточения сил с целью перехода к активным действиям». Укрепление обороны советского Дальнего Востока в 1939 году // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 24.
[46] Дальневосточный фронт создан в июле 1940 г. на базе управления Читинской фронтовой группы войск с подчинением ему 1-й и 2-й Краснознамённых отдельных армий, а также 15-й армии и Северной армейской группы.
[47] *Голотюк В.Л., Цапаев Д.А.* Командный состав Войск ПВО Красной Армии в годы Великой Отечественной и советско-японской войн 1941—1945 гг.: военно-исторический труд. М.: АРТКРАС, 2013. С. 324.
[48] Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны. Постановления и распоряжения. Т. 1. Кн. 1 (сентябрь—декабрь 1941 г.). М.: ВАГШ, 2015. С. 317—323.

A.Yu. Lashkov

«JAPAN'S SYSTEMATIC PREPARATION FOR WAR... BECOMES A REAL DANGER»

Organization of air defense of the USSR Far East (from late 1920s to early 1940s)

Information about author. *Alexey Lashkov — senior researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the AF RF General Staff, colonel (res.), D. Sc. (Hist.), associate professor (Moscow. E-mail: lashkov3@yandex.ru).*

Summary. *The purpose of the paper is to reveal the process of formation of the air defense system of the Soviet Far East from the late 1920s to the early 1940s, using new sources. Measures to protect the airspace in the east of the country, taken by the command of the Separate Red Banner Far Eastern Army, were a response to the aggressive plans of militaristic Japan against the USSR, its provocative actions and armed conflicts (near Lake Hasan (1938), on the Khalkhin-Gol River (1939)). On the basis of archival documents, the author analyzes the activities (at the Union and regional levels) aimed at strengthening the overall air defense system of the Far East. The conclusion is made that it did not fully meet the requirements of modern warfare for that time. Nevertheless, the existing system of anti-aircraft defense ensured security of the Soviet state to a certain extent. The experience of its organization seems relevant at the present time due to growing military and political tensions in the Asia-Pacific region.*

Keywords: *USSR; anti-aircraft defense; Far East; Separate Red Banner Far Eastern Army; aviation; aircraft; command post; local anti-aircraft defense; air warning service; V.K. Blyukher; Ya.K. Polyakov.*

В.Н. Селеменев

«НИКТО БОЛЬШЕ НЕ ГОВОРИТ О ЗАХВАТЕ МАЛЬТЫ, ЧТО ОБЛЕГЧИЛО БЫ ОККУПАЦИЮ ЕГИПТА…»

Планы итало-германской коалиции по захвату острова Мальта в 1942 году

Сведения об авторе. *Селеменев Вадим Николаевич — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военно-системных исследований материально-технического обеспечения ВС РФ) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва (Санкт-Петербург. E-mail: selvad@bk.ru).*

Аннотация. *Статья посвящена событиям на Средиземноморском театре военных действий в период Второй мировой войны, в частности планированию и подготовке Италией и Германией операции «Esigenza C. 3» («Требование С. 3») с целью захвата колонии Великобритании — Мальтийского архипелага.*

Ключевые слова: *Вторая мировая война; Средиземное море; Мальтийский архипелаг; операция «Требование С. 3», материальное обеспечение военной операции.*

На карте Средиземноморья едва различим крошечный Мальтийский архипелаг, находящийся между Сицилией и Северной Африкой. Если очертания Италии сравнивают с «сапогом Европы», то пять известняковых островков Мальтийского архипелага похожи на мелкие камушки, падающие с его подошвы. Однако, несмотря на небольшую протяжённость самого большого острова в 15 морских миль (по другим данным — 27 км, шириной 15 км. Остров Гозо примерно в два раза меньше, а длина Комино составляет всего 2 км) и общую площадь 315,6 км², архипелаг из-за своего месторасположения приобрёл во время Второй мировой войны важное значение. Мальта позволяла контролировать не только торговые пути в этом регионе, но и любые военные передвижения по морю и воздуху.

Поскольку остров Мальта фактически считался британской колонией, то и базироваться здесь могли (вопреки пожеланиям, например, Италии) английские боевые корабли и суда. Кроме того, архипелаг со временем стал «непотопляемым авианосцем» со значительными возможностями размещения самолётов разных типов.

В отечественной историографии известны работы В.С. Корякина «Две блокады Мальты» и Ю.С. Сергеева «Непокорённый остров: героическая оборона Мальты во Второй мировой войне», где рассматривается роль этого маленького острова, ставшего в то время огромной проблемой для Германии и её сателлитов, которые вели боевые действия в Северной Африке. Для них вопрос овладения Мальтой стоял острее, чем когда-либо. Особенно это касалось итальянцев: они хорошо понимали значение острова и давно хотели взять его под свой контроль.

Следует отметить, что реальный план вторжения на Мальту возник во время англо-итальянского кризиса, вызванного войной в Эфиопии в 1935 году. Отношения между Италией и Великобританией оказались настолько напряжёнными, что в 1936 году итальянский ВМФ начал проработку планов, в которых Мальта рассматривалась как приоритетная цель, по-

скольку с захватом острова Великобритания лишалась важнейшей военно-морской и военно-воздушной базы.

Весной 1940 года итальянский ВМФ подготовил первый вариант морской десантной операции, который периодически уточнялся[1]. С вступлением 10 июня 1940 года Италии в войну против Великобритании и Франции 18 июня командование итальянского ВМФ представило новый вариант захвата острова, в котором прослеживались предыдущие положения плана, разработанного в 1935—1936 гг.

Однако у Италии не имелось подготовленного личного состава, необходимого вооружения, самолётов и десантных судов для самостоятельного проведения такой операции[2]. Поэтому итальянское верховное командование не одобрило данные предложения по захвату слабозащищённой тогда Мальты, что в дальнейшем оказалось серьёзной ошибкой. Поскольку весной 1940 года военное министерство Великобритании считало, что архипелаг невозможно удержать из-за малочисленности местного гарнизона и угрозы налётов итальянской авиации с Сицилии, оно не уделяло серьёзного внимания укреплению обороны Мальты от военной угрозы Италии[3]. Например, в тот период здесь имелось всего 42 зенитных орудия и 12 истребителей.

Несмотря на прибытие немецких войск в феврале 1941 года в Ливию, политическому руководству Германии театр военных действий на Средиземном море виделся незначительным по сравнению с предстоявшим вторжением в СССР, которое требовало мобилизации всех имевшихся ресурсов.

Схема 1. Геостратегическое положение Мальтийского архипелага

Японский адмирал Кацуо Абэ на борту крейсера «Дука д'Аоста». Рядом с ним справа командир 7-й морской дивизии адмирал Марио Касарди и немецкий контр-адмирал Р. Шеер

Тем не менее с острова Мальта англичане продолжали наносить значительный урон итальянским и немецким конвоям, доставлявшим материальные средства и личный состав в Северную Африку, что стало серьёзным препятствием к захвату Египта. В августе 1941 года до 35 проц. направлявшихся туда грузов оказались потерянными из-за действий англичан. В октябре эта доля возросла до 63 проц. Поэтому итало-немецкому командованию требовалось обеспечить безопасность коммуникаций с Ливией и Киренаикой, одновременно парализовать морские коммуникации противника с целью срыва поставок английских материальных средств в Тобрук и на Мальту[4].

Генерал-фельдмаршал А. Кессельринг по прибытии в Италию на должность главнокомандующего Южного фронта быстро осознал острую необходимость захвата Мальты для стабилизации позиций стран оси в Средиземном море. Ещё при назначении на эту должность ему поставили задачу как можно быстрее нейтрализовать Мальту с целью установления надёжного снабжения войск в Северной Африке. Однако все его предложения по захвату Мальтийского архипелага упёрлись в нехватку сил и средств[5].

Следующей датой начала решительных действий по захвату Мальты можно считать 14 октября 1941 года, когда начальник итальянского генерального штаба У. Кавальеро принял решение о подготовке десантной операции «Требование С. 3»[6], считая, что это устранит для Италии самую серьёзную опасность на Средиземном море[7].

В декабре 1941 года начались бомбардировки Мальты, и с каждым днём авиация коалиции лишь усиливала удары. В марте 1942 года на остров были сброшены до 2170 т бомб, в апреле — 6728 т. В отдельные дни в налётах участвовали до 300 самолётов. Результатом стало полное разрушение верфи, потопление и повреждение нескольких кораблей и подводных лодок, уничтожение на аэродромах и в воздушных боях до 150 английских самолётов.

Однако попытки итало-немецкого командования блокировать остров с целью прекращения подвоза материальных средств также потерпели неудачу. Мальта оказалась достаточно хорошо защищена, чтобы её можно было нейтрализовать только с помощью авиации.

В середине февраля 1942 года А. Кессельринг доложил А. Гитлеру и Г. Герингу свои аргументы о необходимости проведения совместной итало-германской операции по захвату острова[8]. В итоге появилась директива командования сухопутных войск вермахта от 17 февраля 1942 года, в которой было приказано принять меры для комбинированного итало-немецкого вторжения на Мальту[9]. Это означало получение необходимых ресурсов в виде дополнительных войск, судов, авиации и сырья, которых итальянцам не хватало для проведения операции. Это решение ускорило процесс планирования.

В середине февраля 1942 года Б. Муссолини соглашается с предложением У. Кавальеро проконсультироваться у немцев, но прежде всего у японцев, накопивших большой опыт десантных операций на Дальнем Востоке[10].

21 и 22 февраля Кавальеро провёл двухдневное совещание, на котором присутствовали генерал Антонио Гандин, адмирал Тур, несколько итальянских штабных офицеров и представители японской военной миссии в Риме — ад-

мирал Хироаки Абэ, капитан 1 ранга Митунобу и полковник Симидзу. Японские офицеры представили ряд предложений, основанных на знаниях и личном опыте. В частности, при планировании и проведении воздушных десантов и морских операций они подчёркивали важность таких факторов, как концентрация огневой мощи в районе приземления (высадки), точная разведка, абсолютная секретность, радиомолчание и внезапность, подробное планирование и децентрализованное исполнение, твёрдое управление и контроль, надлежащая организация выполнения задач, а также подготовка войск. Кроме того, они уделили особое внимание характеристикам и количеству необходимых десантных кораблей.

Японцы запросили подробную информацию о двух малых островах Гоцо и Комино, утверждая, что, если на этих островках состоятся вспомогательные десанты, они должны быть реальные, а не ложные, которые никого не обманут, если такое обнаружится. Долго обсуждалось состояние системы британской обороны. Было принято решение, что итальянцы и японцы составят планы операции отдельно, чтобы сравнить их[11].

Рекомендации японцев произвели впечатление на Кавальеро и других участников совещания. Кавальеро в личном письме, направленном начальникам штабов трёх видов вооружённых сил, обратил внимание на высокую эффективность ночных операций, проводившихся японцами, особенно при десантировании, и приказал, чтобы учения по «Требованию С. 3» проводились исключительно в ночное время.

5 и 6 марта 1942 года рассматривались предварительные планы, подготовленные японской и итальянской сторонами. Общим недостатком стало игнорирование возможностей ВМФ, который не мог перевезти более 24 тыс. человек с 32 орудиями и 30 танками. Оба плана значительно превышали эти цифры в ходе ожидаемой продолжительности операции, на которую отводилось 48 часов, поскольку разработчики операции не рассчитывали на более длительное воздушно-морское господство в районе Мальтийского архипелага[12].

По мере того как планирование и подготовка продолжались, А. Гандин и его подчинённые стремились учесть и уроки немецкой воздушно-десантной операции «Меркурий» по захвату греческого острова Крит. В апреле 1942 года для совместной разработки операции в Рим прибыл командующий немецкими воздушно-десантными войсками генерал К. Штудент.

С целью подготовки операции 13 апреля 1942 года было создано управление С. 3, объединённое итало-немецкое[13], которым по-прежнему руководил генерал А. Гандин[14].

В конце января 1942 года определился начальный со-

Долго обсуждалось состояние системы британской обороны. Было принято решение, что итальянцы и японцы составят планы операции отдельно, чтобы сравнить их

Встреча Б. Муссолини с А. Гитлером 29—30 апреля 1942 г. для обсуждения средиземноморской и североафриканской стратегии стран оси. Крайний справа — генерал Антонио Гандин

Заградитель «Пелагоса», оборудованный длинными пожарными лестницами, позволявшими десантникам подняться на высокий скалистый берег.

став сил из сухопутных войск для проведения операции. В него вошли четыре дивизии: 185-я парашютная дивизия «Фольгоре», 80-я посадочная воздушно-десантная дивизия «Специя», две горные дивизии: 1-я «Суперга» и 4-я «Ливорно», а также специальные силы ВМФ, включая полк морской пехоты «Сан-Марко» с его морским парашютным батальоном и четырьмя десантными батальонами чернорубашечников[15].

Руководство операцией поручается командиру VII корпуса генералу Витторио Соньо. Командование сухопутных войск Италии 10 марта 1942 года переподчиняет генералу В. Соньо указанные дивизии, выделенные для операции «Требование С. 3». 22 марта меняется нумерация корпуса на XXX и происходит переброска его в Южную Италию для подготовки к операции по захвату Мальты[16]. В конце апреля генерал К. Штудент, командир XI авиационного корпуса, назначается командиром сводного воздушно-десантного корпуса на период подготовки и проведения операции.

В тот же период Гитлер и Муссолини встретились в замке Клессхайм недалеко от Зальцбурга для обсуждения ряда вопросов, включая ситуацию на Средиземноморском театре военных действий[17].

Тем временем при планировании операции возникла необходимость в дополнительных наземных войсках. 6 мая 1942 года командование сухопутных войск Италии, учитывая выделение для операции дополнительно трёх дивизий — 20-й пехотной «Фриули», 54-й пехотной «Наполи» и 26-й горной «Ассиетта», — предложило реорганизовать семь дивизий в три корпуса: объединённый воздушно-десантный корпус, корпус для высадки первой волны морского десанта и корпус для высадки второй волны.

В конце мая генерала К. Веккьярелли (заместитель начальника главного штаба сухопутных войск Италии), назначили командиром экспедиционного корпуса для проведения операции[18]. Под его командованием находились только сухопутные войска. Командующий морскими специальными силами осуществлял руководство частями сухопутных войск от посадки на суда до высадки на берег[19].

Для обеспечения секретности выбранных мест десантирования в официальной переписке и оперативных приказах использовались следующие условные названия: основной участок десантирования — «Фамагуста», участок Марсашлокк — «Ларнаки», остров Гоцо — «Кипр», участок Меллихи — «Алессандретта», участок Туффиха — «Бейрут», участок Магдалина — «Яффа»[20].

Итальянские и немецкие штабные офицеры определились по ключевым моментам операции. Они предусмотрели выброску воздушного десанта для захвата южных высот Мальты с целью штурма основных аэродромов, расположенных к югу от Валлетты.

С учётом каменистого и крутого характера южного и восточного побережий острова высадка там считалась маловероятной, и местность практически не защищалась. Кроме того, направление наступления с юга на север помогало избежать «линии Виктории», хорошо укреплённой оборонительной полосы, проходившей через северо-запад острова[21].

Высадке основного морского десанта предшествовали действия водолазов по подрыву заграждений, а также штурмовых групп, специально обученных и

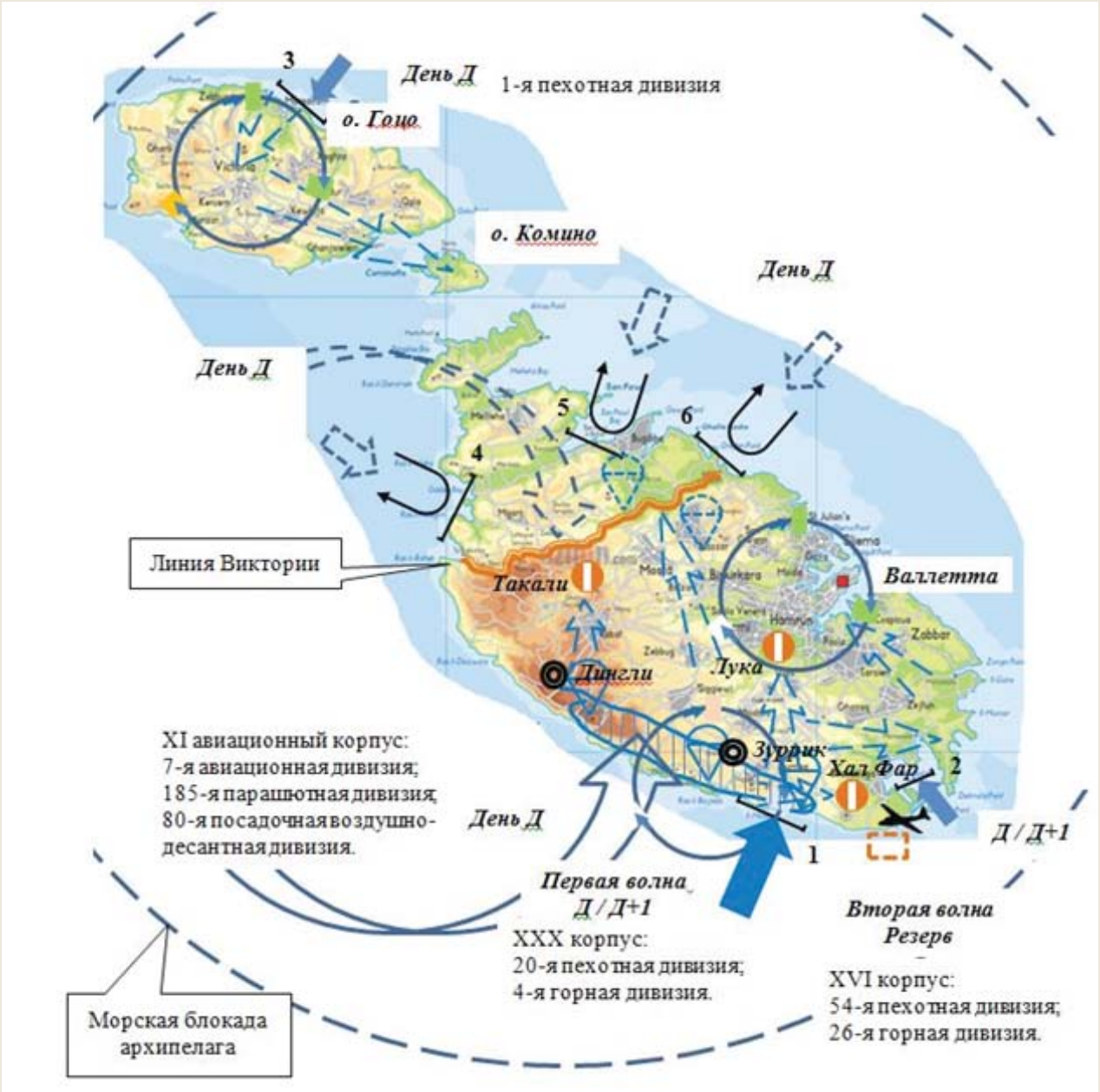
оснащённых пожарными лестницами, чтобы подняться и захватить скалистый берег. Операция оценивалась как сложная, с массированным применением всех имевшихся военно-воздушных и военно-морских сил против любых попыток противника оказать сопротивление, и состояла из двух этапов.

Первый предусматривал усиление уже проводившейся воздушной и морской блокады острова, а также нанесение воздушных ударов, целями которых являлись аэродромы английской авиации, объекты противовоздушной и береговой обороны, наземные оборонительные позиции противника, водораспределительные сооружения, а также пункты управления и связи.

На втором этапе предусматривалось усиление атак против вышеназванных целей для изоляции Валлетты и срыва контратак британских войск. Благодаря воздушной разведке острова все оборонительные позиции британских войск на Мальте были известны и отмечены на картах для ударов штурмовой авиации.

Во второй половине первого дня начала операции планировалась выброска воздушных десантов численностью до 18,5 тыс. парашютистов из немецкой 7-й авиационной (парашютной) дивизии (11 тыс. человек) и итальян-

Схема 3. План проведения операции «Требование С. 3». Участки десантирования: 1 — «Фамагуста», 2 — «Ларнаки», 3 — «Кипр», 4 — «Бейрут», 5 — «Алессандретта», 6 — «Яффа»



ской 185-й парашютной дивизии «Фольгоре» (7500 человек) с целью захвата господствующих высот над пляжами, намеченными для высадки в южной части острова. Выброска проводилась двумя последовательными волнами в 14.00 и 18.00 в районе Дингли — Зуррик с задачей захвата и удержания района шириной до 12 км и глубиной до 2 км, вечером — высадка посадочного десанта на планерах в районе Калафране и форта Бенгиса[22] для содействия высадке морского десанта в бухте Марсашлокк. Ложные парашютные десанты планировалось провести на севере Мальты путём выброски манекенов.

Следующей целью для итало-немецких парашютистов являлся захват ближайшего аэродрома Хал Фар (из трёх существовавших аэродромов Лука, Такали и Хал Фар). После этого на захваченный аэродром планировалось десантирование посадочным способом 80-й посадочной воздушно-десантной дивизии «Специя» (10 500 человек). Для этого предполагалось использовать 11 групп транспортных самолётов, включая семь немецких, насчитывавших до 500 самолётов Ю-52. Кроме того, выделялись 300 планеров DFS 230 (вместимостью до 10 человек) и 200 больших планеров Go 242 (23 десантника или пушка). Планировалось использовать 20 планеров Me.321 «Гигант» вместимостью до 200 десантников, которые буксировали созданные на базе двух бомбардировщиков He-111 пятидвигательные He-111Z «Цвиллинг». Четыре итальянские группы насчитывали 180—220 транспортных самолётов, в основном SM.75 (на 24—28 человек), SM.81 (12—14 человек) и SM.82 (30—34 человека).

С учётом небольшого расстояния, до 150 км, от аэродромов на Сицилии до планировавшихся площадок приземления на Мальте имелась возможность ежедневно осуществлять до четырёх самолёто-вылетов.

Для сопровождения транспортных самолётов и планеров немецкое командование выделяло 216 истребителей и 200 других боевых самолётов для авиационной поддержки операции. Итальянцы выделяли 222 истребителя и 470 различных бомбардировщиков, торпедоносцев и штурмовиков[23].

Морское десантирование предполагалось осуществить незадолго до полуночи в первый день операции после захвата парашютистами господствующих высот над пляжами в двух районах на юго-западном побережье острова.

Краеугольным камнем всей операции стал успешный захват плацдарма в районе под кодовым названием «Фамагуста» вдоль юго-западного побережья. Здесь местность в целом являлась неровной и возвышалась над уровнем моря и по этой причине была менее защищённой. Для этого 20-я пехотная дивизия «Фриули» (10 тыс. человек) XXX корпуса высаживалась на юго-западном побережье острова в районе Кренди, на участке «Фамагуста», под прикрытием орудий итальянского флота. Два полка дивизии специально обучили захвату прибрежной зоны.

Первыми высаживались специальные десантные войска в составе полка морской пехоты «Сан Марко» (2000 человек), 1-го штурмового батальона и батальона «Лорето» ВВС (1200 человек), трёх батальонов чернорубашечников (1900 человек) и пожарного батальона «Санта-Барбара» национальной пожарной бригады. В течение последующих 12 часов вторым эшелоном высаживалась 4-я горная дивизия «Ливорно» (9850 человек) со средствами усиления.

Ложные парашютные десанты планировалось провести на севере Мальты путём выброски манекенов

Высадка по трапу с оборудованной двигателем рыбацкой лодки

Из этого района на второй день операции 4-й горной дивизии «Ливорно» вместе с десантниками требовалось энергично продвигаться к аэродрому Лука. Этим обеспечивалась безопасность левого фланга 20-й пехотной дивизии «Фриули» и 80-й посадочной воздушно-десантной дивизии «Специя», наступавших на Марсашлокк и далее в направлении Валлетты.

В бухте Марсашлокк высаживался батальон чернорубашечников, усиленный сапёрами, итальянскими средними танками М.13. Ложное десантирование проводилось в заливах Святого Павла и Меллиха и к северо-западу от Валлетты возле линии Виктории, на участках «Бейрут», «Алессандретта» и «Яффа», для введения противника в заблуждение.

Следующая волна десанта, включавшая итальянский XVI корпус из 26-й горной «Ассиетты» (9000 человек) и 54-й пехотной «Наполи» (8900 человек) дивизий, артиллерии и 10-й танковой группы (3200 человек), высаживалась в захваченной бухте Марсашлокк (участок «Ларнаки»). Высадившиеся дивизии, прорывая «линию Виктории» с юга, завершали оккупацию острова.

На рассвете первого дня операции 1-я пехотная дивизия «Суперга» десантировалась на небольшие острова Гоцо и Комино для последующего их использования в качестве базы материально-технического снабжения.

На основной морской десант и высадку последующего эшелона отводилось двое суток. Общая численность войск, высаживавшихся на архипелаг, достигала 70 тыс. человек. Они имели на вооружении 104 танка 10-й танковой группы, артиллерию, насчитывавшую 64 самоходных и 300 буксируемых артиллерийских орудий, 238 47-мм противотанковых пушек, 120 20-мм автоматических пушек, пехота располагала 360 миномётами, 250 огнемётами и 84 противотанковыми ружьями. При этом планирование морских десантов на Мальте итало-германское военное руководство непосредственно связывало с противодействием на Средиземном море возможному вмешательству ВМС противника.

Подготовка бомбардировщика BR.20 на аэродроме в районе города Гербини на Сицилии к боевому вылету для бомбардировки Мальты

Первая группа задач возлагалась на специальные морские силы, которые обеспечивали непосредственную охрану конвоев в районах посадки и высадки, блокаду прибрежных вод Мальты. Для этого в портах Сицилии базировались флотилия немецких торпедных катеров и флотилия тральщиков, имевшие в своём составе 20 торпедных катеров, девять MAS (противолодочных торпедных катеров), три патрульных катера, один немецкий эсминец, 12 тральщиков и 10 буксиров.

Для перевозки войск использовались 10 пароходов (по 1200 человек на каждом) и шесть — для перевозки материальных средств, 25 моторных парусников, три танкера с водой и два с жидким топливом.

Имелся разнородный флот десантных средств, включая 3 заградителя, 4 танкера, 2 теплохода, 97 самоходных паромов (из них 32 немецких), 100 катеров, 24 моторные лодки, 30 моторных парусников, 7 специально оборудованных малых пароходов и 2 парома[24].

С целью перевозки морских десантов транспортные и десантные суда выходили ночью из портов Сиракузы, Порто-Эмпедокле, Ликата, Палермо, Катания, Лампедуза и сходились для осуществления десантирования в назначенных точках сбора: семь конвоев в районе «Фамагусты», один в районе «Ларнаки» и четыре — у острова Гоцо.

Обязательными условиями для выполнения задач операции «Требование С. 3» являлись:

— превосходство военно-морских и воздушных сил в Средиземном море;

— нахождение основных морских сил противника в своих портах;

— интенсивные превентивные воздушные действия на Мальте, в частности в районах десантирования;

— благоприятные погодные условия в течение 48 часов;

— благоприятная лунная фаза (новолуние или последняя четверть), связанная с непосредственным сопровождением конвоев по защите от авиации, подводных лодок и минной опасности.

Начало десантирования намечалось в полночь установленного дня одновременно в пяти районах побережья, чтобы завершиться той же ночью в максимально короткие сроки. Одновременно требовалось обеспечить высадившиеся войска материальными средствами не менее чем на пять суток.

Корабельная артиллерия поддерживала высадку десантов, проводившихся в четыре волны под защитой дымовых завес. После десантирования транспортные суда возвращались на свои базы для посадки следующих контингентов, в то время как моторные лодки оставались на Мальте для решения логистических задач по транспортировке личного состава и грузов.

Высадившаяся итальянская пехота могла рассчитывать на огневую поддержку корабельной артиллерии. Для ведения огня по неподвижным целям, таким как долговременные укрепления или войска на оборонительных позициях, могли использоваться два линкора V морской дивизии, базировавшиеся в Мессине, с соответствующим эскортом. На рассвете первого дня они могли своими 320-мм орудиями поддерживать высадившиеся войска. При стрельбе первым зарядом (максимальная дальность 26 км) они поражали практически весь остров, включая порт Валлетты, оставаясь вне досягаемости артиллерии британского форта Делимара. Сразу после обстрела Мальты линкоры возвращались в Мессину, чтобы находиться в готовности выйти в море в случае любого вмешательства военно-морских сил противника. Этому посвящалась особая директива для ВМФ в отношении проведения операции на Мальте, которая определяла следующие цели:

— противодействие вторжению ВМС противника в прибрежные воды Мальты;

— предотвращение любых диверсионных операций ВМС противника;

— срыв снабжения Мальты надводными кораблями и судами.

В отношении морских сил противника предполагалось, что минимальное время подхода их к Мальте составит 48 часов, а максимальное — три дня. Основная часть итальянских сил базировалась в следующих военно-морских базах: три линкора в Неаполе, два линкора, четыре тяжёлых и пять лёгких крейсеров в Мессине-Огасте и три лёгких крейсера в Кальяри. Эти силы выходили в море, чтобы предотвратить прибытие к Мальте военно-морских сил противника, шедших из Александрии или Гибралтара. Дополнительно планировались завесы из 30 подводных лодок, а авиация с Родоса и Крита проводила регулярную воздушную разведку над Александрией[25].

К началу июня 1942 года планирование почти завершили и согласовали

Таким образом, к началу июня 1942 года планирование почти завершили и согласовали. Однако вся операция основывалась на трёх основных условиях:

— наличие немецкой транспортной авиации, а также прибытие обещанного подкрепления;

— предоставление Германией жидкого топлива, необходимого для итальянского флота, учитывая его нехватку;

— возможность перебросить по морю и высадить на остров около 70 тыс. военнослужащих.

Для подготовки сухопутных войск было издано руководство по обучению, основанное на таких основных принципах, как: наращивание и обучение воздушно-десантных частей (парашютных и посадочных воздушно-десантных), а также преобразование типовых пехотных дивизий в специально организованные, обученные и оснащённые морские десантные.

Согласно плану захвата Мальты был утверждён

трёхэтапный график обучения войск (с 20 марта до планировавшейся даты проведения операции) с переходом от индивидуальной подготовки и тактики малых подразделений к проведению крупномасштабных воздушно-десантных и морских десантов.

Достижению высокого уровня межвидового взаимодействия (сухопутные войска и ВВС, сухопутные войска и ВМФ), а также взаимодействию 185-й парашютной дивизии «Фольгоре» и 80-й посадочной воздушно-десантной дивизии «Специя» с немецкими парашютными частями придавалось первостепенное значение.

С середины апреля 1942 года в 185-й парашютной дивизии «Фольгоре» появились немецкие инструкторы[26]. Боевая подготовка в ней велась с 1 марта 1942 года. Дивизия отличалась высоким уровнем морально-психологического состояния, т.к. все офицеры и солдаты являлись добровольцами.

80-ю посадочную воздушно-десантную дивизию «Специя» сформировали на базе обычной пехотной дивизии. Её военнослужащие обучались быстрой погрузке и выгрузке личного состава, транспортных средств и вооружения из самолётов, а также перевозкам по воздуху при разных условиях полёта.

Предназначенные для морского десанта пехотные дивизии надо было переформировывать, обучать и перевооружать, чтобы они могли под огнём противника десантироваться на берег. Это потребовало взаимодействия с ВМС с целью обеспечения каждой полковой боевой группы необходимыми десантными судами для обучения морскому десантированию.

17 апреля 1942 года командование сухопутных войск издало руководство по проведению морских десантов, в котором учитывались опыт японских специалистов и результаты начальных учений. В частности, документ определял высадку штурмовых групп как первое действие морского десанта, за которым следовала волна пехотных подразделений для захвата и расширения плацдарма[27].

Географическая разбросанность мест дислокации привлекавшихся формирований, недостаточное количество десантных плавучих средств и необходимость оперативной маскировки невольно упрощали сами учения. Часто их проведение ограничивалось только одним каким-либо подразделением, хотя и проходили они с необычайным реализмом на высоких скалистых берегах побережья Тосканы, напоминавших мальтийские. Для этого использовались пожарные лестницы и трапы длиной до 30 м, которые сбрасывались с носовой части морских транспортных средств. В середине июня 1942 года японский адмирал Абэ в письме к итальянскому адмиралу Туру отмечал: «Наблюдая за вашими подчинёнными на учениях, я вернулся в Рим с убеждением, что вы сможете блестяще справиться с задачей»[28].

Таким образом, план в целом был отработан, войска находились в готовности, оставалось только назначить день начала операции. На предложение Италии, которая требовала проведения её в первой половине июня 1942 года, немецкое командование возражало, что к этому времени не будет в наличии ни парашютистов, ни военно-морских средств, ни нефти.

Немцы сомневались, что итальянский ВМФ сможет контролировать в ночное время акваторию вокруг Мальты. В течение дня немецкая и итальянская авиация могла сражаться с базировавшимися на Мальте английскими самолётами за господство в воздухе и наносить удары по английским кораблям, но ночью английский флот благодаря имевшимся радарам имел

В середине июня 1942 года японский адмирал Абэ в письме к итальянскому адмиралу Туру отмечал: «Наблюдая за вашими подчинёнными на учениях, я вернулся в Рим с убеждением, что вы сможете блестяще справиться с задачей»

значительное преимущество над итальянским.

Когда 21 июня 1942 года немцы захватили Тобрук, они отложили захват Мальты до завершения наступления в Северной Африке, которое считали победоносным.

Огромные потребности Советско-германского фронта в самолётах и топливе, успешное наступление Э. Роммеля на восток Африки через Триполитанию и недоверие к способности итальянцев провести такую сложную операцию — всё это способствовало постоянным переносам сроков и в итоге отмене в конце июля 1942 года самой операции[29].

Суть такого поворота дела заключалась не в том факте, что в мае не было принято решение о проведении операции, а в том, что её своевременно не подготовили к тому моменту, когда сложились благоприятные условия для её проведения, и эта ответственность лежала на итальянцах не меньше, чем на немцах.

Один из военнослужащих 185-й парашютной дивизии «Фольгоре» Баттиста Дж. Дроверо так описал в своём дневнике отказ от операции: «21 июня 1942 года. Это памятный день. Итало-германская армия захватывает Тобрук, находящийся в руках англичан с января 1941 года. Из военных сводок мы узнаём, что Роммель преследует 8-ю британскую армию в направлении Александрии. Нас, парашютистов дивизии “Фольгоре”, победа Роммеля лишает возможности сражаться. Никто больше не говорит о захвате Мальты, что облегчило бы оккупацию Египта, контроль над морскими маршрутами и Суэцким каналом. Появились слухи о скором отбытии в Северную Африку, где мы будем воевать в качестве обычной пехоты. Какое разочарование после стольких усилий и надежд»[30].

Во второй декаде июля авиационные атаки против Мальты возобновились в небольшом масштабе и, как происходило ранее, с уменьшением воздействия на остров, активность его военно-морских и воздушных сил возрастала, что приводило к увеличению потерь среди итальянских морских конвоев.

В тот период речь уже зашла о полном отказе от проведения операции «Требование С. 3». У. Кавальеро 7 июля довёл до генерала А. Гандина решение об отмене операции и начале следующей — «Требование С. 4» по оккупации Туниса. 10 июля началась отправка морских моторных средств, предназначавшихся для Мальты, в Африку. 17 июля немцы отозвали своих инструкторов, помогавших готовить итальянских парашютистов.

Официальная отмена операции по захвату Мальты состоялась 27 июля 1942 года. В сообщении У. Кавальеро трём командующим видами вооружённых сил отмечалось, что общая военная ситуация и метеорологические условия не позволяют проведение в текущем году операции «Требование С. 3»[31].

Операция «Требование С. 3», со временем затерявшаяся в истории, привлекает меньше внимания, чем заслуживает. Хотя она и не вышла за рамки планирования и подготовки, тем не менее представляет интерес для изучения опыта взаимодействия военных структур трёх стран военно-политического блока. Наиболее сложным для них явился трудный перевод расплывчатых и противоречивых политических указаний в чёткие приказы и решения по организации и подготовке объединённых сил.

Оценка роли Мальты в исходе войны на Средиземном море также остаётся противоречивой. С одной стороны, имеются утверждения ряда исследователей, что отказ от захвата Мальты представляет собой единственную, наиболее критичную ошибку в стратегии стран оси в Северной Африке и Средиземноморье[32]. С другой стороны, их оппоненты высказываются, что логистические проблемы в Северной Африке оказались неразрешимыми и без роли Мальты в борьбе с конвоями, доставлявшими материальные средства из Италии в Триполитанию[33].

В августе 1942 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль отмечал, что падение Мальты серьёзно повлияло бы на положение союзников в Средиземноморье, представляя собой катастрофу первой величины для Британской империи[34].

С этим трудно согласиться из-за преувеличения масштаба потери. Безусловно, захват острова позитивно мог повлиять на доставку пополнений и материальных средств итало-немецким войскам в Северной Африке, боеспособность которых от этого возросла бы. Но данное обстоятельство не могло идти ни в какое сравнение с военно-экономическим потенциалом США, начавшими перебрасывать свои войска в Алжир.

Гипотетический захват Мальты в 1942 году мог только отсрочить на некоторое время капитуляцию итало-немецкой группы армий«Африка». Соответственно с аналогичным сдвигом могли бы происходить последующие события, приведшие к конечному итогу — выходу Италии из войны на стороне нацистской Германии и Японии.

Примечания

[1] *Greene Jack*. Massignani Alessandro The Naval War in the Mediterranean 1940—1943. Chatham Publishing. 1998. P. 64.

[2] *Mariano Gabriele*. Operazione C3: Malta. 2nd ed. (Rome, Italy: USMM, 1990). P. 12—17, 65.

[3] *Megan Debono*. Malta is a magnificent story: Malta's symbolic role in the Second World War. The Florida state university college of arts and sciences. 2011. P. 11.

[4] История Второй мировой войны 1939—1945 / Под ред. А.А. Гречко. Т. 4. М.: Воениздат, 1975. С. 410.

[5] *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933—1947. М.: Центрполиграф, 2003. С. 150.

[6] Операция «Требование С.3» включала разработку плана и оперативных директив по высадке на Мальте и захвату острова. Это главная цель, которую маршал Кавальеро преследовал с самого начала своей деятельности на посту начальника генерального штаба. Он считал, что захват Мальты устранит самое значительное препятствие для морского сообщения с Ливией и самую серьёзную угрозу на Средиземном море.

[7] L'Italia in guerra il 3° anno — 1942. Cinquant'anni dopo l'entrata dell'italia nella 2a Guerra mondiale (A cura di: R.H. Rainero, A. Biagini) Aspetti e problem. Stabilimento grafico militare. Gaeta. 1992. P. 409.

[8] *Кессельринг А.* Указ. соч. С. 160.

[9] Oberkommando des Herres, «Studie Malta. 1941—1942», T78. MR 1754, Collection of Foreign Records Seized 1941, Record Group 242, National Archives and Records Administration, Washington, DC, 24—28.

[10] *Mariano Gabriele*. Op. cit. P. 103.

[11] L'Italia in guerra il 3° anno — 1942... P. 412.

[12] *Francesco Mattesini*. L'esigenza «C.3» (operazione «Hercules») e il blocco di Malta nel contesto della guerra in mediterraneo nel 1942. Parte prima Francesco Mattesini Malta — il monumento ai caduti della seconda guerra mondiale di fronte ai bastioni della Valletta. Roma. 2019. P. 23.

[13] *Кавальеро У.* Записки о войне: дневник начальника итальянского Генерального штаба. М.: Воениздат, 1968. С. 148.

[14] **Антонио Гандин** — бригадный генерал с 1940 г., служил в итальянском верховном командовании по 1942 г. Затем находился на Советско-германском фронте. 16 июня 1943 г. был назначен командиром 33-й пехотной дивизии «Акуи» на греческом острове Кефалония. После выхода Италии из войны в сентябре 1943 г. был расстрелян немцами за отказ разоружить свою дивизию.

[15] *Mariano Gabriele*. Op. cit. P. 98.

[16] *Andrea Vento*. In silenzio gioite e soffrite: storia dei servizi segreti italiani dal Risorgimento alla Guerra Fredda, Milano. Il Saggiatore s.p.a. 2010. P. 404.

[17] *Митчем Сэмюэль*. Величайшая победа Роммеля: война в Северной Африке, 1942—1943: сборник. М.: АСТ, 2002. С. 49.

[18] *Emilio Faldella*. L'Italia nella seconda guerra mondiale: revisione di giudizi. Bologna, Cappelli, 1959. P. 431, 432.

[19] *Mariano Gabriele*. Op. cit. P. 292.

[20] *Francesco Mattesini*. Op. cit. P. 70.

[21] «Линия Виктории» являлась оборонительным рубежом, протянувшимся с востока на запад в северной части Мальты на 12 км вдоль естественного горного разлома. Построена англичанами в конце XIX в. для защиты юго-восточной части острова от возможной высадки противника на северном побережье с пологими пляжами. Все главные города, включая столицу, находились в южной части острова за укреплённой линией.

[22] Калафрана являлась гидроаэродромом для гидросамолётов на самой южной оконечности о. Мальта, форт Бенгиса находился на возвышенном берегу моря, на мысе Бенгиса, южном рукаве бухты Марсашлокк.

[23] *Lutton Wayne*. Malta and the Mediterranean: A Study in the Allied and Axis Strategy, Planning, and Intelligence during the Second World War.Ann Arbor, MI: University MicrofilmsInternational, 1983. P. 95.

[24] L'Italia in guerra il 3° anno — 1942... P. 425.

[25] Ibid. P. 425—427.

[26] С 1 сентября 1941 г. 1-й, 2-й парашютные и парашютный артиллерийский полки свели в 185-ю парашютную дивизию «Фольгоре». Постоянная дислокация предусматривалась в Риме. В марте 1942 г. в дивизии был сформирован 3-й парашютный полк.

[27] *Mariano Gabriele*. Op. cit. P. 131.

[28] *Alessandro Vivarelli*. The axis and the intended invasion of Malta in 1942: a combined planning endeavor. School of advanced military studies United States Army command and general staff college fort Leavenworth, Kansas. 2014. P. 52.

[29] Ibid. P. 7.

[30] *Battista G.* Drovero. Ritorno a El Alamein: i Paracadutisti della Folgore in Africa Settentrionale. Milano, Italy: Mursia editore, 1999. P. 78.

[31] L'Italia in guerra il 3° anno — 1942... P. 433.

[32] *Peter Shankland, Anthony Hunter.* Malta Convoy. New York, NY: Ives Washburn, Inc., 1961. P. 34.

[33] *Martin Van Creveld*. Supplying War: Logistics from Wallenstein to Patton. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1977. P. 181—192.

[34] *Megan Debono*. Op. cit. P. 9.

V.N. Selemenev

«NO ONE ELSE IS TALKING ABOUT THE CAPTURE OF MALTA, WHICH WOULD FACILITATE THE OCCUPATION OF EGYPT...»

Plans of the Italian-German coalition to seize the island of Malta in 1942

Information about author. *Vadim Selemenev — researcher at the Research Institute (military-system research of logistical support of the Russian Armed Forces) of the Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev (St. Petersburg. E-mail: selvad@bk.ru).*

Summary. *This paper examines events in the Mediterranean Theater of Operations during World War II, particularly the planning and preparation of Operation Esigenza C.3 (Hercules), by Italy and Germany to seize the British colony, the Maltese Archipelago.*

Keywords: *World War II; Mediterranean Sea; Maltese Archipelago; Operation Hercules; logistics of military operation.*

С.П. Ким

«ВСЕ НА МЕСТАХ РАБОТАЮТ, НИКАКОЙ ПАНИКИ»

Роль райкомов ВКП(б) Москвы в создании дивизий народного ополчения в июле 1941 года

Сведения об авторе. *Ким Сергей Петрович — научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: sergeypkim@gmail.com).*

Аннотация. *На основе документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, хранящихся в Научном архиве Института российской истории РАН, рассматривается роль райкомов ВКП(б) Москвы в создании в июле 1941 года дивизий народного ополчения. Деятельность Комиссии курировал начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров, но фактическим руководителем являлся член-корреспондент АН СССР И.И. Минц. Райкомы заняли ведущую позицию в системе органов, ответственных за организацию дивизий народного ополчения Москвы. В статье названы направления организационной работы райкомов, определены принципы отбора добровольцев и формирования дивизий, комплектования их командным составом и материальными средствами. Автор констатирует, что столичные райкомы действовали в основном самостоятельно и координировали соответствующую работу органов власти — гражданских (райисполкомов) и военно-территориальных (военных комиссариатов).*

Ключевые слова: *дивизии народного ополчения; райкомы; исполкомы; военные комиссариаты; Московское ополчение; Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР; И.И. Минц; П.А. Артемьев; А.С. Щербаков; П.И. Вакуленко; Н.Н. Пронин; П.И. Ходоров; А.Н. Козлов; А.Ф. Дружков; Н.М. Суровой.*

При всём многообразии и изобилии литературы и документальных свидетельств по истории Великой Отечественной войны в последнее время особую ценность приобретают ранее не известные источники личного происхождения, которые позволяют увидеть войну в «человеческом измерении». Интересны те из них, которые были созданы в период войны или сразу после её завершения. Один из таких источников — комплекс документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Комиссия) — находится в Научном архиве Института российской истории (НА ИРИ) РАН.

Комиссия была создана постановлением секретариата Московского областного и городского комитетов (МК и МГК) ВКП(б) от 10 декабря 1941 года под руководством члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца (1896—1991). Целями работы Комиссии являлись «подбор и систематизация материалов по истории отечественной войны (оборона Москвы) и прежде всего составление хроники»[1]. Одна из первых глав этой хроники должна была быть посвящена проблеме организации обороны столицы и создания из её жителей добровольческих дивизий народного ополчения (ДНО). Материалы Комиссии, связанные с этим эпизодом Великой Отечественной войны, отложились в фонде № 2, в котором насчитываются 17 422 дела. Документы, касающиеся истории создания и деятельности ДНО, представлены в разделах № 1 («История воинских частей и подразделений») и № 9 («Материалы по истории обороны Москвы»).

В малоисследованный массив документов Комиссии входят записи бесед сотрудников Института истории

СССР с председателями райкомов ВКП(б) Москвы, заведующими военными отделами райкомов и другими их функционерами, а также с партийными организаторами столичных предприятий и учреждений, которые непосредственно взаимодействовали с райкомами, выполняя задачи по подбору добровольцев. Особую ценность представляют отчётная и распорядительная документация, сводки о боевом пути ДНО, а также записи бесед с их рядовыми бойцами, командирами и политработниками. При этом среди опрошенных — не только кадровые военные (командующий и рядовой состав), но и гражданские (секретари райкомов и подчинённых им парторганизаций). Все эти документы относятся к периоду 1942—1944 гг.

Подавляющая часть стенограмм и записей бесед создавалась не после, а во время Великой Отечественной войны, что повышает уровень их достоверности по сравнению с мемуарной литературой и свидетельствами очевидцев, зафиксированными годы спустя. Кроме того, особенность данных материалов заключается в том, что практически все они не имеют следов прямой правки, из ограничений лишь самоцензура участников интервью и бесед.

Поскольку сегодня историки уделяют пристальное внимание источникам личного происхождения, материалы Комиссии могут дополнить уже введённые в научный оборот документы, а также мемуары участников Московского ополчения. Примеры — публикации А.С. Мохова, посвящённые истории создания 3-й гвардейской дивизии[2], а также связанных с рассматриваемой в статье темой уникальных документов столичных райкомов партии, хранящихся в Центральном государственном архиве г. Москвы[3].

На данный момент доля введённых в научный оборот документов из НА ИРИ РАН, свидетельствующих об организующей роли районных комитетов ВКП(б) Москвы в вопросах формирования ДНО, незначительна. Цель статьи — на основе этих источников подробнее охарактеризовать работу столичных райкомов и показать их роль в создании народного ополчения Москвы в июле 1941 года.

В 1941—1991 гг. история формирования Московского ополчения была освещена в крупных монографических исследованиях и очерках таких авторов, как Н.М. Алещенко, А.М. Синицын, К.И. Буков, В.С. Меметов, А.Д. Колесник[4]; в постсоветский период — в трудах В.А. Корнеева, В.Ю. Виноградова, С.М. Широкова, В.В. Климанова[5]. Среди современных российских историков этой теме посвятили свои работы А.А. Кириллов, В.И. Каримов и С.А. Разин, О.В. Будницкий[6].

Даты создания, боевой путь ополчения Москвы, общее количество добровольцев и средний процент коммунистов в их составе представлены в многотомных трудах по истории Великой Отечественной войны, изданных в 1961 и 2012 гг.[7] Тем не менее процесс создания и организации всех 12-ти ДНО в историографии показан неполно. Эта тема требует более глубокого исследования на базе документов центральных архивов. Необходимо дальнейшее изучение проблем организации ДНО, а также обучения и снабжения ополченцев[8].

Отправной точкой в формировании дивизий народного ополчения Москвы считается постановление военного совета Московского военного округа (МВО) № 0031 «О добровольной мобилизации жителей Москвы и Московской области в народное ополчение» от 2 июля 1941 года. Обстоятельства подготовки этого документа и его содержание в общих чертах осветил О.В. Будницкий[9].

Между тем добавим, что уже в конце июня 1941 года руководство СССР (прежде всего Л.П. Берия, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Н.А. Вознесенский, Г.М. Маленков и С.К. Тимошенко) осознало не-

обходимость создания ополчения.

1 июля было принято решение о мобилизации в течение 3—6 июля в столице 200 тыс., в Московской области — 70 тыс. человек. Каждый московский район должен был сформировать по одной дивизии. Мобилизации в ополчение подлежали граждане в возрасте от 17 до 55 лет. Руководство процессом возлагалось на создававшиеся райкомами «чрезвычайные тройки», куда входили секретарь райкома, председатель райисполкома и начальник районного отдела НКВД (иногда последнего заменяли начальником военного отдела райкома). Оформление добровольцев следовало производить через районные военкоматы. Мобилизации в ополчение не подлежали рабочие, занятые на оборонных производствах. Райкомы также обязывались изначально разместить личный состав дивизий и обеспечить формировавшиеся части автотранспортом, велосипедами, шанцевым инструментом (лопатами, топорами), котелками, котлами. За снабжение вооружением и боеприпасами отвечал МВО. Он же назначал командный состав дивизий, полков и батальонов. Райкомы должны были самостоятельно назначить 50 проц. командиров взводов из состава ополчения и до 40 проц. — командиров рот.

2 июля около 2 ч ночи в Кремль к председателю правительства В.М. Молотову были вызваны секретари всех райкомов Москвы, командующий войсками МВО генерал-лейтенант П.А. Артемьев и первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербаков. На этом совещании (началось между 3.00 и 4.00 ч и длилось полчаса) присутствовали Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский и С.К. Тимошенко. Обстановка в Кремле, как впоследствии вспоминал бывший секретарь Дзержинского района П.И. Ходоров, была спокойная и уверенная: «Все на местах работают, никакой паники»[10].

А.С. Щербаков
Эскиз к плакату, 1943 г.

В результате было решено, что на общегородском уровне мобилизацию ополчения возглавит «чрезвычайная семёрка» в составе командующего войсками МВО генерал-лейтенанта П.А. Артемьева (руководитель); секретарей: МГК ВКП(б) — И.М. Соколова, МК ВКП(б) — С.Я. Яковлева, МК и МГК ВЛКСМ — А.М. Пегова; начальника управления продовольственных товаров горторготдела П.В. Филиппова; начальника штаба МВО комбрига Д.П. Онуприенко; заместителя начальника штаба МВО подполковника И.К. Простова. «Семёрке» подчинялись «чрезвычайные тройки», возглавлявшиеся не кадровыми военными, а гражданскими лицами — первыми секретарями райкомов. «Тройки» в свою очередь руководили работой не только отделов райкомов, но и всех районных организаций. Военные отделы райкомов оказывали военкоматам помощь в отборе и подготовке ополченцев. Отделы агитации и пропаганды совместно с парторганизациями на местах проводили разъяснительные беседы с людьми, убеждая вступать в ДНО. Военные комиссариаты, судя по документам Комиссии и опубликованным документам, не подчинялись «тройкам» напрямую, однако согласовывали свою работу с райкомами. Отчёты о проведённых мероприятиях за подписью председателей «троек», доклады заместителей командиров дивизий по политчасти, касавшиеся формирования ополчения, следовало отправлять в МВО.

Уже в 8—10 ч началась работа над выполнением поставленных правительством задач во всех московских районах, для чего в каждом из них состоялись совещания с участием сначала бюро райкома, а уже 3 июля — и представителей всех районных государственных, научных и учебных учреждений, фабрик, заводов и партийных организаций. Здесь низовому руководству были объяснены стоявшие перед ним задачи.

Работу осуществляли главным образом по трём направлениям. Во-первых, следовало определить критерии и порядок отбора в ополчение, составить списки добровольцев, распределить их по полкам, батальонам, ротам и взводам, назначить командиров и политруков. Во-вторых, надлежало выделить помещения под штабы дивизий, сборные пункты для записи добровольцев, разместить их на время комплектования дивизий, организовать питание. В-третьих, необходимо было составить для столичных фабрик и заводов мобилизационные задания

по производству походных принадлежностей для нужд дивизий, обеспечения транспортом. За выполнение первой задачи отвечал военный комиссар района, второй задачи — первый секретарь райкома ВКП(б), третьей — председатель районного исполкома.

В райкомах и исполкомах закипела работа. О её первых результатах «тройки» отрапортовали военному совету МВО уже 4 июля. Были получены списки тех, кто хотел вступить в ополчение; выделены помещения. К 4 июля наладили работу по комплектованию дивизий, одновременно «тройки» дали подведомственным организациям и предприятиям указание немедленно начать производство военно-хозяйственного и сапёрного имущества.

Примечательно, что организация деятельности не была определена заранее, формат работы «троек» разнился от района к району. В Киевском районе «тройка» заседала непрерывно, а в Дзержинском, напротив, собиралась редко. В Куйбышевском районе её совещания проводились регулярно — раз в сутки — для обсуждения итогов дня. Каждый ответственный за своё направление (председатель райисполкома, военный комиссар, секретари райисполкомов) докладывал председателю «тройки» (первому секретарю райкома) о проделанной работе и тут же получал новые задания на ближайшее время. Работа по формированию ополчения получила наивысший приоритет, хотя всем госучреждениям на случай войны были определены конкретные мобилизационные задачи. Председатель Куйбышевского райисполкома Н.С. Юрченков отмечал, что не было ни одного отдела, который не занимался бы вопросами обеспечения дивизии, и только после её ухода районный исполком приступал к проработке мероприятий по эвакуации, а затем — строительству оборонительных линий на подступах к Москве[11].

Секретарям и руководителям всех организаций поставили задачу: в течение нескольких ближайших дней представить райкомам списки ополченцев на утверждение. Как вспоминали почти все первые секретари райкомов, после выступления И.В. Сталина в 06.30 утра по радио число желавших вступить в ряды ополчения возросло. Сначала запись в добровольцы никак не ограничивалась — на призыв защитить столицу от врага откликнулись многие из тех, кто не был призван в Красную армию в самом начале войны. Запись в добровольцы производилась по месту работы. «Тройкам» предстояло отобрать около 10—11 тыс. человек, пригодных к службе, не младше 17 и не старше 55 лет. «Было настолько много людей, желающих ехать на фронт, что мы вынуждены были даже сдерживать это движение», — вспоминал первый секретарь Ленинского района ВКП(б) Москвы Н.М. Суровой[12]. Запись в ряды ополчения в большинстве районов началась в 7.30 утра 3 июля и завершилась к исходу 4-го, а в некоторых районах — лишь к 5—6 июля, после чего «тройки» и прибывшие к тому времени командиры дивизий начали укомплектовывать полки из добровольцев.

После получения списков в райкомах и военкоматах начинался отбор добровольцев. При этом военные комиссары, как и руководители военных отделов райкомов, придерживались следующих критериев: партийность, опыт службы в армии, должность по месту работы. Факт прохождения добровольцем армейской службы, наличие у него боевого опыта на командных должностях в ходе Гражданской и Советско-финляндской войн, приграничных конфликтов особенно ценились в военных отделах, т.к. из людей, имевших такой опыт, формировали командный резерв. Военкомы и руководство военных отделов райкомов, просматривая списки записавшихся, исключали из рядов ополчения лишь тех, чей отрыв от работы мог повлиять на тыловое обеспечение (промышленные и оборонные предприятия) или деятельность наркоматов, что соответствовало постановлению военного совета МВО № 0031. Как вспоминал секретарь Дзержинского райкома П.И. Ходоров, «всё сводилось к тому, что надо призывать и принимать в дивизию народного ополчения всех, кто сможет владеть оружием и участвовать в сражениях. Призывать народ надо с толком, из тех организаций, без которых в военное время можно обойтись, чтобы военные предприятия могли работать. Мастеров, стахановцев, специалистов — стараться не брать»[13]. Однако, по документам Комиссии, только в двух районах было так много добровольцев, что всех их не смогли включить в состав дивизий. Например, по данным военного отдела Куйбышевского райкома, по запросам из наркоматов финансов и внешней торговли «отсеяли» 1500 человек[14]. Бывший комиссар штаба Киевской 21 ДНО батальонный комиссар М.М. Машкевич тоже указал, что очень многих командиров и политработников «невозможно было принять вследствие большого количества заявлений»[15].

Комплектование взводов, рот, батальонов и полков из зачисленных в дивизии

Здание Московского института железнодорожного транспорта (ныне Российский университет транспорта), где проходило формирование 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района Москвы

Памятный знак в честь 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района Москвы
Префектура Северного административного округа г. Москвы

Памятник «Плечом к плечу», посвящённый героям 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района Москвы
Район Свиблово

ополченцев началось 3 июля и продолжалось до 6 июля, но в большей части районов завершилось только 7—9, а дивизии выдвинулись из Москвы в пункты дислокации 9—12 июля.

Зачисление в ополчение производилось комиссариатами совместно с командованием дивизий на специально выделенном призывном пункте, куда приходили добровольцы — как отдельными группами, так и в составе коллективов под руководством уже имевших соответствующие списки парторгов предприятий и учреждений. Прибыв на призывной пункт, добровольцы переходили на казарменное положение, но с сохранением заработной платы на время службы. В списках районных комиссариатов и военных отделов райкомов отмечали тех, кто имел опыт военной службы, а военные отделы и секретари райкомов отбирали людей для партийного актива (потенциального «ядра» подразделений). В структуру ДНО должны были входить три стрелковых полка, запасный полк, санитарно-медицинский батальон, два отдельных артиллерийских дивизиона и четыре отдельных роты (разведывательная, сапёрная, связи, автомобильно-транспортная). Несмотря на стихийность записи в ополчение, у военных комиссариатов имелась примерная информация о том, сколько каждое предприятие/учреждение может предоставить добровольцев и с каким опытом службы. Об этом говорил, например, второй секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) П.И. Вакуленко: «У нас была предварительная намётка, откуда и сколько мы должны были призывать»[16]. Тем не менее при комплектовании подразделений рай-

комы стремились учитывать не только опыт службы, но и гражданские специальности вступавших в ополчение. Так, в Краснопресненском районе артдивизион и сапёрная рота укомплектовывались студентами МГУ (математиками и геологами).

Исходя из постановления военного совета МВО № 0031, численность каждой из дивизий, сформированных в 25-ти московских районах, должна была соответствовать численности сокращённой стрелковой дивизии военного времени — 9424 человека. Однако на практике на момент создания ДНО, к примеру, Кировская дивизия насчитывала 10,5 тыс. ополченцев, Дзержинская — 9, Куйбышевская — 8, Краснопресненская — 7,5, Ленинская и Сокольническая — по 7,5, Киевская — 7,6.

В 1942 году первый секретарь Ленинградского райкома А.Я. Секачёв в интервью сотрудникам Комиссии упоминал, что всего в 18-ю дивизию народного ополчения вступили около 3000 человек. Однако 4 июля 1941 года он в своём докладе А.П. Артемьеву отчитался о составлении списка на 7500 человек (чуть более 5 проц. населения района, 146,4 тыс. человек).

По воспоминаниям бывшего комиссара запасного полка 5 ДНО С.М. Ямщикова, в дивизию записались около 8000 человек, позднее их численность была доведена до 11,7 тыс. Всего же, по данным А.Д. Колесника, сформированные в июле 1941 года 12 ДНО насчитывали 119,5 тыс. человек[17].

Относительно качества набранных ополченцев имеются противоречивые оценки. Так, П.И. Вакуленко подчёркивал, что райкомам была поставлена задача собрать из числа жителей Москвы «лучших людей» в «лучшие дивизии Красной армии»[18]. Однако добровольцы не проходили медицинского обследования, не все из них владели оружием. К сожалению, хранившиеся в райкомах списки, использованные сотрудниками Комиссии для сбора необходимых статистических данных, составлялись парткомами и не содержат сведений военкоматов о службе и военно-учётных специальностях ополченцев. По мнению командира ДНО Ленинского района генерала Н.Н. Пронина, в дивизии было много лиц, которых было «просто нецелесообразно брать из Москвы», а также людей «из учёного мира, которые были бы полезны как работники умственного труда, а не бойцы». То же он говорил о ведущих инженерах, в которых больше нуждались столичные предприятия и учреждения[19].

Отдельной проблемой «троек» стало обеспечение ДНО командно-начальствующим составом. Планировалось, что ополченцы лишь частично (на 40—50 проц.) возглавят роты и взводы. На деле картина несколько отличалась: из резерва МВО назначались командиры дивизий, их заместители и командиры полков, а заместители последних и остальной комсостав возглавляли подобранные райкомами добровольцы. Так происходило в Пролетарском, Куйбышевском и Москворецком районах[20]. Иная ситуация сложилась в Ленинском районе: сюда прибыло командование лишь дивизии и одного полка. В Дзержинском и Краснопресненском районах комсостав батальонов, рот, взводов был прислан, как и планировалось. В Сокольниках комсостав подбирался только из собственных ресурсов, а в некоторых районах он к моменту прибытия резерва МВО уже был определён райкомами из тех, кто имел соответствующие звания и опыт. Второй секретарь Дзержинского райкома ВКП(б) П.И. Вакуленко вспоминал, что командный состав в 6 ДНО определялся достаточно спонтанно: «Сидел впереди полковник Буров, с такой бородой, представительный мужчина. Мы посмотрели на него и сказали — вот будет командир дивизии. А ночью прибыли генерал Дреер, три полковника и майор. Чтобы не распускать начсостав, мы сказали: берите их в качестве помощников. Вслед за этой группой прибыла группа старших лейтенантов — 50 человек на должностях командиров батальонов, помкомандиров»[21].

Командование дивизий, командиры полков и их заместители после прибытия активно включались в формирование ДНО. В стенограммах отсутствуют указания на то, что между армейским и гражданским руководством возникали какие-либо принципиальные споры, но иногда в их действиях проявлялась рассогласованность. Как отмечал П.И. Вакуленко, Дзержинский райком проявлял излишнюю активность: «Мы часто вмешивались, может быть, в не свойственные нам функции и назначения на командные должности, перемещения некоторых людей, обеспечение их питанием, вооружением, снабжением и т.д.»[22].

Политаппарат полков и всей дивизии могли прислать из резерва МВО или набрать из ополченцев. Политсостав батальонов и рот был представлен народными ополченцами либо имевшими воинские звания (старшие политруки и батальонные комиссары), либо не имевшими никакой военной подготовки и являвшимися преподавателями ка-

федр истории марксизма-ленинизма или руководителями партийных ячеек предприятий и организаций. Отбор политруков среднего звена проводился и райкомами, и военкомами. Районное руководство ВКП(б) отбирало их согласно деятельности на гражданской службе, а военкомы — по учётным данным офицеров, находившихся в запасе. Районные комитеты и военные комиссариаты, действуя сообща, составляли и согласовывали списки исходя из сведений по месту жительства, а не по месту работы добровольцев. По признанию бывшего военкома Ростокинского района А.Ф. Дружкова, работа была единая, но «мы это дело увязывали»[23].

Списки заместителей командиров дивизий по политчасти и комиссаров полков были представлены в МГК ВКП(б) и утверждены его бюро только к 16 и 17 июля, когда формирование ДНО уже завершилось и они походным порядком выдвинулись из Москвы в места дислокации. 17 июля отделам кадров и пропаганды МГК ВКП(б) было поручено вручить знамёна дивизиям и полкам ополченцев.

В постановлении военного совета МВО № 0031 не указывалось, кто отвечает за снабжение ДНО обмундированием, нательным бельём, столовыми приборами, кружками и другими предметами индивидуальной походной экипировки. Ополченцы нуждались в полевых кухнях (в документе отмечалась только необходимость производства котлов) и палатках. Во всех записях бесед начальников военных отделов с секретарями, председателями райисполкомов указывалось, что эта задача также была поставлена райисполкомам в течение 3—4 июля, когда проходили совещания «чрезвычайных троек» с районными организациями. Кроме того, в течение 3—4 дней районы должны были подготовить и учебные помещения (школы, университеты) к размещению формировавшихся дивизий, обеспечив их не только нарами, но и матрацами, подушками и постельным бельём. Готовых комплектов снаряжения практически не было, и всё необходимое в кратчайшие сроки обязывались поставить промышленные предприятия столицы. Как указал секретарь Ленинградского РК ВКП(б) (по промышленности) А.Н. Козлов, именно формирование ДНО, по сути, стало отправной точкой к переводу предприятий «на военные рельсы» (т.е. на мобилизацию)[24].

Стенограммы бесед с секретарями райкомов ВКП(б) и председателями исполкомов показывают, что с производством посуды, включая котлы для общего питания, проблем не было. Предприятия района в основном смогли быстро начать производство нужных предметов, что неудивительно, ведь для их выпуска, как правило, не требовалось сложных технологий. Генерал-майор Н.Н. Пронин вспоминал, что 1 ДНО Ленинского района была так «обеспечена, что походила на воинскую часть», однако не имела обмундирования[25].

В некоторых районах начались проблемы с производством палаток, полевых кухонь, сапёрных лопаток. Кировский, Ленинский и Сокольнический районы не имели палаток, а в Куйбышевском, по воспоминаниям Н.М. Шаховой, секретаря райкома, и согласно отчёту о работе его военного отдела не было походных кухонь, кружек и столовых приборов. Сапёрные лопатки получили в конце июля из других районов, на момент формирования ДНО имелись только котлы и 6000 котелков (на 8000 бойцов). Документы по Ленинградскому району указывают на нехватку в 18 ДНО одеял (до 5000 шт.) и белья (до 8000 шт.), котлов, котелков, чайников и кружек. Основная причина такого положения — отсутствие в районах промышленных предприятий (особенно производивших металлопродукцию). В этой связи руководство вынуждено было обращаться в соседние районы, где имелись необходимые производственные мощности.

Итак, летом 1941 года райкомы Москвы стали центрами подготовки народного ополчения, связующим звеном между гражданскими предприятиями, районными военкоматами и командованием ДНО. В то же время гражданское руководство старалось не вмешиваться в работу кадровых военных. Фактически райкомы формировали списки добровольцев (затем с этими бойцами работали военкоматы и командование дивизий), а также обеспечивали их материальное снабжение и размещение. При всех недостатках проделанной работы (нехватка обмундирования, вооружения, боеприпасов, транспорта, недокомплект личного состава) взаимодействие с прибывавшим дивизионным командованием проходило плодотворно. Из воинских формирований, временно созданных с целью отстоять Москву летом 1941 года, дивизии народного ополчения, по сути, стали полноценными боевыми соединениями.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, № 23-28-00637.

Примечания

[1] Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 55.

[2] *Мохов А.С.* Документы Уральского филиала комиссии Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны: стенограмма беседы В.В. Данилевского с политруком Н.Ф. Ефремовым // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 1. С. 3—3; *он же.* Деятельность Уральского филиала Комиссии Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны по созданию истории 3-й гвардейской стрелковой дивизии (1942—1943) // Там же. 2021. № 4. С. 31.

[3] Из истории Московского народного ополчения. По документам Центрального государственного архива города Москвы. М.: ГБУ «ЦГА Москвы», 2017. С. 9.

[4] *Алещенко Н.М., Буков К.И., Колесник А.Д., Синицын А.М.* Московское ополчение. М.: Воениздат, 1969; *Буков К.И.* Все мы были солдатами. М.: Московский рабочий, 1972; *Меметов В.С.* Защищая Москву. М.: Наука, 1978; *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982; *он же.* Народное ополчение городов-героев. М.: Наука, 1974; *он же.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М.: Наука, 1988.

[5] *Корнеев В.А.* От Москвы до Кёнигсберга, от ополчения до гвардии. Омск: Упрполиграфиздат, 1993; *Виноградов Ю.В.* По призыву Родины. М.: ИРМА, 1995; *Климанов В.В.* Собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. Народное ополчение на защите Москвы: документальная повесть. М.: Префектура Центр. администр. округа, 2005.

[6] *Кириллов А.А.* Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск: ИП Марков Н.А., 2016; *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М.: Планета, 2016; *он же.* Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести. М.: Планета, 2017; *Разин С.А.* Московское народное ополчение в годы Великой Отечественной войны: на примере 13-й Ростокинской (140-й стрелковой) дивизии. Дис. … канд. ист. наук. М., 2017; *Будницкий О.В.* Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. № 3. С. 3—20.

[7] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 в 6 т. / Ред. комис. П.Н. Поспелов (пред.) и др. Т. 2: Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.) / Ред.: Н.А. Фокин и др. М.: Воениздат, 1961. С. 55, 230; Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. С. 691.

[8] С 2 по 9 июля 1941 г. в Москве были созданы 12 дивизий народного ополчения: 1-я формировалась в Ленинском районе (впоследствии — 60-я стрелковая дивизия); 2-я — Сталинском (2 сд); 4-я — Куйбышевском (110 сд); 5-я — Фрунзенском (113 сд); 6-я — Дзержинском (160 сд); 7-я — Бауманском (29 сд); 8-я — Краснопресненском; 9-я — Кировском (139 сд); 13-я — Ростокинском (140 сд); 17-я — Москворецком (17 сд); 18-я — Ленинградском (18 сд); 21-я — Киевском (173 сд). Остальные участвовали в создании оборонительных линий либо формировали батальоны, которые усиливали созданные в других районах дивизии.

[9] *Будницкий О.В.* Указ. соч. С. 3.

[10] Научный архив Института российской истории (НА ИРИ) РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.

[11] Там же. Оп. 20. Д. 5.

[12] Там же. Д. 10. Л. 2.

[13] Там же. Оп. 2. Д. 17. Л. 2.

[14] Там же. Оп. 20. Д. 4. Л. 1.

[15] Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 2.

[16] Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 9.

[17] *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны… С. 22.

[18] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 2. Д. 8. Л. 4.

[19] Там же. Оп. 7. Д. 1. Л. 6.

[20] Дивизия в Пролетарском районе была расформирована 11—12 июля «до особого распоряжения» из-за нехватки командного состава.

[21] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.

[22] Там же.

[23] Там же. Оп. 10. Д. 8. Л. 2.

[24] Там же. Оп. 8. Д. 1-а. Л. 5.

[25] Там же. Оп. 7. Д. 1. Л. 4—8.

S.P. Kim

«EVERYONE WORKS IN THEIR PLACES, NO PANIC»

The role of the Moscow District Committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the creation of the militias in July 1941

Information about author. *Sergey Kim — researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: sergeypkim@gmail.com).*

Summary. *The paper examines the role of district committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of Moscow in creating people's militia divisions in July 1941, based on the documents of the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, preserved in the Scientific Archive of the Institute of Russian History of RAS. The activity of the commission was supervised by G.F. Alexandrov, the head of the Propaganda Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), but the actual head was I.I. Mints, a corresponding member of the USSR Academy of Sciences. In the system of bodies responsible for the organization of Moscow militia units, the leading place was occupied by district committees. The paper names directions of organizational work of district committees, defines principles of selection of volunteers and formation of units, staffing them with commanding personnel and material resources. The author states that Moscow district committees operated mostly independently and coordinated the corresponding work of civil (district executive committees) and military-territorial (military commissariats) authorities.*

Keywords: *divisions of the people's militia; district committees; executive committees; military commissariats; Moscow militia; Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences; I.I. Mints; P.A. Artemyev; A.S. Shcherbakov; P.I. Vakulenko; N.N. Pronin; P.I. Khodorov; A.N. Kozlov; A.F. Druzhkov; N.M. Surovoy.*

В.Ф. Ворсин,
В.В. Изонов

«…ПРОЯВЛЯТЬ ОСОБУЮ ЗАБОТУ О СНАБЖЕНИИ ВОЙСК АРТИЛЛЕРИЙСКИМ ВООРУЖЕНИЕМ, БОЕПРИПАСАМИ И БОЕВОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ТЕХНИКОЙ»

Организация тылового обеспечения Красной армии в контрнаступлении в Сталинградской битве (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.)

Сведения об авторах. *Ворсин Владимир Федотович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва. E-mail: vorsin_vf@mail.ru);*

Изонов Виктор Владимирович — главный научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАРАН (Москва. E-mail: vv8288@yandex.ru).

Аннотация. *В статье обобщается опыт организации тылового обеспечения Красной армии в ходе операции «Уран». Предпринята попытка анализа основных проблемных вопросов тылового обеспечения, показа путей их решения: несоответствие созданной до войны системы подвоза материальных средств условиям ведения боевых действий; размещение воинских частей и учреждений тыла двух, трёх и даже четырёх объединений на ближайших к линии фронта железнодорожных станциях, что позволяло противнику наносить по ним авиационные удары; трудности в вопросах эвакуации раненых и больных за пределы армий и фронтов; растянутость коммуникаций и отставание тылов и т.д. Прикладной характер работы определяется прежде всего возможностью использования новых данных при исследовании различных вопросов тылового обеспечения советских войск трёх фронтов в период контрнаступления под Сталинградом, а также в образовательном процессе в военно-учебных заведениях Минобороны России. Обобщённый опыт тылового обеспечения войск может представлять практический интерес для работников тыла армии и флота.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; Сталинградская битва; контрнаступление; Тыл Красной армии; тыловое обеспечение; медицинское обеспечение; автомобильный транспорт; железнодорожные перевозки; склады; запасы материальных средств; управление оперативным тылом; Н.П. Анисимов; Н.А. Кузнецов; И.Г. Советников.*

Сталинградская битва по-прежнему остаётся далеко не исчерпанной и актуальной темой. Битве на Волге посвящено множество научных трудов. Но событие это настолько многогранно, настолько масштабно и значимо, что всякое обращение к нему открывает новые детали, новые данные, позволяет всё более зримо осветить весь её ход, итоги и значение.

Актуальность темы определяется следующими обстоятельствами: во-первых, обращение к истории тылового обеспечения войск оперативно-стратегических объединений в процессе подготовки и осуществления операции «Уран» является одной из важных тенденций в историографии Великой Отечественной войны; во-вторых, необходимостью обобщения опыта некоторых вопросов тылового обеспечения контрнаступления, выявления проблем и путей их разрешения; в-третьих, обобщённый опыт тылового обеспечения войск в ходе контрнаступления под Сталинградом открывает возможности выборочного использования его в современных условиях.

Сталинградская стратегическая наступательная операция под кодовым наименованием «Уран» проходила с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 года с целью разгрома группировки противника на берегах Волги и Дона и создания необходимых условий для подготовки и проведения стратегических наступательных операций фронтов и групп фронтов на южном крыле советско-германского фронта[1]. Ставка ВГК для реализации своего замысла привлекала войска Юго-Западного (командующий — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин), Донского (командующий — генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский), а также Сталинградского (командующий — генерал-полковник А.И. Ерёменко) фронтов[2]. В интересах группировки советских войск по решению Ставки ВГК привлекались соединения и части авиации дальнего действия (командующий — генерал-лейтенант авиации А.Е. Голованов), 2-я воздушная армия (командующий — генерал-майор авиации К.Н. Смирнов) Воронежского фронта и Волжская военная флотилия (командующий — контр-адмирал Д.Д. Рогачёв).

Прежде всего представляется целесообразным рассмотреть условия, в которых тылу Юго-Западного (начальник — генерал-майор Н.А. Кузнецов), Донского (начальник — генерал-лейтенант И.Г. Советников) и Сталинградского (начальник — генерал-майор Н.П. Анисимов) фронтов при подготовке к контрнаступлению пришлось выполнять задачи по материально-техническому и медицинскому обеспечению войск в ходе тяжёлых оборонительных боёв[3].

Установленные в тот период границы тыловых районов изменениям не подвергались. Во всех трёх фронтах в исходном положении первые эшелоны тыла были значительно усилены и приближены к войскам. Их удаление от линии фронта не превышало 80—100 км, а удаление вторых эшелонов составляло 200 км и более. По мере наступления войск и перемещения тыловой границы войскового тыла глубина армейских тыловых районов возрастала и доходила до 250—300 км[4]. Это обусловливалось невозможностью приближения к войскам головных отделений полевых армейских баз (ГОПАБ) к войскам, пока не был восстановлен Сталинградский железнодорожный узел. Заканчивалось формирование воинских частей и учреждений тыла фронтов. Однако на ближайших к линии фронта станциях размещались тыловые воинские части и учреждения двух—трёх и даже четырёх объединений, которые могли подвергаться авиационным ударам противника.

Одной из трудных задач при подготовке контрнаступления являлось обеспечение войск материальными средствами, и прежде всего боеприпасами и горючим. Документы свидетельствуют, что в целом слабое развитие железнодорожной сети, а также шоссейных

дорог и ограниченное количество переправ через Дон и Волгу крайне затрудняли подвоз этих средств в войска. Поэтому к началу операции не все армии были обеспечены в достаточной мере. Кроме того, осуществление значительного числа оперативных перевозок и восполнение большого расхода материальных средств в оборонительный период в значительной степени затрудняли подготовку тыла к контрнаступлению. Исключительные трудности при этом создавала осенняя распутица.

В рассматриваемое время, к началу контрнаступления, обеспеченность армий трёх фронтов важнейшими видами материальных средств составляла: боеприпасов от 0,8 до 2,6 боекомплекта; горючего — 1 заправка автобензина и 7 авиабензина; продовольствия — 10—12 суточных дач[5].

В ходе подготовки контрнаступления в Сталинградской битве артиллерии Красной армии отводилась решающая роль. «Моей задачей было оказывать помощь командующим артиллерией фронтов и армий, готовившихся к наступлению, — вспоминал главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, — в разработке планов боевого использования наземной и зенитной артиллерии и организации чёткого её взаимодействия с пехотой, танками и авиацией, проявлять особую заботу о снабжении войск артиллерийским вооружением, боеприпасами и боевой артиллерийской техникой»[6].

В ходе операции «Уран», когда растяжка коммуникаций тыла достигала 150—200 км, для обеспечения войск боеприпасами создавались летучки, трижды проводилась мобилизация всего транспорта, а особо нуждавшимся частям боеприпасы доставлялись воздушным путём[7].

По свидетельству ряда военачальников, в транспортном обеспечении Сталинградской битвы оказалась достаточно велика роль Волжской военной флотилии. Среди её речных кораблей и судов, работавших на переправах, отличился пароход «Гаситель», возглавляемый капитаном П.В. Воробьёвым. Бывший командующий 62-й армией Маршал Советского Союза В.И. Чуйков, высоко оценивая роль Волжской военной флотилии, отмечал: «О роли моряков флотилии, об их подвигах скажу кратко: если бы их не было, возможно, 62-я армия погибла бы без боеприпасов и без продовольствия и не выполнила бы своей задачи»[8].

Проведённый анализ выполненных поставок, а также расхода материальных средств выявил проблему в организации и возможностях их подвоза. Так, во многих случаях боеприпасы подавались автомобильным транспортом фронта и самолётами с фронтовых складов непосредственно на головные отделения армейских складов, выдвинутые в районы войсковых тылов, или на временные склады воинских частей. Чаще всего

Таблица 1

Наличие боеприпасов к началу контрнаступления советских войск под Сталинградом (в боекомплектах)

Наименование боеприпасов	Сталинградский фронт			Юго-Западный фронт		Донской фронт	
	64 А	57 А	51А	5 ТА	21 А	65 А	24 А
Винтовочные патроны	1,4	2	1,9	2,6	1,46	1,8	1,2
82-мм мины	0,8	1	1,9	2,0	1,82	1,65	1
120-мм мины	1,1	1	0,8	2,3	2,28	3,1	1,7
76-мм выстрелы ПА (полковой артиллерии)	1,3	2,65	4,1	1,4	1,83	2,6	1,5
76-мм выстрелы ДА (дивизионной артиллерии)	1,6	1,1	2,8	2,66	2	2,6	4,57
122-мм выстрелы	1,1	1	1	1,9	3,2	1,7	1,4

Составлена по: Операции Советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. С. 48.

это имело место в отношении подвижных соединений (танковых и кавалерийских корпусов)[9]. Сведения о наличии боеприпасов во фронтах к началу контрнаступления приведены в таблице 1.

Из приведённой таблицы видно, что к началу контрнаступления под Сталинградом армии, нацеленные на направления главных ударов, были обеспечены боеприпасами весьма неодинаково. Более низкую обеспеченность имели армии Сталинградского фронта. Серьёзный недостаток ощущался в снарядах для 122-мм орудий. Во всех армиях, за исключением 21-й, количество боеприпасов для орудий этого калибра не превышало 1—1,9 боекомплекта.

В целом обеспеченность войск боеприпасами была недостаточной, требовались значительные усилия по подвозу их в ходе операции, особенно в условиях зимнего бездорожья.

В самые трудные дни Тыл Красной армии играл значительную роль в разгроме сталинградской группировки врага, он смог обеспечить боеприпасами артиллерию фронтов, действовавших на сталинградском направлении, в достаточном количестве, что позволило ей вести массированный огонь. Так, артиллерия 65-й армии в ходе первого дня контрнаступления израсходовала 350 тыс. различных боеприпасов, что позволило ликвидировать свыше 100 миномётов и орудий и уничтожить около 300 блиндажей и дотов[10].

Общий расход боеприпасов за период наступательных действий фронтов по основным группам боеприпасов примерно составил (в штуках): винтовочных патронов 1,633 млрд; патронов ТТ 651 млн; миномётных выстрелов 38,7 млн; выстрелов зенитной артиллерии 3 млн; выстрелов наземной артиллерии 33,2 млн. Общий расход боеприпасов (в вагонах) фронтами за этот период составил 4811 вагонов[11].

К 19 ноября 1942 года фронты, участвовавшие в контрнаступлении под Сталинградом, имели в наличии горючего: высокооктановых авиабензинов — 7 заправок, автобензина — 3,3 и дизтоплива — 8,8 заправки[12]. Однако обеспеченность фронтов к началу контрнаступления была далеко не одинаковой (табл. 2). Наиболее напряжённое положение было с запасами автобензина на Донском фронте, особенно в 65-й и 24-й армиях. Они обеспечивали боевые действия войск только в течение нескольких суток. В связи с этим особое значение придавалось подаче этого бензина в первую очередь Донскому фронту.

С 19 ноября по 31 декабря 1942 года Центром было подано фронтам 19,4 тыс. т (6,7 заправки) автобензина. К январю 1943 года на Донском фронте было уже 3600 т автобензина, или почти три заправки. Подача горючего производилась из Гурьева, Орска, Уфы и с нефтебаз,

Таблица 2

Обеспеченность фронтов горючим (в числителе наличие на 19 ноября, в знаменателе — на 1 декабря 1942 г.)

№ п/п	Наименование горючего	Фронты					
		Юго-Западный		Сталинградский		Донской	
		т	Запр.	т	Запр.	т	Запр.
1	Высокооктановые авиабензины	2347 1526	4,4 2,9	3658 3380	18,7 17,3	585 231	2,5 1,0
2	Б-70 и КБ-70	1249 1124	3,4 3,1	1916 2393	16,8 20,9	818 867	6,8 7,2
3	Автобензин	3583 4861	5,4 6,5	4325 2994	4,5 3,2	414 376	0,4 0,4
4	Дизтопливо	1727 1468	7,9 4,3	2792 2888	10,2 10,6	977 1124	7,6 8,6

Составлена по: Никитин В.В. 30 лет во главе Службы горючего: сборник трудов. М.: Воентехлит, 1999. С. 210.

расположенных на Средней Волге. За 43 дня было подано 33,8 тыс. т горючего (в среднем 785 т в сутки)[13].

Всего в Сталинградской битве было израсходовано 148,8 тыс. т горючего. Особенно большой расход был у авиации — 72 заправки. Автомобильный транспорт израсходовал 48 заправок[14].

Существенные трудности заключались в том, что в ходе контрнаступления горючее приходилось доставлять от фронтовых и армейских складов до соединений и частей автомобильным и специальным транспортом. Поэтому в наиболее напряжённые моменты сражения к подаче горючего подключался воздушный транспорт. Например, при выдвижении 2-й гвардейской армии (командующий — гвардии генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский) для развития операции на котельниковском направлении необходимо было «иметь 20 дугласов для снабжения их (мехчастей армии. — **Прим. авт.**) горючим...»[15].

Обеспечение горючим фронтов Сталинградской группировки показало огромную важность морского и речного транспорта, необходимость их тесного взаимодействия с железной дорогой. Интенсивное использование волжской речной магистрали и Каспийского моря дало возможность обеспечить войска горючим.

Главной задачей продовольственного снабжения трёх фронтов под Сталинградом с ноября 1942 года было максимальное приближение запасов продовольствия к войскам. В то время армейские запасы продовольствия согласно предварительно составленному плану размещались в три эшелона. Очевидно, это создавало достаточно благоприятные условия для возможного манёвра ими в ходе контрнаступательной операции. В то же время документы свидетельствуют, что снабжение фронтов продовольствием осуществлялось с большими трудностями. Но, несмотря на это, в ходе подготовки и при контрнаступлении войска имели необходимые продовольственные ресурсы.

Обеспеченность и расход продовольствия трёх фронтов в контрнаступлении в Сталинградской битве представлены в таблице 3.

При этом важно подчеркнуть, что большую помощь войскам в ходе подготовки контрнаступления оказывало население Сталинградской области, на территории которой вели боевые действия все три фронта. Прежде всего трудящиеся региона помогали в снабжении войск продовольствием, снаряжением, тёплыми вещами, а также в обслуживании танковых, авиационных и других воинских частей. Так, колхозники области, несмотря на боевые действия, смогли почти полностью убрать урожай, который поступил на снабжение фронтов. Важную роль в организации продфуражного снабжения играли создан-

Таблица 3

Наличие и расход продовольствия на трёх фронтах в контрнаступлении в Сталинградской битве

Наименование продуктов	Состояло в наличии к началу операции, т	Завезено транспортами и заготовлено из местных средств, т	Израсходовано за операцию, т
Мука, сухари	12 754	39 333	40 050
Крупа, макароны	3541	12 260	11 020
Мясо, консервы	4540	8522	11 310
Жиры	1182	3560	3320
Сахар	553	4010	2256
Чай	28,5	67,6	73,2
Соль	1270	2540	2890
Табак, махорка	324	2290	1645

Составлена по: Состав группировок Вооружённых сил СССР, принимавших участие в стратегических операциях на приморских (приозёрных, приречных) направлениях в первом и втором периодах Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): статистическое исследование. Т. III. Кн. 2. М., 2009. С. 208.

ные во фронтах подсобные хозяйства, которые служили хорошим подспорьем. По мере продвижения войск на запад подсобные хозяйства передавались местным властям. В ходе наступления командование и военные советы фронтов (армий) огромное внимание уделяли организации питания военнослужащих. Для этого до начала атаки рано утром личному составу выдавалась сытная пища из одного горячего блюда и чая. Второй раз горячая пища обычно выдавалась вечером. Кроме того, солдат получал перед началом атаки сухой паёк.

После того как группировке противника в районе Сталинграда было нанесено поражение, перед продовольственной службой встала новая, не менее сложная задача — обеспечить питанием более 91 тыс. пленных солдат и офицеров, среди которых было 24 немецких генерала во главе с командующим германской 6-й полевой армией генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом[16]. «...Пленные оказались довольно предусмотрительными, — вспоминал Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, — у каждого из них имелись ложка, кружка и котелок...»[17]. На пленных в период с 10 января по 2 февраля 1943 года было израсходовано 2840 т продовольствия[18].

Вещевыми службами фронтов была проведена огромная работа по обеспечению войск зимней одеждой и валенками. Так, к началу контрнаступления войска Сталинградского фронта были обеспечены тёплыми вещами «на 94%; тёплым бельём — на 93%, шапками-ушанками — на 92%»[19].

Погрузка боеприпасов на транспортные самолёты для отправки на фронт
Автор съёмки Д. Чернов, 1943 г.
РГАКФД, о-164550

Следует подчеркнуть, что со Сталинградской битвой связано одно из важных событий в работе Тыла — введение погон и новой формы одежды. 6 января 1943 года, в разгар успешного развития наступления советских войск, вышел соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР. Срок перехода на погоны и новую форму одежды был установлен с 1 по 15 февраля 1943 года. Начиная с 1942 года в промышленности была организована их заготовка. Сложность задачи обусловливалась сжатыми сроками её выполнения и трудностями военного времени. Но с этой задачей промышленность справилась, причём досрочно.

Считалось, что введение погон и новой формы одежды военнослужащих Красной армии будет иметь огромное военно-политическое значение. При этом имелось в виду то обстоятельство, что изданием одного указа проблему не решить, необходима была продуманная, непрерывная разъяснительная работа. Например, политдонесения свидетельствуют о том, что в ряде воинских частей нередко встречались военнослужащие, проявлявшие недовольство нововведением[20]. Командиры и политработники в подобных случаях проводили индивидуальные разъяснительные беседы с различными категориями военнослужащих. Эти беседы, как правило, давали положительные результаты, и со временем негативные настроения сошли на нет.

В процессе подготовки, а также в ходе контрнаступления большое значение имела организация подвоза различных грузов, которая характеризовалась принятием ряда новых решений. Учитывая, что масштабный объём основных видов воинских перевозок выполнял железнодорожный транспорт, для повышения пропускной способности железнодорожных направлений решениями военных советов фронтов строились

Машина с боеприпасами, застрявшая в грязи
Ноябрь 1942 г.

дополнительные разъезды, применялась «живая блокировка», которая позволяла пропускать поезда с интервалом в 12—15 минут[21].

Показательны и другие оригинальные решения, которые принимались командованием и тылом Сталинградского фронта. Чтобы ускорить оперативные и снабженческие перевозки к Сталинграду, начальник ВОСО фронта генерал-майор Е.В. Тулупов и железнодорожники проявили разумную инициативу и приняли эффективные меры по повышению пропускной способности железных дорог[22]. Так, для пропуска эшелонов по заволжской линии Урбах — Астрахань поезда с войсками и грузами направлялись к Сталинграду, а после выгрузки порожняк выводился в Астрахань. Такой порядок движения в значительной мере ускорял прибытие войск и накопление материальных ресурсов. Скопившиеся же в Астрахани порожние вагоны перегонялись на городские трамвайные пути и даже составлялись на грунт. Поезда разгружались, как правило, на достаточно широком фронте, иногда даже на перегонах.

Принятыми мерами удалось повысить пропускную способность заволжской рокады в 2—3 раза[23]. Объём воинских железнодорожных перевозок с 19 ноября по 31 декабря 1942 года представлен в таблице 4.

Только с 19 по 30 ноября всем трём фронтам было подано 379 поездов (16 587 вагонов). Из них 256 эшелонов с войсками и пополнением и 123 снабженческих поезда[24].

Оценивая итоги работы железнодорожников, Маршал Советского Союза М.В. Захаров связывал её организацию с успехом военных действий: «...Результат не только замечательного планирования перевозок со стороны Генерального штаба и органов военных сообщений, но и образец исключительно организованной работы советских железнодорожников»[25].

Во время наступательных операций советских войск противник при отходе производил значительные разрушения железных дорог и оборудования. Это потребовало увеличения численности восстановительных частей железнодорожных войск. К началу 1943 года численность их была доведена до 200 тыс. человек, сведённых в 30 отдельных железнодорожных бригад, которые на освобождённых от противника в 1943 году

Таблица 4

Объём воинских железнодорожных перевозок в Сталинградской битве

Перевозки (в вагонах)	Фронты			Всего
	Юго-Западный	Донской	Сталинградский	
Централизованные оперативные	26 203	15 131	2581	43 915
Централизованные снабженческие	6161	5391	4276	15 828

Составлена по: Основные показатели работы тыла Советских Вооружённых сил в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1970. С. 57.

территориях из 30 тыс. км железных дорог восстановили 24 864 км.

Средние темпы восстановления железнодорожного полотна во всей полосе наступления фронтов составляли 4—6 км в сутки, на отдельных участках — 10 км, а в тактической зоне они не превышали 0,5—2 км в сутки. В результате разрыва между темпами наступления войск и темпами восстановления железных дорог отрыв восстановленных железнодорожных участков от наступавших войск достигал 300—450 км[26]. Одной из главных причин этого было запаздывание с сосредоточением железнодорожных войск на головных участках фронта, куда они нередко прибывали после начала операции. На фронтовых дорогах находилось только 63 проц. от общего состава железнодорожных войск, остальные использовались на других тыловых дорогах. Распределение железнодорожных бригад по фронтам носило уравнительный характер и не отвечало принципу сосредоточения усилий на главных направлениях. Другой причиной являлось неудовлетворительное оснащение восстановительных частей механизмами, техникой и материалами, которые в централизованном порядке поставлялись лишь в объёме 15 проц., всё остальное заготавливалось на месте[27]. Привлечение к восстановительным работам местного населения носило эпизодический характер и составляло от 10 до 60 проц.

Благодаря проведению комплексных мероприятий, прежде всего строительству новых линий и их надёжному техническому прикрытию, в короткие сроки удалось повысить пропускную способность железнодорожной сети в районе Сталинграда в 1,5 раза, обеспечить устойчивое базирование на ней трёх фронтов[28].

В ходе ожесточённых боёв на Волге и Дону основная тяжесть подвоза грузов легла на фронтовые, а также армейские автомобильные соединения и воинские части. Именно они несли основную нагрузку по подвозу материальных средств от переправ, пристаней и железнодорожных станций в войска. В связи с их ограниченными возможностями в оперативном звене широко привлекался и войсковой транспорт. В значительной мере эти трудности были обусловлены несоответствием созданной до войны системы подвоза материальных средств условиям ведения боевых действий. Поэтому военный совет Сталинградского фронта, учитывая большое значение автотранспорта в подвозе воинских грузов, непосредственно занимался вопросами организации его работы и обеспечения доставки грузов в районы, расположенные как можно ближе к линии фронта, на удалении от него не более чем 10—15 км[29].

Исключительно велики заслуги автомобилистов Донского и Юго-Западного фронтов в обеспечении войск в ходе Сталинградского сражения. Только в ноябре 1942 года автотранспорт Донского фронта перевёз 58 839 т грузов, в т.ч. 42 160 т боеприпасов, 12 760 т продовольствия и 4880 т других грузов. Попутными рейсами были эвакуированы 7153 раненых. В декабре 1942 года по мере расширения фронта боевых действий автотранспортные части перевезли 59 912 т грузов. Только 10 января 1943 года под Сталинградом в подвозе боеприпасов участвовали одновременно 2500 автомобилей. При этом высоких показателей добился водитель 786-го отдельного автотранспортного батальона красноарме-

Бойцы 13-й гвардейской стрелковой дивизии в Сталинграде в часы отдыха
Декабрь 1942 г.

Подвоз продовольствия гужевым транспортом в войска
Сталинград, январь 1943 г.

ец Шубин, который перевёз 163 т боеприпасов. В течение 10 суток его машина совершила пробег в 4850 км[30].

Вместе с тем имели место и недостатки в управлении автомобильными колоннами. Например, у некоторых автомобильных частей и подразделений отсутствовали или морально и физически устарели предусмотренные средства связи. Кроме того, в первые дни контрнаступления не до конца решёнными оказались вопросы организации питания водителей некоторых автомобильных колонн.

В ходе контрнаступления значительную помощь фронтам оказывали автотранспортные части Резерва Верховного главнокомандования (РВГК), которые в ноябре и декабре 1942 года доставляли фронтам различные грузы и осуществляли эвакуацию раненых[31].

Успешное продвижение войск сильно увеличило расстояние подвоза, которое в декабре 1942 — феврале 1943 года доходило до 400—500 км[32]. При этом следует отметить, что подобные расстояния подвоза автомобильным транспортом в зимнее время в ходе военных действий под Сталинградом встретились впервые. Поэтому в тот период для оказания помощи автотранспорту в войсковом тылу широко использовался гужевой транспорт в виде полковых гужтранспортных рот, которых во фронтах имелось 209 общей численностью более 30 тыс. лошадей[33].

Большое значение в наступательных операциях имела хорошо организованная дорожно-комендантская служба. В частности, в полосе действий Донского фронта были созданы 31 дорожно-комендантский участок, 71 обогревательный пункт, 31 контрольно-пропускной пункт, 280 постов регулирования. Только с 1 по 20 января 1943 года дорожно-комендантской службой были обеспечены питанием 161 тыс. человек, оказана медицинская помощь 2600 больным и раненым, ветеринарная помощь 170 лошадям, техническая помощь 310 автомашинам, заправлены горючим 1310 автомобилей. На попутных машинах были перевезены 78 700 человек, из которых 15 800 раненых. Бойцами и командирами было высказано много тёплых слов в адрес начальника обогревательного пункта 79-го отдельного дорожного эксплуатационного батальона старшего сержанта Бойко[34].

Самоотверженные действия и новые трудовые начинания работников транспорта содействовали

Переливание крови в одном из полевых госпиталей под Сталинградом

увеличению подвоза необходимых резервов, огромного количества техники, боеприпасов, горючего и продовольствия воинам Сталинграда. «На перевозке войск и грузов работало 27 тыс. машин, — писал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. — Железные дороги ежедневно подавали 1300 вагонов грузов. Войска и грузы для Сталинградского фронта перевозились в исключительно сложных условиях осеннего ледохода на Волге. С 1 по 20 ноября через Волгу было переправлено свыше 111 тыс. чел., 427 танков, 556 орудий, 14 тыс. автомашин, около 7 тыс. т боеприпасов»[35].

После перехода Красной армии в контрнаступление непрерывное пополнение фронтов сталинградского направления огромным количеством военной техники и войсками продолжалось[36]. Необходимым условием выполнения важнейших заданий фронта явилось в целом достаточно эффективное координирование работы всех имевшихся в распоряжении командования видов транспорта.

Эшелон с танками Т-34 выдвигается в район Сталинграда

К началу контрнаступления обеспеченность трёх фронтов лечебными учреждениями была недостаточной. Это объясняется масштабным поступлением раненых в ходе оборонительного сражения. В итоге лечебные учреждения испытывали ощутимую нагрузку. Поэтому все госпитали были развёрнуты с запасом на 160—200 проц[37]. Наличие загрузки госпиталей к 19 ноября 1942 года показано в таблице 5.

В период контрнаступления командование соединений и воинских частей, начальники медицинской службы большое значение придавали своевременной первой медицинской помощи раненым на поле боя, их сбору, выносу, а также эвакуации в лечебные учреждения в тыл. Всё это позволило организовать эвакуацию раненых с поля боя на полковые медицинские пункты в целом в благоприятные сро-

Таблица 5

Загрузка госпиталей к началу контрнаступления советских войск под Сталинградом

Госпитали	Фронты			Итого в трёх фронтах
	Юго-Западный	Сталинградский	Донской	
Полевые	36* 16 600	68 30 900	62 25 600	166 73 100
Эвакуационные	17 9600	51 33 100	21 8900	89 51 600
Количество раненых и больных	9207	20 186	7444	36 837

Составлена по: Основные показатели работы тыла Советских Вооружённых сил в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1970. С. 68.

* В числителе показано количество госпиталей, в знаменателе — количество штатных коек.

ки — в течение первых 5—6 часов после ранения[38].

Вместе с тем следует отметить, что к началу операции ощущался недостаток в санитарно-транспортных средствах и военно-санитарных поездах в связи с занятостью железных дорог для оперативных перевозок. Это затрудняло эвакуацию раненых за пределы фронтов.

Отрицательное влияние на организацию медицинского обеспечения войск трёх фронтов оказывали следующие обстоятельства: недостаточная подготовка медицинской службы к действиям в период контрнаступления в ходе упорных оборонительных боёв; чрезмерная загруженность лечебных учреждений армий и госпиталей фронтов ранеными и больными, поступившими в ходе предшествовавшего оборонительного сражения; неполное соответствие состава сил и средств медицинской службы армий и фронтов, сложившееся в период оборонительных боевых действий, характеру предстоявших боевых действий в контрнаступлении; недостаточный резерв лечебных учреждений и других сил и средств медицинской службы в распоряжении начальников военно-санитарных управлений (ВСУ) фронтов.

В ходе контрнаступления медицинская служба приобрела полезный опыт медицинского обеспечения войск группы фронтов при окружении и уничтожении крупной группировки нацистских войск. В планировании, подготовке и осуществлении лечебно-эвакуационных мероприятий были фактически впервые применены новые формы и методы обеспечения войск в стратегической операции по окружению и разгрому крупной группировки противника. В частности, полностью себя оправдало создание группировки сил и средств медицинской службы армейского звена на главных операционных направлениях в виде межармейских госпитальных коллекторов. Такое объединение госпиталей различных профилей в условиях большого их дефицита обеспечило равномерное распределение раненых и больных в данном коллекторе, позволило организовать оказание им некоторых видов специализированной медицинской помощи, осуществить дальнейшую эвакуацию по назначению.

В ходе контрнаступления продолжала совершенствоваться система медицинского снабжения войск, эффективнее стали использоваться местные ресурсы, благодаря чему повысился уровень обеспеченности действующей армии медицинским имуществом. В конце 1942 — начале 1943 года в войсках стало появляться трофейное медицинское имущество, начали оказывать помощь союзники. Это позволило почти на 40 проц. удовлетворить потребность Красной армии в сульфаниламидах, новокаине, глюкозе, а также широко внедрить в лечебную практику пенициллин[39].

Большой опыт по организации медицинской помощи раненым и больным военнопленным, их лечению приобрела медслужба Донского фронта. Для их приёма в районе Сталинграда было развёрнуто около 20 тыс. коек. Этот опыт был широко использован в ходе будущих стратегических наступательных операций Красной армии при пленении значительного числа солдат и офицеров противника, среди которых было много раненых и больных[40].

Личный состав тыловых частей и подразделений, обеспечивая войска и ока-

Пленные немцы в Сталинграде
Февраль 1943 г.

зывая помощь раненым на поле боя, участвовал вместе с бойцами в ожесточённых боях. Защищая раненых, совершила подвиг санитарный инструктор 105-го гвардейского стрелкового полка 34-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии красноармеец Н.А. Качуевская. Это произошло 20 ноября 1942 года в районе села Хулхута Яшкульского района. 19-летняя москвичка Наталья Качуевская в течение 12-часового боя вынесла из-под огня 29 раненых. Смертельно раненная девушка, чувствуя, что её покидают последние силы, и видя, что нацисты подошли к блиндажу, где находились раненые, сорвала предохранитель с гранаты и взорвала себя и многих вражеских солдат. Ценой собственной жизни Наташа спасла раненых[41].

Несмотря на широкое внедрение автотранспорта и другой механизированной техники, в войсках трёх фронтов находились и принимали участие в боевых действиях и их обеспечении около 160 тыс. лошадей[42]. Для сохранения их работоспособности и оказания помощи раненым и больным лошадям во фронтах имелось достаточное количество ветеринарных специалистов. Вместе с тем в снабжении фуражом наблюдались перебои, особенно в осенне-зимний период. Поэтому для исцеления и восстановления работоспособности истощённых лошадей во фронтах было принято решение о создании пунктов подкормки в соединениях и частях.

В процессе непрерывных боевых действий большое внимание уделялось лечению больных лошадей в военных ветеринарных лазаретах всех звеньев. От 33 до 36 проц. лошадей, нуждавшихся в лечении, получили боевые повреждения и эксплуатационные заболевания. При этом важно подчеркнуть, что в освобождённых от противника районах трофейные и собранные лошади обязательно направлялись в карантин продолжительностью от 20 до 45 суток[43].

Находчивые красноармейцы пустили на корм лошадям трофейные немецкие эрзац-валенки, изготовленные из прессованной соломы
Сталинград, 1942 г.

В целом потери и заболеваемость среди конского состава в ходе наступления под Сталинградом были выше, чем в первый период войны. Это объясняется напряжённостью наступательных действий, хотя ветеринарно-санитарное состояние конского состава в целом было сравнительно благополучным.

Значительный интерес представляет организация управления оперативным тылом при подготовке к наступлению. В то время письменные и графические документы по тыловому обеспечению войск не отрабатывались, управление осуществлялось путём отдачи устных распоряжений. Все мероприятия по манёвру силами и средствами тыла, накоплению запасов проводились под видом совершенствования обороны и подготовки войск к зиме. Это способствовало обеспечению скрытности подготовки и полной внезапности контрнаступления. Следует подчеркнуть, что оперативность управления достигалась путём использования штабами тыла офицеров связи. Кроме того, для улучшения руководства тылом на отдельных направлениях на трёх фронтах и в армиях широко практиковалось создание оперативных групп.

Маскировку, охрану и оборону тыловых частей и учреждений затрудняло отсутствие в тыловых районах фронтов больших лесных массивов. Все искусственные сооружения на дорогах прикрывались усиленными нарядами

Красноармейцы принимают пищу

дорожных частей или частей второго эшелона (резерва) и зенитными средствами. Так, на Сталинградском фронте постоянно использовались 16 бронепоездов, 11 зенитных батарей, 19 пулемётных взводов, дивизион прикрытия железнодорожных поездов в движении (48 орудий на 24 платформах)[44].

Победа Красной армии 2 февраля 1943 года под Сталинградом положила начало коренному перелому в Великой Отечественной войне и оказала определяющее влияние на ход всей Второй мировой войны[45]. Несомненно, важная роль в этом принадлежала органам тыла фронтов и армий, которые в целом обеспечили наступавшие войска боеприпасами, ГСМ, продовольствием и другими необходимыми для достижения успеха материально-техническими средствами.

Очевидно, что опыт работы фронтовых и армейских тылов, приобретённый в битве на Волге, был творчески использован в последующих стратегических операциях войны. Он также не утратил своего значения в условиях сегодняшнего дня. По-прежнему актуальными в современных военных конфликтах остаются логистика, растянутость коммуникаций, запоздалое формирование новых воинских частей и учреждений оперативного и войскового тыла. Оценивая боевой опыт специальной военной операции, президент России в своём выступлении на расширенном заседании коллегии Минобороны России в декабре 2022 года отметил, что материально-техническое обеспечение войск, обеспечение техникой, боеприпасами и т.д. — одна из самых насущных задач ВС РФ, оборонной промышленности и науки[46]. По всей вероятности, при определении потребности в материальных средствах на проведение операций различного масштаба следует учитывать, что фактический их расход может существенно превышать нормативные среднесуточные нормы расхода, как это было под Сталинградом, и значительно отличаться от ранее запланированного. И на это обстоятельство, по опыту спецоперации, Верховный главнокомандующий ВС РФ также обратил внимание в своём выступлении, подчеркнув, что снабжение должно «осуществляться из реальных потребностей. Если какие-то ведомственные нормативы устарели, их нужно менять — быстро»[47]. Необходимо пересмотреть организационно-штатные структуры соединений и частей материального обеспечения ВС РФ. Расширить их возможности по подвозу (доставке по воде и воздуху) материальных средств, обеспечить военной и специальной техникой повышенной грузоподъёмности и проходимости на военное время и повысить эффективность её применения, в т.ч. на приморских, речных и озёрных театрах военных действий.

Примечания

[1] Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 220. Оп. 455. Д. 30. Л. 7—8; Ф. 3а. Оп. 11556. Д. 10. Л. 333; Ф. 229. Оп. 590. Д. 2. Л. 5—11, 12—19; Ф. 220. Оп. 451. Д. 3. Л. 327—331; Ф. 229. Оп. 590. Д. 10. Л. 1—19; *Сульдин А.В.* Сталинградская битва: полная хроника — 200 дней и ночей. М.: АСТ, 2013.

[2] Операции Советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (военно-исторический очерк) в 4 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. С. 34.

[3] Материально-техническое обеспечение Вооружённых сил СССР в важнейших стратегических операциях Второй мировой войны: военно-теоретический труд. Т. 2. СПб: ВА МТО, 2020. С. 100.

[4] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.) в 4 кн. Кн. 3. Тыл Красной армии в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. СПб., 2000. С. 304, 308.

[5] Там же. С. 304.

[6] *Воронов Н.Н.* На службе военной. М.: Воениздат, 1963. С. 269.

[7] Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. Кн. 2. М.: Москва — Тула, 1978. С. 8, 9.

[8] *Чуйков В.И.* Начало пути. 3-е изд. Волгоград, 1967. С. 160.

[9] Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. Кн. 2. С. 8, 9.

[10] *Казаков В.И.* Артиллерия, огонь! М.: Воениздат, 1972. С. 67.

[11] Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне. Кн. 2. С. 8.

[12] *Никитин В.В.* 30 лет во главе Службы горючего: сборник трудов. М.: Воентехлит, 1999. С. 210.

[13] Там же. С. 211.

[14] Там же. С. 212.

[15] ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 455. Д. 36. Л. 185—186.

[16] Там же. Ф. 206. Оп. 262. Д. 189. Л. 75 об.; Оп. 268. Д. 23. Л. 38.

[17] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 190, 191.

[18] *Миренков А.И.* Военно-экономический фактор в Сталинградском сражении и Курской битве. М.: РИЦ МО РФ, 2005. С. 202.

[19] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.). Кн. 3. С. 304.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 1049. Оп.1. Д. 91. Л. 87—88.

[21] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.). Кн. 3. С. 304.

[22] ЦАМО РФ. Ф. 232. Оп. 590. Д. 27. Л. 4; Д. 17. Л. 12.

[23] *Капшитар В.Г.* Роль и значение творческих подходов при организации обеспечивающих процессов на примерах операций Великой Отечественной войны // Материалы военно-научной конференции, посвящённой 70-летию победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Роль и значение материально-технического обеспечения в достижении победы). М.: Штаб МТО, 2015. С. 50.

[24] Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Воениздат, 1963. С. 126.

[25] Цит. по: История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917—1945. СПб.: Иван Фёдоров, 1997. С. 380.

[26] Советское военное искусство во втором периоде Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.). М.: Воениздат, 1962. С. 340.

[27] Там же. С. 341.

[28] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.). Кн. 3. С. 305, 306.

[29] *Голушко И.М.* Солдаты тыла. М.: Воениздат, 1982. С. 141.

[30] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.). Кн. 3. С. 313.

[31] Автомобильный транспорт в Великой Отечественной войне, перспективы его развития и использования в современной войне. Л.: ВАТТ, 1960. С. 137.

[32] Там же.

[33] ЦАМО РФ. Ф. 67. Оп. 20088. Д. 465. Л. 15.

[34] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.). Кн. 3. С. 314.

[35] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: Новости, 1985. С. 297.

[36] *Василевский А.М.* Победа, не меркнущая в веках // Двести огненных дней. М.: Воениздат, 1968. С. 41.

[37] Там же.

[38] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М.: Воениздат, 1991. С. 201.

[39] Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. С. 471.

[40] Медицинское обеспечение Советской армии в операциях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 209.

[41] *Шурганов Р.* Бессмертный подвиг медсестры // Искра. 2017. 18 февраля.

[42] Материально-техническое обеспечение Вооружённых сил СССР в важнейших стратегических операциях Второй мировой войны... Т. 2. С. 121.

[43] Там же. С. 122.

[44] История Тыла Российских Вооружённых сил (XVIII—XX вв.). Кн. 3. С. 307.

[45] ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 2. Д. 8. Л. 54—56.

[46] *Кикнадзе В.Г.* Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М.: Прометей, 2023. С. 464.

[47] Там же. С. 466.

V.F. Vorsin, V.V. Izonov

«...PAYING SPECIAL ATTENTION TO THE SUPPLY OF TROOPS WITH ARTILLERY WEAPONS, AMMUNITION AND COMBAT ARTILLERY EQUIPMENT»

Organization of logistics of the Red Army in counter-offensive in the Battle of Stalingrad (November 19, 1942 to February 2, 1943)

Information about authors. *Vladimir Vorsin — senior researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the AF RF General Staff, Cand. Sc. (Mil.), senior researcher (Moscow. E-mail: vorsin_vf@mail.ru);*

Viktor Izonov — chief researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the of the AF RF General Staff, D. Sc. (Hist.), professor, full member of the Russian Academy of Missile and Ammunition Sciences (Moscow. E-mail: vv8288@yandex.ru).

Summary. *The paper summarizes the experience of the organization of logistics of the Red Army during operation Uranus. It attempts to analyze the main problematic issues of logistics and show ways to solve them: the discrepancy between the system of material supply created before the war and the conditions of combat operations; the location of military units and the rear institutions of two, three and even four associations at the railway stations nearest to the front line, which allowed the enemy to attack them from the air; difficulties of evacuating the wounded and sick outside armies and frontlines; the length of communications and backlog of logistics, etc. The applied nature of the work is determined primarily by the possibility of using new data in the study of various issues of logistics of the Soviet troops of the three fronts during the counterattack at Stalingrad, as well as in the educational process in military educational institutions of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The generalized experience of military logistics may be of practical interest to army and navy logistics workers..*

Keywords: *the Great Patriotic War of 1941—1945; the Battle of Stalingrad; the counter-offensive; the rear of the Red Army; rear support; medical support; road transport; rail transport; warehouses; reserves of materiel; operational rear management; N.P. Anisimov; N.A. Kuznetsov; I.G. Sovetnikov.*

А.М. Донсков,
О.В. Марченко

«ТРУДНО ТОГДА БЫЛО ПОД КОДЫШЕМ... НО СТОЯЛИ, НЕ УНЫВАЛИ»

Бои на территории современного Плесецкого района в 1918—1919 гг.

Сведения об авторах. *Донсков Александр Михайлович — научный сотрудник Научно-испытательного центра МО РФ, майор (E-mail: alemido@mail.ru);*
Марченко Олег Владиславович — начальник лаборатории Научно-испытательного центра МО РФ, майор (E-mail: mow@yandex.ru).

Аннотация. *Гражданская война и военная интервенция на Севере Советской России (1918—1919) являются частью крупномасштабных исторических событий эпохи Гражданской войны 1918—1922 гг. Цель статьи — описать события Гражданской войны и интервенции со стороны США, Великобритании и Франции, происходившие на территории современного Плесецкого района. Материалы подкреплены схемами боёв, составленными авторами на основе описаний и исторических исследований на местности.*

Ключевые слова: *иностранная интервенция; Железнодорожный фронт; Кодыш-фронт; 339-й американский пехотный полк; 13-й Йоркширский пехотный полк армии Британской империи; 159-й Онежский стрелковый полк Красной армии; 18-й авиационный отряд Красной армии; опорный пункт; деревни Авда, Кодыш, Кочмас, Церковное, Тарасово.*

Проблемы Гражданской войны и военной интервенции на Севере Советской России в 1918—1919 гг. как части крупномасштабных событий той исторической эпохи уже на протяжении столетия привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. С февраля 1918 по август 1919 года почти вся периферия России, а также Урал и Сибирь были охвачены интервенцией. По различным подсчётам, в ней участвовали 14 государств: Германия, Австро-Венгрия, Турция, Румыния, Чехословакия, Польша, Финляндия, Великобритания (с колониями и доминионами — Канадой, Австралией, Индией), Франция, США, Япония, Италия, Греция, Сербия[1].

Интервенция на Севере большевистской России началась высадкой англо-американского десанта: 6 марта 1918 года — в Мурманске, 2 августа — в Архангельске. Летом 1918 года Европейский Север превратился в арену ожесточённой и кровопролитной Гражданской войны. Некогда единое социокультурное пространство этого региона раскололось на части. В зоне красных остались Вологодская и Северо-Двинская губернии. Одними из центров антибольшевистского (Белого) движения и зоной иностранного вмешательства стали бóльшая часть Архангельской губернии и Мурманский край[2].

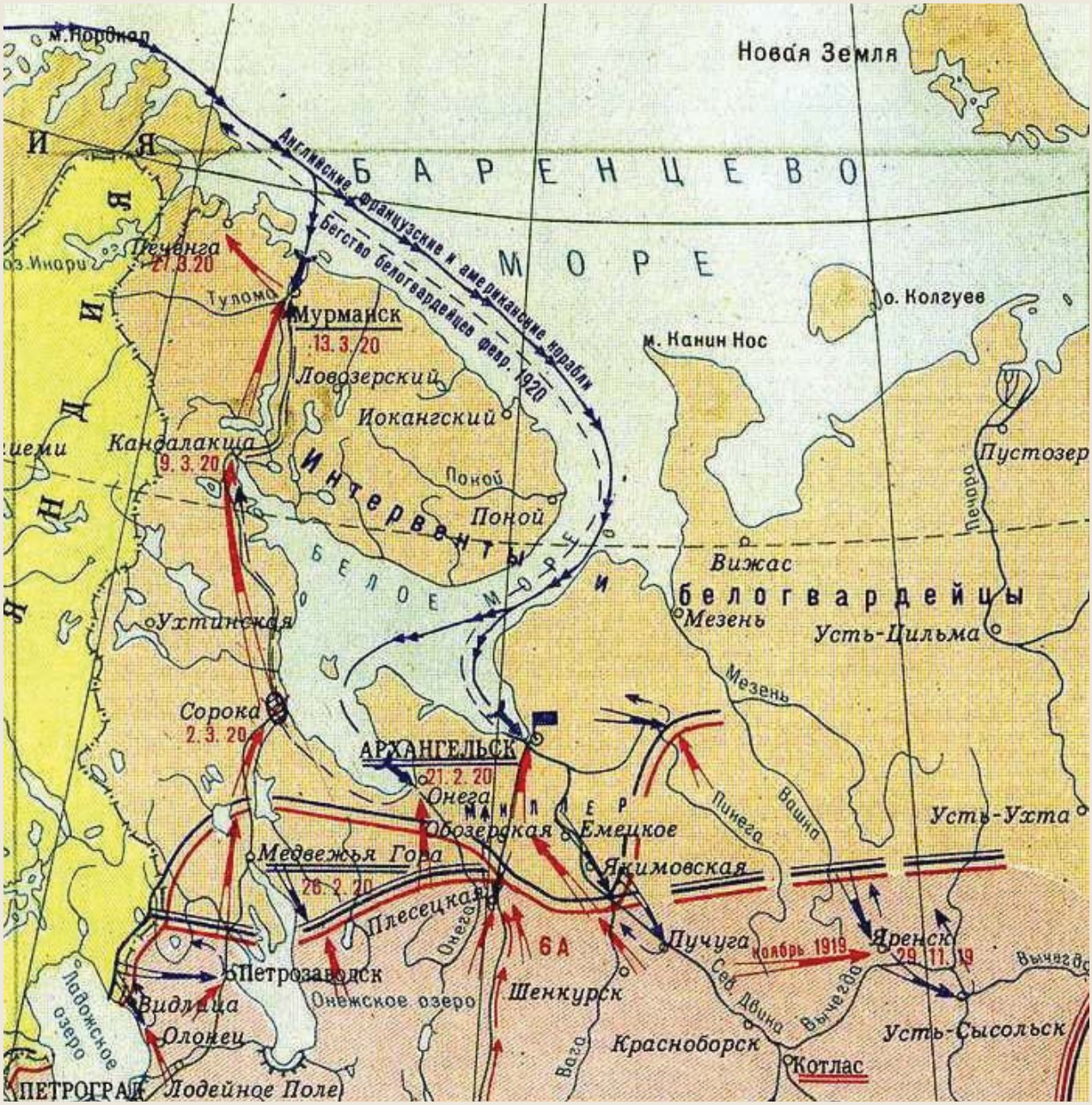
Здесь по сравнению с советским Севером диапазон потенциальных возможностей антибольшевистского режима был шире. Временное правительство Северной области имело выгодное стратегическое положение, морские коммуникации, пользовалось военной, военно-технической, финансовой и продовольственной помощью иностранных союзников. Однако ввиду несогласованности действий, отсутствия широкой поддержки среди местного населения, а также из-за оперативных просчётов белые потерпели поражение[3].

В отечественной и западной исторической литературе, архивных фондах американского Мичиганского университета, а также в Интернете отложился огромный пласт информации о фактах времён Гражданской войны и военной интервенции на Севере Советской России.

Однако начиная с 1957 года в ходе значимых для нашей страны исторических событий, ознаменовавшихся строительством космодрома Плесецк, доступ к отчуждённым под его строительство территориям и прилегавшим районам был ограничен для краеведов и исследователей. Кроме того, в результате отчуждения земель и переселения жителей с территории будущего космодрома «исчезли» несколько населённых пунктов, которые в 1918—1919 гг. были основными центрами военных действий на Севере страны. Например, деревни Кодыш, Авда, Кочмас, Тарасово, Церковное, сотни жителей которых во время Гражданской войны принимали непосредственное участие в партизанском движении, либо в составе действующих армий враждовавших сторон.

В этой связи исследовательский интерес представляют события рубежа 1918—1919 гг. — бои у д. Кодыш. Этот населённый пункт возник в XVI веке на основном тракте, соединявшем центр страны с северными территориями и выходами к северным морским путям, и долгое время являлся почтовой станцией. Расходы на содержание трактов воз-

Карта боевых действий на Севере России в 1918—1920 гг.



Парадное фото знаменосцев союзных сил, восседающих на боевых конях. Район станции Обозерская, январь 1919 г.

Красноармейцы 1 сб 18 сд 6 КА СФ у броневика «Коммунист» в районе д. Кочмас на Кодыш-фронте, 1919 г.
Как воевали броневики. Ч. 2. Журнал военных действий 23-го авто-бронеотряда 18-й стрелковой дивизии

Мемориальная доска на станции Плесецкая (не сохранилась)
Макаров Н.А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918—1920 гг.: энциклопедический словарь в 2 кн. Кн. 2. Архангельск: Правда Севера, 2009. С. 95, 96.

лагались на жителей уездов, по которым они проходили, частично — на казну. Первоначально тракты были почтовые, затем стали «обывательскими», предназначенными для перевозки пассажиров и грузов. В границах нынешнего Плесецкого района существовало несколько трактов, основным из которых являлся Архангельск — Санкт-Петербург (Петроградский) протяжённостью около 190 вёрст[4].

К началу Гражданской войны, по разным данным, д. Кодыш насчитывала от 7 до 12 дворов. В ходе ожесточённых боёв деревенька, как и некоторые другие (например, д. Кочмас), была сожжена иностранными интервентами, а после Гражданской войны отстроена заново[5].

На фоне огромных труднопроходимых и малообжитых северных территорий д. Кодыш являлась важным пунктом, который позволял контролировать значительные для региона грузоперевозки по широкой грунтовой дороге на участке Петроградского тракта ж/д ст. Плесецкая — село (с.) Селецкое (Сельцо).

Предположительно планы белых и союзных войск иностранных интервентов, наступавших против Северного фронта Красной армии, сводились к следующему. Удерживая неподвижно свой правый фланг в районе населённых пунктов Кеми-Сороцкой и Сумского Посада, энергично наступать по р. Северная Двина. Затем по линии железной дороги Архангельск — Вологда, уступами с левого фланга, с целью овладеть Котласом, Вологдой и посредством дальнейшего распространения на восток действовать совместно с правым флангом чехословаков, наступавшим в направлении Пермь — Вятка. Овладение районом станции Плесецкая, по

всей вероятности, было ближайшей на тот момент целью неприятеля[6].

В результате противостояния подразделений Красной армии продвижению союзных войск интервентов и белых к октябрю—ноябрю 1918 года граница фронта установилась на железной дороге — между станциями Емца и Обозерская (Железнодорожный фронт), далее на восток — по р. Емца до р. Северная Двина. Окрестности д. Кодыш охватывали часть границы фронта по р. Емца, пересекавшейся Петроградским трактом. На многие километры в одну и другую сторону от дороги раскинулись болота и озёра, непроходимые и в настоящее время[7]. Этот участок фронта в воспоминаниях участников тех событий назывался Кодыш-фронт.

Приказом Революционного военного совета Республики (РВСР) от 11 сентября 1918 года из войск Северо-Восточного участка отряда завесы была создана 6-я Красная армия Северного фронта (6 КА СФ)[8]. В её оперативном подчинении находилась 18-я стрелковая дивизия (18 сд 6 КА СФ), сформированная 26 ноября 1918-го в составе девяти стрелковых полков (сп); начальник дивизии — А.Н. Ленговский (26 ноября — 1 декабря 1918 г.), затем И.П. Уборевич (1 декабря 1918 г. — 29 сентября 1919 г.).

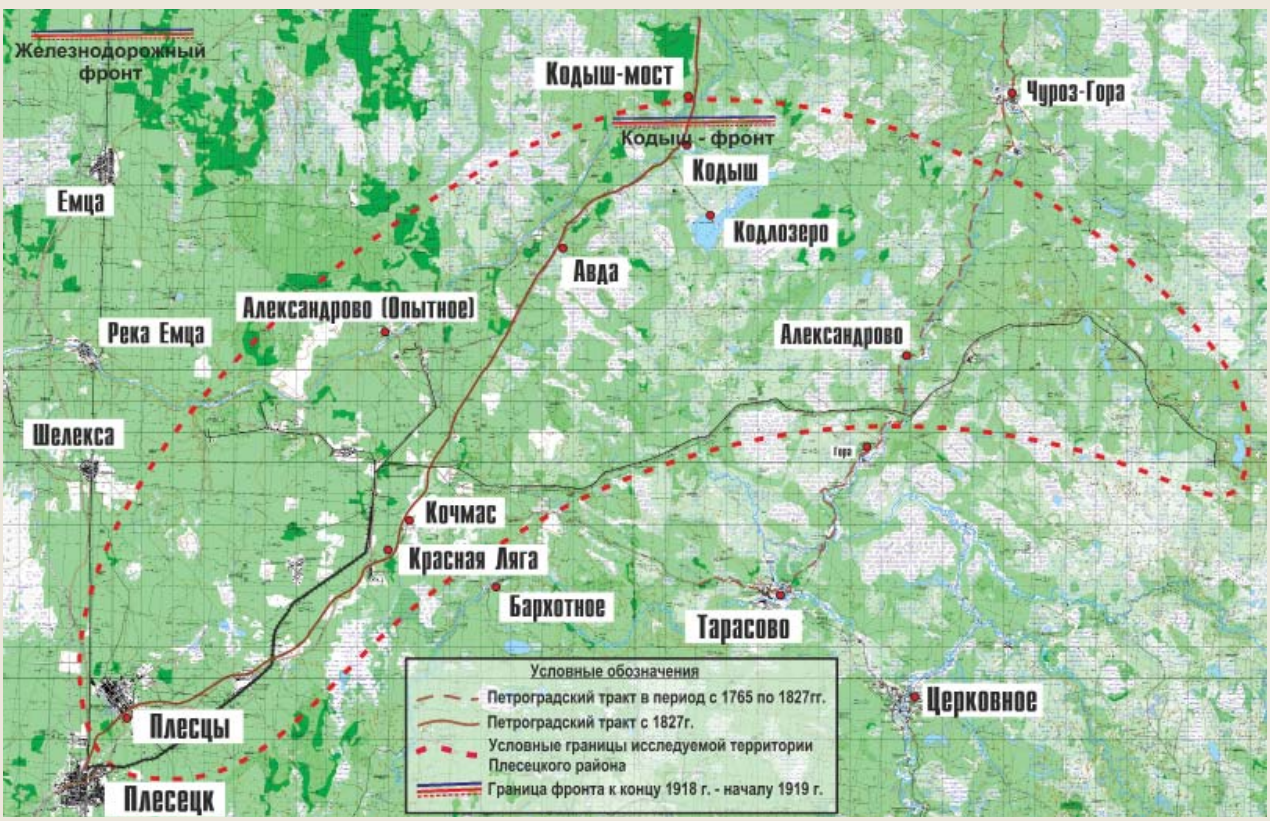
С 29 ноября 1918 года полки в составе дивизии стали номерными и были сведены в стрелковые бригады.

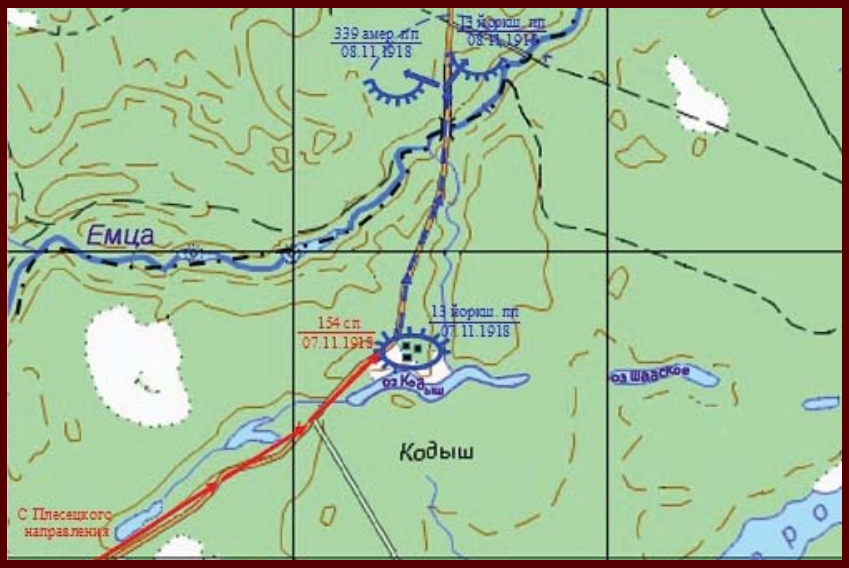
В сентябре 1918 года был сформирован 18-й авиационный отряд (18 ао) на базе Костромской авиационной группы (аэродром Ковырино под Вологдой). Приказом наркома по военным делам от 15 ноября 1918 года отряд был придан 18 сд в составе 6 самолётов «Ньюпор-23» и «Фарман-30», 4 автомобилей, 5 повозок и 113 человек личного состава; начальник отряда — А.С. Слепян, военком — М.Г. Хвастунов. С октября 1918 года по апрель 1919-го авиаотряд базировался на аэродроме ст. Плесецкая.

18 ао вёл разведку по тракту Петербург — Архангельск на участке ж/д станция Плесецкая — д. Кодыш и в районе с. Тарасово; по Северной железной дороге на участке ж/д ст. Емца — ж/д ст. Обозерская и др.; производил бомбометание по уничтожению живой силы и огневых средств противника; сбрасывал агитационную литературу среди войск противника и населения прифронтовой полосы; корректировал артиллерийский огонь; поддерживал связь между подразделениями 18 сд; осуществлял штурмовые налёты на позиции белогвардейцев и интервентов (например, в феврале 1919 г.

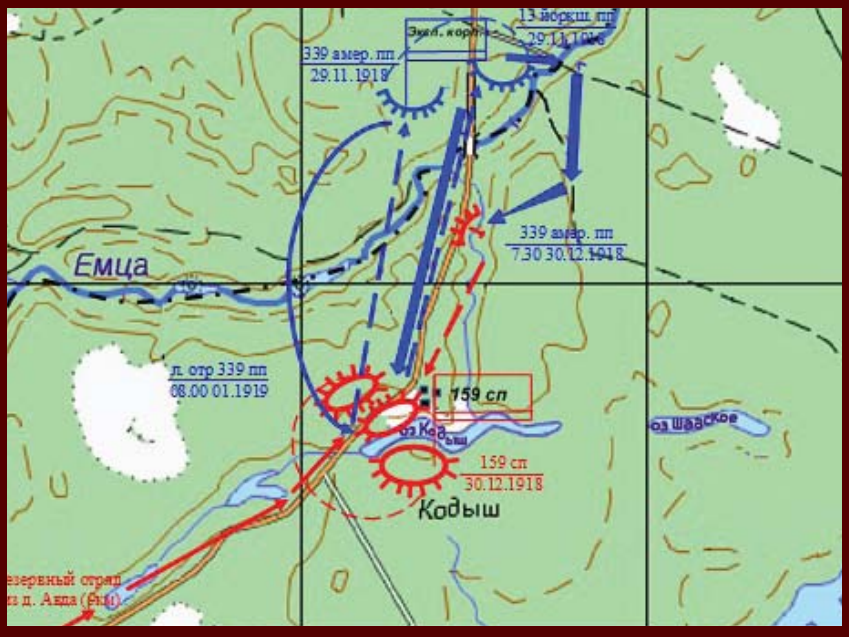
Схема местоположения населённых пунктов, располагавшихся в годы военной интервенции и Гражданской войны на Севере России в 1918—1920 гг. в пределах исследуемой территории Плесецкого района

Сост.: А.М. Донсков, Д.Г. Сластушевский, О.В. Марченко



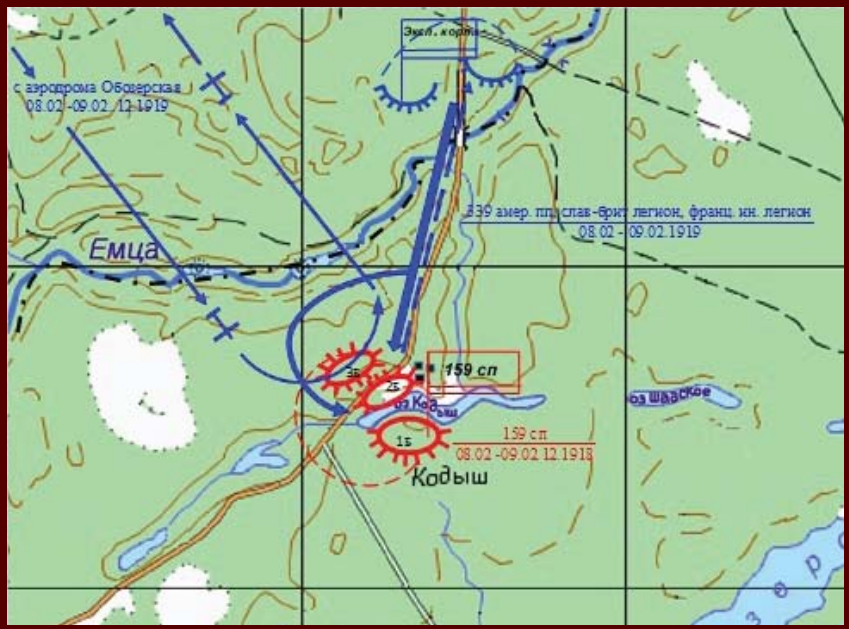


Схематичная карта боя за д. Кодыш 7—8 ноября 1918 г.
Сост. А.М. Донсков



Схематичная карта боя за д. Кодыш 30 декабря 1918 г.
Сост. А.М. Донсков.

Схематичная карта боя за д. Кодыш 8—9 февраля 1919 г.
Сост. А.М. Донсков



успешно атаковал бронепоезд «Адмирал Колчак»); обеспечивал господство в воздухе путём ведения воздушных боёв (за период октябрь 1918 г. — октябрь 1919 г. 18 ао сбил шесть самолётов противника)[9].

Помимо основных боевых подразделений Красной армии на Северном фронте 28 ноября 1918 года в д. Кочмас Петровской волости Холмогорского уезда был создан Церковнический отряд красных партизан. Первый командир отряда — председатель Церковнического волисполкома В.П. Потехин. С декабря 1918 года командиром был И.Н. Мурзин. Первоначально отряд насчитывал 13, а к сентябрю 1919-го — около 500 человек. Он действовал в районе д. Кодыш — д. Кочмас — с. Тарасово. Одной из основных задач отряда было проведение агитации среди войск интервентов и белогвардейцев, а также среди населения прифронтовой полосы[10].

7—8 ноября 1918 года произошли бои за д. Кодыш Петровской волости Холмогорского уезда в ходе наступательной операции 154-го Петроградского стрелкового полка (командир Р.Д. Пейч, военком В.В. Кроль) 6 КА СФ на плесецко-селецком направлении (на Петроградском тракте).

Полк, преодолев сопротивление батальона Йоркширского полка (командир полковник Г.Э. Леви), захватил д. Кодыш и заставил отступить английских интервентов за р. Емца. При этом командир 2-го батальона Александр Никаноров лично повёл в контратаку две роты и в числе первых ворвался в окопы интервентов. Приказом РВСР от 10 марта 1919 года за героизм, проявленный в этом бою, 21 человек Петроградского полка был награждён орденом Красного Знамени[11].

30 декабря 1918 года состоялся бой у д. Кодыш в ходе

оборонительной операции 159-го Онежского стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии 6 КА СФ на Петроградском тракте.

Полк был сформирован в ноябре 1918 года в с. Турчасово на базе отрядов красных партизан (командир А.К. Стриевский); в его составе — батальоны, роты, команда разведчиков, полковая пулемётная команда, хозчасть, штаб. Командира партизанского отряда А.М. Ларионова назначили командиром батальона. Все 12 пулемётных отделений были соединены в одной команде, большинство пулемётчиков — добровольцы. В конце декабря полк перевели под д. Кодыш. Численность 159 сп, по некоторым данным, составляла 1634 человека.

«Трудно тогда было под Кодышем. Обмундирование хотя было подходящее — шинели, полушубки, ватные брюки, валенки, но стояли то либо в хвойных шалашах, либо в сырых блиндажах, и огня-то сильно не разведёшь, а время-то было — самые морозные месяцы январь и февраль. И с продовольствием живот подтягивало — получишь мёрзлую пайку хлеба, а до вечера трудно сохранить. А приварок был — сухая вобла, да чечевица на конец. Но стояли, не унывали, и больных как-то немного было», — вспоминал один из участников тех событий[12].

Оборонительные сооружения и окопы 159-го полка протянулись примерно на полкилометра в лесу по обе стороны дороги. Передовые позиции стояли у моста через р. Емца на правой стороне (примерно в 3 км от д. Кодыш), а напротив, на другом берегу, находились передовые позиции интервентов в составе двух рот американского 339-го пехотного полка. В начале декабря 1918 года американские интервенты начали братание с красноармейцами (ходили друг к другу в окопы, обменивались продуктами и табаком). В ночь на 30 декабря эти американские подразделения были отведены в тыл и заменены английскими интервентами, а утром, ещё в потёмках, начался сильный, ураганный огонь из орудий, миномётов, бомбомётов, автоматов. Предположительно в километре от моста вниз по течению, в районе порогов на р. Емца (зимой в этом месте намерзает толстый слой льда), экспедиционному корпусу интервентов и белогвардейцам удалось скрытно переправиться на правый берег и вплотную подойти к позициям передового отряда красноармейцев. Последним пришлось отойти от реки в сторону расположения главных сил полка, т.к. цепи интервентов начали обходить с тыла. В течение 10 часов (пока не стемнело) батальон 13-го Йоркширского пехотного полка британской армии под командованием полковника Г.Э. Леви при поддержке артиллерийского, миномётного и пулемётного огня многократно атаковал позиции 159 сп на Петроградском тракте. Бои уже меньшей интенсивности длились несколько дней, потери с обеих сторон составили несколько сот раненых и убитых. Союзные войска интервентов начали занимать д. Кодыш, но всех позиций взять не смогли — красные остановились на опушке леса у деревни, где были старые окопы и блиндажи. Потом интервенты сожгли деревню и вернулись за реку, а красные стали укреплять позицию, на которой остановились.

Опоры разрушенного деревянного моста через р. Емца (рядом современный железобетонный мост)
Фото А.М. Донскова, 2021 г.

Умелое руководство красноармейской заставой (командир взвода П.Г. Лебедев), выдвинутой перед позициями полка, нарушило планы британских интервентов. Попытку прорыва главных сил 159-го полка удалось ликвидировать благодаря умелому руководству обороной этого участка командиром батальона В.С. Лебедевым.

При тридцатиградусном морозе бойцы 159-го полка проявили массовый героизм. Пулемётчик Д. Кемов «с оторванной ниже голени ногой продолжал мужественно оставаться на своём посту до полного отбития атак неприятеля»; командир взвода П. Веселов, когда «выбыли из строя все пулемётные номера… сам открыл огонь по неприятелю и геройски отбил несколько атак, хотя и был ранен». Командир батальона А.Н. Космачёв «высказывал неустрашимость и доблесть при отбитии атак противника и появлялся во всех опасных местах, ободряя тт. красноармейцев». Попытки британских интервентов прорвать оборону 159-го полка завершились ничем. Онежский стрелковый полк потерял убитыми, ранеными и обмороженными до трети личного состава.

Приказом РВСР от 10 марта 1919 года орденом Красного Знамени были награждены: П. Веселов, Д. Кемов, А.Н. Космачёв, В.С. Лебедев, П.Г. Лебедев, Г.Л. Назимов, С.П. Тряпицын и др.

Из воспоминаний участника событий: «В январе англичане на лыжах лесом зашли в обход нашего кольца в тыл на дорогу, захватили батарею, убили 17 лошадей.

Весь день до вечера мы сидели в окружении, но не дрогнули. В это время из деревни Авда (9 км в тылу) подоспели резервы стрелков и пулемётчиков, и англичане убежали, оставив четырёх убитых. При этом мы чуть не постреляли своих: наши пулемёты направлены вдоль дороги к тылу, там идёт стрельба, а кто стреляет — в лесу не видно. Но с той стороны побежал к нам пулемётчик Махнов А.П., стали кричать, кое-как докричались, и обошлось благополучно»[13].

В начале февраля 1919 года 1-я и 4-я роты 13-го Йоркширского пехотного полка отказались стоять на передовых позициях. Их вновь заменили две роты американского 339-го полка.

8 февраля 1919 года интервенты в составе подразделений 339-го полка под командованием полковника Д.Э. Стюарта, Славяно-британского легиона под командованием Г.Э. Леви и отряда Французского иностранного легиона предприняли обходной манёвр, отрезав наш 1-й батальон (командир А.М. Ларионов) от основных сил 159 сп. Легионерам удалось захватить два полевых орудия. Многочисленные атаки интервентов при поддержке аэропланов с Обозерского аэродрома и артиллерии оказались безрезультатными. Атаковавшие были вынуждены отойти от Кодыша за р. Емца, потеряв при этом около 30 человек убитыми, несколько десятков замёрзшими и ранеными[14].

Из воспоминаний одного из ветеранов 159-го стрелкового полка: «В феврале наш полк ходил в наступление, подошли к речке Емце, были сюда подтянуты орудия, но результатов не добились. А в конце февраля — начале марта 1919 года 159-й Онежский стрелковый полк был опять переведён на Онежское направление»[15].

Руководство Северной области и командование белых войск с весны 1919 года пристально следили за известиями о наступлениях на других белых фронтах. Они рассчитывали, что Северная и Сибирская армии смогут создать единый фронт, что адмирал А.В. Колчак или генерал А.И. Деникин скоро дойдут до Москвы и войска Н.Н. Юденича захватят Петроград, положив конец большевистскому режиму.

С лета 1919 года сведения о неудачах на других белых фронтах и волнения в армии Северной области способствовали прекращению интервенции Антанты на Севере России. После эвакуации интервентов осенью 1919-го белогвардейские войска предприняли успешное наступление на всех направлениях на Северном фронте. Угроза захвата ст. Плесецкая в октябре 1918 года вынудила Красную армию во избежание окружения оставить участок тракта на плесецко-селецком направлении и, соответственно, д. Кодыш.

Хотя осенью 1919-го военное положение белой армии упрочилось, а численность войск продолжала расти, северное руководство столкнулось с неразрешимой дилеммой. Растянутая линия обороны и невысокая боеспособность частей заставляли его прибегать к всё более широким мобилизациям, чтобы обеспечить количественный перевес над противником по всему фронту. Однако, как и в большевистском центре страны, потребности растущей белой армии стали непосильным грузом для экономики края, вызывая недовольство его населения. В экономически слабой Архангельской губернии, лишившейся своего единственного преимущества — продовольственной и военной помощи, этот конфликт между интересами армии и тыла оказался непреодолимым и резко ослабил способность Северной области вести борьбу. И когда в конце 1919 года в Архангельск стали при-

ходить известия о крушении белых армий на Востоке, Юге и Северо-Западе России, Северный фронт рухнул почти без сопротивления[16]. Всё это способствовало успешным действиям 6 КА СФ. 21 февраля 1920 года войска Красной армии вошли в Архангельск, а 13 марта — в Мурманск.

В результате исследований удалось сопоставить исторические описания боёв с реальной местностью и приоткрыть завесу одной из множества нераскрытых тайн территории Плесецкого района, укрытых таёжными лесами северного края.

Гражданская война закончилась, но ещё не одно десятилетие спустя люди будут помнить о прошедших событиях, ведь рядом жили те, кто совсем недавно воевал по разные стороны. Страх за возможные неприятности от соседа долго преследовал жителей окрестных деревень. Взрослые старались не общаться между собой, только дети не чувствовали гнетущей атмосферы.

На кладбище в д. Кочмас Петровской волости Холмогорского уезда[17] в конце декабря 1918 года в братской могиле были с почестями похоронены 150 бойцов 159-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии 6 КА СФ, павшие в сражениях за д. Кодыш. Здесь и установили памятник первые военнослужащие космодрома Плесецк. Сегодня его офицеры и солдаты хранят память о погибших бойцах, поддерживают порядок на месте их захоронения[18].

Примечания

[1] Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918—1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Архангельск: Правда Севера, 2008. С. 3.

[2] *Макаров Н.А.* Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918—1920 гг.: энциклопедический словарь в 2 кн. Кн. 2. Архангельск: Правда Севера, 2009. С. 141—143.

[3] Защитники Отечества: общественно-научные чтения по военно-исторической тематике, прочитанные на XXXIII и XXXIV общественно-научных чтениях. Вып. 14 / [Сост. И.М. Гостев]. Архангельск: Региональный центр патриотического воспитания и подготовки граждан (молодёжи) к военной службе, 2016. С. 182.

[4] *Попов Г.П.* Трудные дороги Севера: историко-краеведческий очерк. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. С. 37, 38.

[5] Мирный, любим ты и дорог!: 60 лет космодрому и городу: [книга-фотоальбом / Под общ. ред. Ю. Сергеева]. [Мирный]; Архангельск: Типография А 4, 2017. С. 30—36.

[6] Докладная записка командующего Северным фронтом Д.П. Парского начальнику полевого штаба РВСР Н.И. Раттэлю об оперативных планах и необходимости укрепления фронта. № 435. г. Петроград, 28 сентября 1918 г. // Директивы командования фронтов Красной армии. М.: Воениздат, 1978. С. 241.

[7] *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск: СОЛТИ, 2005.

[8] *Макаров Н.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 258.

[9] Там же. С. 96, 97.

[10] Там же. С. 317.

[11] Там же. С. 78.

[12] *Ляпунов А.П.* Воспоминания о Гражданской войне на Онеге / Перепечатано с рукописей А.П. Ляпунова, уроженца д. Залесье Прилукской волости Онежского уезда // Онежская библиотека. URL: http://onegaonline.ru/biblio/see.php?kod=516&name=1.Краеведческая_литература_(архивы).

[13] Там же.

[14] *Макаров Н.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 78.

[15] Воспоминания о Гражданской войне на Онеге.

[16] *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917—1920. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 227—243.

[17] *Макаров Н.А.* Указ. соч. Кн. 2. С. 80, 81, 205.

[18] Мирный, любим ты и дорог!.. С. 35.

A.M. Donskov, O.V. Marchenko

«IT WAS HARD BACK THEN NEAR KODYSH… BUT WE STOOD OUR GROUND AND DIDN'T LOSE HEART»

Fighting on the territory of the modern Plesetsk District in 1918—1919

Information about authors. *Alexander Donskov — researcher of the Research and Testing Center at the Ministry of Defense of the Russian Federation, major (E-mail: alemido@mail.ru);*

Oleg Marchenko — head of the laboratory at the Research and Testing Center of the Defense Ministry of the Russian Federation, major (E-mail: mow@yandex.ru).

Summary. *The Civil War and military intervention in the North of Soviet Russia (1918—1919) are part of the large-scale historical events of the Civil War era of 1918—1922. The purpose of the paper is to describe the events of the Civil War and the intervention of the United States, Great Britain, and France that took place on the territory of the present-day Plesetsk District. The materials are supported by the schemes of the battles, compiled by the authors on the basis of descriptions and historical research on the ground.*

Keywords: *foreign intervention; Railway Front; Kodysh Front; 339th American Infantry Regiment; 13th Yorkshire Infantry Regiment of the British Empire Army; 159th Onega Rifle Regiment of the Red Army; 18th Red Army Air Detachment; stronghold; villages of Avda, Kodysh, Kochmas, Tserkovnoye, Tarasovo.*

С.И. Панькин

«КРАСНОАРМЕЙЦУ ИЗ КОММУНИСТОВ ВЫДАТЬ ДОКУМЕНТЫ НА ДЕЗЕРТИРА...»

Тайная разведка в деятельности комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1920 году

Сведения об авторе. *Панькин Станислав Игоревич — доцент кафедры публичного права Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат социологических наук (г. Челябинск. E-mail: pstanislav78@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье на основе архивных документов исследуются методы проведения негласной разведки специальными сотрудниками комиссий по борьбе с дезертирством в годы Гражданской войны в России на территории Южного Урала в целях обнаружения скоплений дезертиров, выявления их намерений и степени организованности, а также возможных контактов с другими повстанческими группами для последующей эффективной борьбы с данным явлением. Приведены примеры докладов агентов и анкет, аккумулировавших итоги конспиративной работы в регионе за 1920 год, раскрыты особенности оперативных мероприятий и дана оценка деятельности тайных сотрудников.*

Ключевые слова: *Красная армия; Гражданская война; военная служба; дезертирство; комиссии по борьбе с дезертирством; лжедезертиры; агентурная разведка; контрразведка; карательные отряды; Челябинская губерния; Южный Урал; повстанческое движение.*

Плакат «Позор дезертирам»
1920 г.

Дезертирство как спутник всех войн получает особое, во многом противоречивое содержание во время внутренних гражданских конфликтов. В ходе Гражданской войны в России масштабы явления стали серьёзной проблемой: за 1918—1920 гг. в стране выявили миллионы беглецов из Красной армии. В Челябинской губернии в 1919 году задержали 2256 дезертиров и уклонистов, в 1920 году — 36 166, в 1921 году — 765, что суммарно, без учёта погрешностей отчётной статистики, составляет до 40 тыс. человек[1].

Различные методы борьбы с дезертирством подвергались всестороннему анализу в многочисленных научных исследованиях и в публицистике. Однако использование тайной разведки в борьбе с этим явлением до сих пор остаётся белым пятном современной отечествен-

ной историографии. Одни авторы обходят этот сюжет, другие исследуют весьма поверхностно, лишь обозначив его наличие. Подробно освещая борьбу с дезертирством в Пензенской губернии, Р.Ю. Поляков приводит обширную выдержку из инструкции, включавшей цели и способы проведения тайной разведки, но оставляет цитату без каких-либо комментариев[2]. А.С. Позднякова, анализируя аналогичный документ Вятской губернии, кратко отмечает специфику закрытой (секретной) разведки, ориентированной на поиск агентуры среди жителей и использование её результатов не только для организации облав, но также для агиткампаний и добровольной явки[3].

Своего рода открытием темы являются работы К.В. Левшина, в которых тайная разведка стала непосредственным объектом исследования[4]. Опираясь на материалы соответствующих органов Северо-Запада России, автор отмечает, что такая оперативная работа являлась эффективной мерой по борьбе с дезертирством ввиду закрытости деревни, ограниченности ресурсов для производства тотальных облав, угрозы восстаний бывших военнослужащих. Применительно к Южному Уралу подобных исследований ранее не проводилось.

Борьбой с дезертирством, устранением его причин, выявлением и поимкой беглецов занимались созданные на рубеже 1918—1919 гг. комиссии по борьбе с дезертирством (комдезы). Высшим звеном являлась Центральная комиссия по борьбе с дезертирством (ЦКД), на уровне военных округов — окружные (ОКД), далее — губернские (ГКД), уездные (УКД) и волостные (ВКД) комиссии. В 1919—1920 гг. они последовательно наделялись широкими полномочиями в рамках оперативной деятельности: дознания, следствия в отделениях ревтрибуналов при ГКД и наложения санкций. Для их реализации имелись собственные вооружённые силы и штаты сотрудников.

В функции комиссий среди прочего входила проверка всех учреждений, предприятий и властных структур (за исключением РКП(б) и ЧК) на предмет наличия дезертиров, устроенных по подложным документам либо укрывавшихся от мобилизации без веских на то оснований. Комдезы контролировали работу органов, отвечавших за обеспечение семей красноармейцев (земотделов, лескомов, оргсевов, совнархозов)[5]. Одним из направлений деятельности в рамках имевшихся полномочий являлась оперативная разработка. Наряду с открытыми активными формами розыска в виде облав, действий экспедиций и отрядов проводились негласные мероприятия в форме тайной разведки определённой местности.

Тайная разведка велась силами специальных агентов под видом дезертиров. Их подбирали из числа проверенных сотрудников комиссий, надёжных красноармейцев, часто — членов РКП(б). Согласно архивным данным они снабжались документами на дезертиров и мандатами на случай задержания. В районы посылали одиночные, парные и групповые разведки, не знавшие друг о друге. Подбор кадров, планирование, направление поисков, определение границ каждой операции и организация разведывательной деятельности в целом были возложены на уездные комдезы и военкоматы, которым оказывали содействие органы ЧК (политбюро) и РКП(б) того же уровня. Инструкции предусматривали, чтобы агенты специальным шифром извещали руководство о собранной оперативной информации. На её основе осенью 1920 года планировалось реализовать масштабные облавы. В фондах Объединённого государственного архива Челябинской области» (ОГА ЧО) хранятся несколько отдельных докладов агентов и сводные анкеты (отчёты), составленные в январе 1921 года по итогам разведывательных операций в районах губернии.

По данным К.В. Левшина, отдельные разведки нача-

ли проводить с осени 1919 года. В Челябинской губернии первое упоминание о них удалось обнаружить в докладе о работе ГКД за июль 1920 года. Среди планировавшихся мер в документе указывалось: «Красноармейцу из коммунистов выдать документы на дезертира, и он, лжедезертир, направляется в местность, где, возможно, скрываются дезертиры, извещает об их количестве, положении шифром, а также о работе волостных комиссий». В докладе намечена организация «Недели облав» по губернии, возможно, с расчётом на успех разведок[6]. Однако масштабная акция «Поход на дезертиров и укрывателей» в шести уездах одновременно с привлечением выездных сессий трибуналов и значительных сил в августе 1920 года проводилась без данных, предоставленных секретной разведкой. Базы организованных групп были известны приблизительно, предварительная работа не проводилась, местность оказалась незнакомой, а результаты в целом провальными. Отдельные отряды комдеза получили отпор и даже попали в плен. В итоге губернию объявили на военном положении, а часть дезертиров перешла к открытой вооружённой борьбе, выдвинув политические лозунги.

Более чёткие основания нелегальной разведки ввели осенью 1920 года рядом межведомственных актов. Совместным циркулярным письмом «по поводу вооружённого бандитизма» от 11 сентября 1920 года губком РКП(б), губисполком, губвоенкомат и ГКД постановили организовать в каждом уезде оперативную революционную тройку (ОРТ) в составе представителей укома РКП(б), ЧК и УКД. Данные ОРТ (штабы) организовывали в районах широкую разведку и «контрразведку, то есть тайную разведку», а активные мероприятия, то есть облавы и экспедиции, постановили проводить только на основе проверенных разведданных[7]. Согласно отчётам ГКД реализацию этих мер с обязательной связью между агентами, отрядами и ОРТ наметили на октябрь 1920 года.

П.К. Студеникин

Конкретную программу действий с закреплением полномочий и форм отчётности содержала Инструкция по борьбе с дезертирством, введённая циркуляром окружной комдез от 17 сентября 1920 года. Очевидно, что документ транслировал акт, принятый ЦКД. Исходя из опыта 1919 года, подчёркивалась необходимость усиления разведки именно осенью, когда «дезертиры группируются, ищут место для зимовки… население об этом знает… каждая группа по 10—20 человек, устраиваясь на зиму, сразу устанавливает связь с другими». Всем ОРТ приказали разбить уезды на районы, по которым произвести первую тайную разведку (под видом дезертиров), затем отправить вторую, причём «они не должны знать друг о друге». На время работы групп облавы прекращались за исключением местности, охваченной повстанчеством. Особо отмечалось, что в губернию и военный округ надлежало отправлять лишь точную и перепроверенную информацию[8].

Для проведения в жизнь окружного циркуляра губвоенком Б.А. Каврайский (он же председатель ГКД) и его заместитель по линии комдез В.А. Соловьёв в тот же день отправили на места собственную инструкцию. Согласно документу УКД обязали по своей инициативе созвать в уездах экстренные собрания представителей комдез, политбюро, милиции, исполкомов, комитетов РКП(б), разбить территорию на районы, куда выслать тайную разведку, в обязательном порядке уведомив ГКД о количестве районов и агентов. Первые партии агентов отправляли до 23 сентября, а вторые (контрразведку) — не позднее чем через два дня с возвращением 6 и 8 октября соответственно. К 9 октября составленные точные сводки по итогам мероприятий направлялись в губернию[9].

Таким образом, организация негласной разведки обосновывалась необходимостью сбора проверенной информации в целях успешного розыска и выявления дезертиров, скрывавшихся в сельской местности, часто

при поддержке местного населения и представителей низовой администрации. Первая и проверочная группы докладывали: где и сколько обнаружено дезертиров, есть ли банды, их руководство, организованность, боеспособность, цели и лозунги, отношение местных жителей, наличие укрывателей и лиц, оказывавших содействие. В УКД анализировали и сверяли данные, затем составляли единую анкету-сводку по всем районам уезда. При этом информация из отчётов тщательно перепроверялась, включая следующие вопросы: наличие условий у красноармейских семей; число задержанных злостных и слабовольных дезертиров, из них бывших в Красной армии и уклонистов; количество явившихся добровольно; какие банды ликвидировались; объём и виды трофеев и применённых наказаний; сколько осталось непойманных; какие административные меры применялись; число конфискаций, митингов. Эти сведения являлись обязательными и для ежемесячных отчётов и докладов УКД в губернию[10]. В развитие комплексного плана борьбы с дезертирством 25 сентября ГКД отправила в уезды приказ с требованием отозвать все оперировавшие отряды до 10 октября (срок возвращения разведок и составления сводных анкет) и «не высылать до разработки чёткого плана»[11].

Однако развитие повстанчества в ряде районов в конце сентября 1920 года и иные местные факторы внесли коррективы в сроки и результаты исполнения данного плана. В ряде случаев, как в Миасском и Троицком уездах, агентам меняли задачу и внедряли в повстанческие формирования. Вооружённое противостояние в активной фазе продолжалось в регионе до ноября 1920 года, губернский военком возглавил штаб по ликвидации бандитизма, ему подчинялись несколько бойучастков со своим командованием и десятки воинских соединений. Ввиду этих обстоятельств и быстрой смены обстановки оперативная, а также аналитическая информация разведок в первоначальном смысле несколько утратила актуальность. «Генеральные облавы» в лесных массивах на основании докладов агентов теряли смысл из-за действий повстанцев, отсутствия свободных сил и наступивших холодов. Но в ходе подавления очагов на стадии зачистки территорий, ликвидации уцелевших групп и развёртывания программы репрессий развединформация вновь стала востребованной.

Невзирая на различные трудности, сводные анкеты из ряда уездов поступили в губкомдез к указанному сроку. Председатель Челябинской УКД П.И. Соболев представил рапорт, приложив анкету от 11 октября. Согласно документу уезд разбили на семь районов по 10—11 волостей (станиц). Первая и проверочная парные разведгруппы в каждом из них состояли из чекиста и сотрудника комдез. Отмечались отсутствие бандитизма, слабая организация борьбы с дезертирами на волостном уровне, враждебное либо равнодушное отношение к ним населения. Входившие административными анклавами в уезд Яланский и Аргаяшский кантоны Башкирии также охватили разведкой, но в последнем агентов задержала «РайЧК северных кантонов Башкирии». Для проверки слухов о наличии вооружённых людей в некоторых пунктах УКД 9 октября отправила ещё одну разведгруппу из трёх человек. В целом данные этой анкеты можно было в большей степени использовать в борьбе с нарушениями должностных лиц волостных комиссий и военкоматов. П.И. Соболев предлагал в конце октября организовать межведомственные экспедиции по опыту сентября, составил маршрут их движения и просил помощи ресурсами, считая высылку отрядов излишним[12].

Из других уездов столь развёрнутой информации не представили. В Кустанае циркуляр и инструкцию об организации разведок вообще не получили; Верхнеуральская УКД отправила анкету сразу в военный округ, минуя ГКД; Миасская комиссия анкету не предоставила, кратко отметив в ежемесячном рапорте: «идут военные действия»; из Кургана данные пришли с большим опозданием. В Троицком уезде отправили всего две разведки в Санарский и Джабык-Карагайский боры, где ничего не нашли, отметив лишь враждебность населения и военные действия с повстанцами[13].

По содержательному характеру осенние анкеты большей частью включают перечень волостей, входивших в разведрайоны, состав групп, изложение разных слухов и указание на организационные трудности, нежели оперативную информацию. Рапортов со-

трудников, на основании которых составлялись анкеты-сводки, сохранилось ничтожно мало.

Рабочие будни разведчиков первой волны иллюстрирует доклад агента УКД Г. Барышникова и красноармейца Д. Жеркова о контрразведке с 25 сентября по 8 октября в относительно спокойном Челябинском уезде. Они прошли шесть волостей, где помимо прочего задавали жителям провокационные вопросы: «Что не идёте в восстание? Кто прячет беглецов?» Выдавая себя за дезертиров, они слышали нарекания на власть. В своих рапортах агенты подробно отразили те разговоры с жителями, в которых ругали советы, проклинали коммунистов и обвиняли их в грабеже народа, передавали слухи о наличии в деревнях одного-двух дезертиров, а также изложили мнение о необходимости наказать собеседников, недовольных властью[14].

В конце октября все силы были брошены на подавление повстанчества. Развёрнутую информацию по итогам анализа «сконцентрированного разведматериала» по трём уездам аккумулировал начальник 35-й бригады войск ВНУС П.К. Студеникин, но в сохранившихся приказах и сводках отражались далеко не все пункты инструкций[15].

В ноябре—декабре 1920 года в губернии проводились недели добровольной явки, локальные военные операции, что отчасти объясняет паузы в отчётах по конспиративной работе. Разведку в тот период могли вести на основании различной оперативной информации. Так, в начале ноября бойцы караульной роты Челябинского военкомата Бакин и Анхимюк обнаружили в Назаровском бору землянки дезертиров и охранявших схрон часовых, после чего незаметно скрылись[16]. По итогам их донесений 13 ноября на место прибыл отряд во главе с членом УКД Дворянцевым, обнаруживший лишь пустые землянки. Но предпринятыми мерами в течение недели угрозу ликвидировали[17].

Сводные анкеты «о результатах конспиративной работы тайной разведки» за ноябрь—декабрь 1920 года[18], датированные январём 1921 года, помимо разведданных содержат информацию оперативного и статистического характера, включая результаты ранних разведок. В деле представлены не все уезды, но отчасти пробелы восполняет итоговая сводка по губернии от 9 февраля, подписанная заместителем председателя ГКД В.А. Соловьёвым. Согласно документу вся территория была разбита на 27 разведрайонов: наибольшее их число в Курганском уезде (10), наименьшее в Троицком (2), по четыре в Миасском и Верхнеуральском, в Челябинском, включая Куртамышский район — семь. В первых двух уездах второй разведки не проводили. Суммарно в губернии работали 134 агента. Многие из них являлись коммунистами (в Челябинском уезде в первой разведке таковыми были все 14 информаторов), а в каждую из проверочных групп входил сотрудник Губчека. В Курганском уезде производили одиночную разведку, в районах Верхнеуральского и Миасского уездов одновременно действовали несколько групп по 2—4 человека. Обнаруженным группам повстанцев даны характеристики по командованию, составу, лозунгам, связям с населением. По некоторым уездам отразилась информация о количестве привлечённых к ответственности за укрывательство и пособничество дезертирству (прежде всего, должностных лиц), числе конфискаций у семей дезертиров и контрибуций в посёлках. Анкеты из Троицка и Верхнеуральска содержали данные о повстанческих отрядах во всех районах, их социальном составе, ходе ликвидации, числе задержанных, скрывшихся, добровольно явившихся и расстрелянных на месте[19].

Ни одно из донесений, лёгших в основу составленных анкет, обнаружить не удалось. Можно предположить, что некоторые из них содержали проверочный материал относительно информации о служебных злоупотреблениях на основании жалоб жителей. Безусловно, результаты негласной разведки являлись основанием для проверок и сказывались на дисциплинарных взысканиях, когда налагались санкции на сотрудников комдезов, военкоматов и органов социального обеспечения. Из отчёта ГКД за 1920 год следует, что количество сотрудников волостного и уездного уровня, привлечённых к ответственности за попустительство, бездеятельность и иные нарушения, резко возросло в сентябре—октябре 1920 года[20].

К.В. Левшин высказывает предположение, что лжедезертиры не являлись провокаторами, т.к. отсут-

ствуют выявленные факты привлечения к ответственности лиц, оказавших им помощь в предоставлении продуктов, ночлега указавших безопасный маршрут, в целом проявивших сочувствие к разведчикам[21]. По Южному Уралу картина несколько иная. В рамках деятельности совместных групп с привлечением сотрудников ЧК, особенно в зоне действия повстанцев, провокационные методы и последующие санкции имели место. Так, лесника И.М. Петрова приговорили к пяти годам заключения за укрывательство в ноябре 1920 года двух разведчиков, прибывших к нему на заимку якобы от Златоустовской повстанческой армии[22].

Таким образом, тайная разведка представляла собой важное и чётко регламентированное направление деятельности комдезов. Охват территории, задействованные ресурсы, межведомственная координация и надзор со стороны вышестоящих структур свидетельствуют о её значимости для военно-политических органов, возлагавших серьёзные надежды на успех оперативных операций. Однако различные факторы вносили коррективы в планы по сбору информации и её эффективному использованию в регионе. Тем не менее в ряде случаев разведка стала действенной превентивной мерой разрастания дезертирства и его слияния с повстанчеством, предоставив возможности нанесения точечных ударов по организованным вооружённым группам. Информация агентов, внедрившихся в банды, использовалась и в ходе подавления организованного повстанчества, особенно в контакте с органами ЧК. В плане привлечения к ответственности самих сотрудников УКД и военкоматов по итогам работы агентов ясно просматривается усиление функций контроля и собственной безопасности, которые стали значимой составляющей деятельности тайной разведки к концу рассматриваемого периода.

Примечания

[1] Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО). Ф. Р- 97. Оп. 2. Д. 142. Л. 55; Д. 139. Л. 13, 13 об.; Д. 141. Л. 219.

[2] *Поляков Р.Ю.* «Для борьбы с дезертирством нужно больше репрессий...». Дезертирство и его ликвидация в Пензенской губернии во время Гражданской войны в России (1918—1920 гг.) // Военно-исторический журнал. 2022. № 6. С. 82.

[3] *Позднякова А.С.* Создание и деятельность Вятской губернской комиссии по борьбе с дезертирством в 1919 году // Genesis: исторические исследования. 2018. № 11. С. 56—66.

[4] *Левшин К.В.* Лжедезертиры Красной армии в годы Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 2. С. 19—22; *он же.* Дезертирство в Красной армии в годы Гражданской войны: по материалам Северо-Запада России. СПб.: Нестор-История, 2016.

[5] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 109. Д. 61. Л. 27—28.

[6] ОГА ЧО. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 53, 55.

[7] Там же. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 109. Л. 82.

[8] Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 230.

[9] Там же. Л. 222.

[10] Там же. Д 144. Л. 3, 5, 6.

[11] Там же. Д. 139. Л. 220.

[12] Там же. Л. 239, 239 об., 240.

[13] Там же. Л. 185, 235, 242, 248—250.

[14] Там же. Д. 137. Л. 97.

[15] Там же. Ф. Р-393. Оп. 1. Д. 145. Л. 264—290; Ф. Р-97. Оп. 2. Д.139. Л. 255.

[16] Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 6807. Л. 307, 308, 310.

[17] Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139 б. Л. 68.

[18] Там же. Д. 144. Л. 1—39.

[19] Там же. Л. 9—10, 12—13, 15—16, 19, 22—23, 27—29.

[20] Там же. Д. 139. Л. 213.

[21] *Левшин К.В.* Лжедезертиры Красной армии в годы Гражданской войны. С. 21.

[22] ОГА ЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 6806. Л. 171, 183—184.

S.I. Pankin

«THE RED ARMY FROM THE COMMUNISTS TO GIVE DOCUMENTS FOR A DESERTER...»

Secret intelligence in the activities of commissions to combat desertion in the Southern Urals in 1920

Information about author. *Stanislav Pankin — associate professor of the Department of Public Law of the Chelyabinsk Branch at the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Cand. Sc. (Soc.) (sity of Chelyabinsk. E-mail: pstanislav78@yandex.ru).*

Summary. *Based on archival documents, the article examines the methods of conducting covert reconnaissance by special officers of the commissions to combat desertion during the Civil War in Russia in the territory of the Southern Urals in order to detect concentrations of deserters, identify their intentions and degree of organization, as well as possible contacts with other rebel groups for the subsequent effective fight against this phenomenon. Examples of agents' reports and questionnaires that accumulated the results of secret work in the region for 1920 are given, the features of operational measures are revealed, and an assessment is given of the activities of secret employees.*

Keywords: *Red Army; Civil War; military service; desertion; commissions to combat desertion; false deserters; undercover intelligence; counterintelligence; punitive detachments; Chelyabinsk province; Southern Urals; rebel movement.*

А.С. Саенко

«ГЕСТАПОВЦЫ ПОВЫВОРАЧИВАЛИ РУКИ, ЩИПЦАМИ ВЫРЫВАЛИ КУСКИ МЯСА НА ЛИЦЕ...»

Акты Чрезвычайной государственной комиссии как исторический источник о преступлениях нацистов в оккупированном Донбассе, 1941—1943 гг.

Сведения об авторе. *Саенко Антон Сергеевич — аспирант исторического факультета Донецкого государственного университета, ведущий специалист Московского педагогического государственного университета (Москва. E-mail: saencko.anton.2015@yandex.ru).*

Аннотация. *В статье проанализированы акты Чрезвычайной государственной комиссии о преступлениях немецко-фашистских захватчиков и их пособников в оккупированном Донбассе в 1941—1943 гг. Преступления нацистов, совершённые в тот период в городах региона (Сталино (ныне Донецк), Макеевка, Горловка, Мариуполь, Артёмовск, Краматорск, Славянск и др.), имели системный и массовый характер. В статье преступления рассмотрены по отражённым в актах ЧГК четырём категориям: геноцид гражданского населения; злодеяния против советских военнопленных; использование принудительного труда; угон местных жителей на работы в Германию. Исследование основано на малоизученных и впервые введённых в научный оборот архивных документах.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; немецко-фашистская оккупация; нацизм; гестапо; принудительный труд; Чрезвычайная государственная комиссия; геноцид советского народа; Донбасс; Сталино; Макеевка; Артёмовск; Мариуполь; Горловка; Славянск; Краматорск.*

Великая Отечественная война (1941—1945) советского народа за свободу и независимость Родины против фашистской Германии и её союзников стала важнейшей и решающей частью Второй мировой войны (1939—1945). Подготовленная крупнейшими империалистическими государствами и развязанная германскими нацистами, она привела к многочисленным человеческим жертвам и колоссальным потерям в различных сферах жизни СССР, принесла тяжелейшие страдания миллионам советских граждан.

С целью сбора свидетельств, материалов о военных преступлениях, ущербе, принесённом немецко-фашистскими захватчиками, советским руководством было принято важное и нужное решение — создать государственный орган, который бы занимался этой работой. Во время Первой мировой войны в России действовал подобный орган — Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками (апрель 1915 — январь 1916 г.). Тогда специалисты комиссии собирали сведения о нарушении обычаев и законов войны, о случаях насилия над мирным населением, издевательств по отношению к русским военнопленным, оскорблений религиозных культов и т.д.[1]

К созданию органа, который должен был фиксировать преступления немецко-фашистских оккупантов, советское руководство приступило уже в середине 1942 года. Тогда же начали публиковать соответствующие документы. Ещё в 1941—1942 гг. различные советские учреждения занимались учётом и сбором материалов о преступлениях гитлеровцев. Однако такая работа проводилась бессистемно[2].

В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года была образована Чрезвычайная государственная комиссия

по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК; Комиссия). В марте 1943 года было утверждено Положение о ЧГК, определены задачи Комиссии и предусмотрено создание республиканских, краевых и областных комиссий[3].

Исследование проблемы истребления гражданского населения и советских военнопленных в годы немецко-фашистской оккупации стало в последнее время актуальным. Существенная работа проводится, в частности, в рамках федерального проекта «Без срока давности», который поддержан Президентом РФ В.В. Путиным и реализовывается в том числе в Донецкой Народной Республике. В рамках проекта в научный оборот вводятся новые, малоизученные и рассекреченные Федеральной службой безопасности России архивные документы, которые позволяют расширить поле изысканий историков. Кроме того, активисты проекта находят ранее неизвестные или забытые места массовых преступлений нацистов. Всё это ложится в основу проведения судебных процессов по признанию геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны. Такие судебные решения уже были вынесены в целом ряде регионов Российской Федерации — Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Воронеже, Орле, Крыму, Брянске, Великом Новгороде, Краснодаре и др.

В марте 2023 года депутатами Государственной думы РФ единогласно было принято заявление «О геноциде народов Советского Союза Германией и её пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», в котором подчёркивается важность проведения таких судебных процессов[4].

Сейчас как никогда важны чёткие ориентиры, в основу которых положены объективные исторические выводы. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» предусматривает защиту государством его истории. Конституция России дополнена ст. 67[5], в которой говорится об обеспечении защиты исторической правды и недопущении умаления значения подвига народа при защите Отечества.

В Сталинской (Донецкой) области из 1311 предприятий, действовавших до войны, оставалось пригодным для эксплуатации 61 (они давали 0,6 проц. довоенной продукции). Нацисты разрушили и сожгли 52 машинно-тракторные станции, 1186 колхозов. Общая сумма ущерба, причинённого хозяйству Сталинской области, составила 30 707 млн рублей[6]. Десятки тысяч советских граждан, жителей Донбасса, стали жертвами фашистского террора: были расстреляны, замучены, заживо умерщвлены, замурованы в карьерах и убиты в «душегубках» («газвагенах»). Это стало настоящей трагедией для региона.

К сожалению, пока нет исследований, где были бы детально рассмотрены акты ЧГК применительно к Донбассу. В данной статье представлены материалы Комиссии как важнейшего исторического источника, раскрывающего преступления нацистов в оккупированном в 1941—1943 гг. Донбассе. Сегодня, как и 80 лет назад, стоит вопрос о неотвратимости правового возмездия за преступления против человечности.

Многие вопросы исследуемой темы рассматривались в трудах некоторых советских историков: И.С. Маркусенко[7] — проблема человеческих и материальных потерь в регионе в годы оккупации; Н.С. Лебедевой[8] — особенности преступлений нацистов против человечности, а также политики государств Антигитлеровской коалиции в отношении военных преступников и их наказания.

Деятельность ЧГК СССР и областных комиссий, а также различные аспекты реализации политики геноцида нацистов и их пособников в отношении советского населения осветили в своих работах историки постсоветского периода: Т.В. Лохова, С.В. Кулик, А.И. Баканова, К.В. Сак, А.В. Гайдашев, Н.А. Болотов, И.А. Алфёрова, В.Ф. Блохин, С.Н. Ковалев, А.Н. Щерба, Н.В. Селюкина, Р.В. Стрелец и др.[9]

Проблемам, связанным с работой ЧГК в различных регионах Советского Союза, посвящены исследования современных российских учёных: Б.Н. Ковалёв[10] (материалы ЧГК по Новгородчине), С.Г. Степаненко[11] (Краснодарскому краю), Е.Н. Бутенко[12] (Курской обл.), Д.Е. Комаров (Смоленской обл.)[13].

Вопросам, связанным с отстаиванием исторической правды о Великой Отечественной войне, посвящены работы В.Г. Кикнадзе[14]. В них приве-

дены примеры фальсификации истории, ревизионизма и мифотворчества, которым необходимо противостоять, а также факты геноцида народов СССР и попытки их отрицания.

В рамках изучения оккупационной политики нацистов на Донбассе отдельным объектом изучения является нацистский террор против советских людей.

Длившаяся с октября 1941 по сентябрь 1943 года оккупация Донбасса определила своеобразную микросистему, обусловленную множеством жизненно важных факторов. Эта специфика была продиктована стратегическим расположением региона, его местом и ролью в боевых действиях, а также особыми в его отношении планами гитлеровского командования. Во многом это было обусловлено территорией, богатой запасами угля и плодородными почвами Донбасса. «Исключительно важно, — писал А. Гитлер, — Донецкий бассейн и далее удерживать в наших руках, и вместе с тем всё, что не является настоятельно необходимым в Донецкой области, уничтожить, с тем чтобы, если при определённых условиях придётся вынужденно отойти, лишить противника важных экономических позиций»[15].

Длившаяся 700 дней оккупация Донбасса стала трагедией для населения и региона в целом. Работа по опросу очевидцев о преступлениях нацистов, по сбору материалов и составлению актов ЧГК СССР в Сталинской области началась сразу же после её освобождения в соответствии с положением от 16 марта 1943 года[16]. На местах были сформированы соответствующие комиссии. В случае необходимости обследовались трупы и могилы, велись допросы пленных немцев, анализировались фотографии, документы, устанавливались виновники преступлений. Материалы, собранные ЧГК на местах, легли в основу состоявшихся в Сталине и Краснодоне судебных процессов над нацистскими преступниками, а также были представлены на Нюрнбергском трибунале (20 ноября 1945 — 1 октября 1946 г.).

При анализе содержания документов ЧГК определяются несколько категорий совершённых нацистскими оккупантами военных преступлений на Донбассе: геноцид против советского гражданского населения, в том числе национальных меньшинств; злодеяния по отношению к советским военнопленным, гражданскому населению в концентрационных лагерях, тюрьмах; использование принудительного труда мирного населения на каторжных работах; вывоз гражданского населения в Третий рейх на принудительные работы.

Политика геноцида советского населения на территории Донбасса (1941—1943) имела массовый систематический характер. Непосредственное внимание в актах ЧГК СССР уделено злодеяниям, запечатлённым в памяти очевидцев и свидетелей, жертв преступлений.

Среди арестованных в гестапо г. Горловки свидетельница Т. Квасковская видела лиц, которым нацисты выжигали на теле знаки, запускали иглы под ногти или вовсе их вырывали, резали кусками тело. У. Василенко обнаружила тела двух подростков, повешенных по приказу коменданта Фукса. Очевидица А. Аверкина из села Никитовки в августе 1943 года после услышанных звуков выстрелов нашла в кукурузном поле своего сына с раздробленным черепом и расстрелянных соседей, 19 и 25 лет. Жительница Горловки Е. Черникова рассказала, как немцы пороли её плетьми. Было известно, что за каждый удар от избиваемого фашисты «брали» 5 рублей, в итоге они получили с Е. Черниковой 25 рублей. На глазах очевидца В. Пономаренко был повешен советский гражданин В. Мухин[17].

Свидетельские показания жителей г. Сталино легли в основу акта специальной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов на «Шахте 4 — 4 бис»[18].

Так, слесарь ремонтной базы И. Завдовеев через щель в заборе видел, как к шахте подъехала машина, из которой вышел немецкий офицер и потащил к стволу шахты девочку 10—12 лет. Девочка сопротивлялась, просила не стрелять, кричала, но раздался выстрел, и крик прекратился. После этого офицер застрелил второго ребенка двух—трёх лет. И. Завдовеев сообщил также, что детей на территории шахты расстреливали неоднократно[19].

Другой очевидец — В. Лехив засвидетельствовал, как немцы сбрасывали в шурф шахты живых детей[20], а сторож ремонтной базы Ю. Тиженков — как расстреливали женщин с грудными детьми на территории шахты, после чего в её ствол сбрасывали их тела[21]. В том же акте зафиксировано применение нацистами «душегубок» для массового умерщвления советских граждан.

В результате судебно-медицинской экспертизы, проведённой ЧГК, с 17 по 28 января 1944 года из шурфа «Шахты 4 — 4 бис» были извлечены 112 трупов. Всего же, по оценкам Комиссии, в этой шахте находились трупы не менее 75 тыс. человек, но точное их количество подсчитать не представлялось возможным[22].

25 января 1942 года в г. Краматорске были уничтожены сотни мирных советских граждан. Нацисты приводили их группами по 20—30 человек и расстреливали в посёлке Меловая Гора. По свидетельству его жительницы А. Васковской, нацисты пригнали оставшихся в посёлке женщин для того, чтобы те закопали трупы[23].

В посёлке Красногорка нацисты совершили чудовищный акт геноцида: в одном из оврагов было уничтожено еврейское население посёлка — более 600 семей[24].

Настоящей трагедией для оккупированного Донбасса стали совершённые нацистами преступления против детей. До сих пор нет точных данных о том, сколько их погибло в Сталинской и Ворошиловградской (Луганской) областях в годы Великой Отечественной войны. В актах ЧГК представлены материалы, которые свидетельствуют о массовом убийстве детей, в т.ч. косвенными методами — голодом, ужасными условиями содержания. Так, в г. Макеевке «в результате истощения, эпидемических болезней и отравления пищей погибло свыше 300 детей, трупы которых были зарыты в ямах около посёлка Соцгородок»[25].

В той же местности 6 сентября 1943 года, отступая под натиском Красной армии, нацисты расстреляли в посёлке Новые Планы 50 мирных граждан, из которых 19 — дети[26]. Фотографии, сделанные членами Комиссии на месте трагедии, были показаны в качестве обвинения нацистских преступников во время Нюрнбергского трибунала.

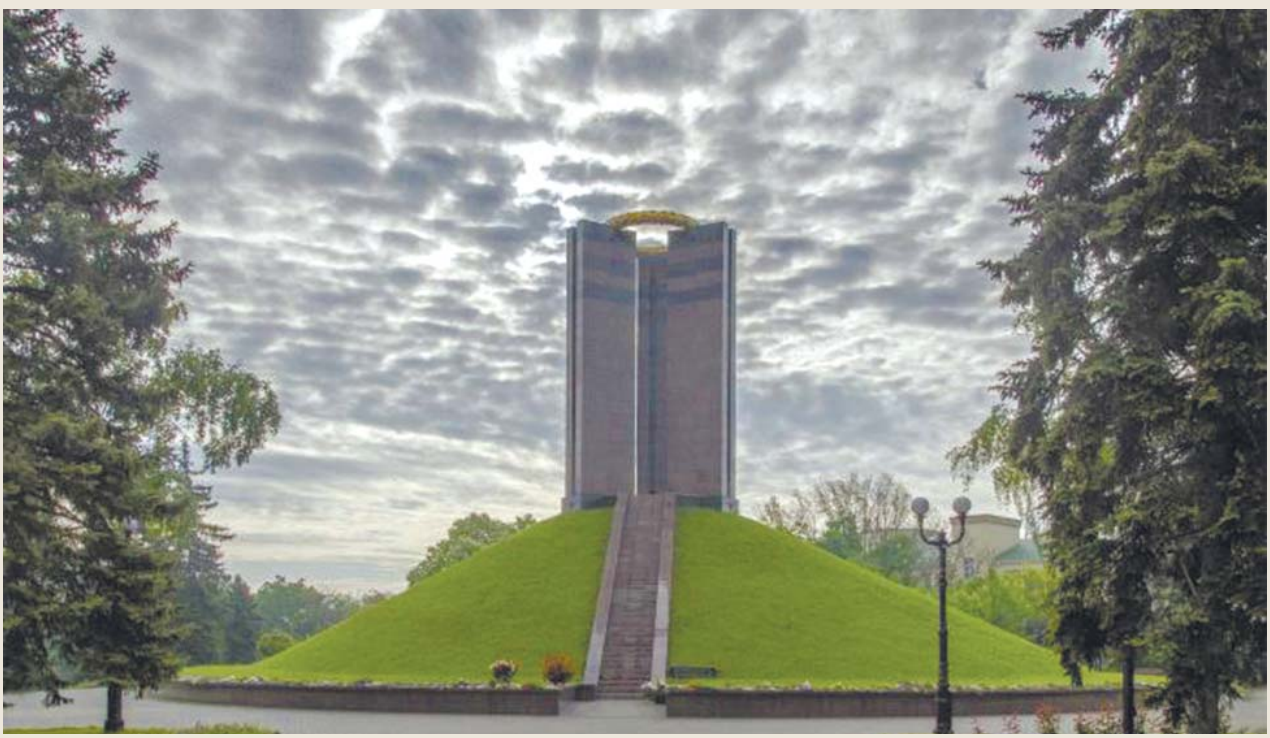
Кроме Сталино и Макеевки, массовые акты геноцида детей были зафиксированы Комиссией в Артёмовске[27], Часов Яре[28], Мариуполе[29], Краматорском[30] и Авдеевском[31] районах Сталинской области, а также в районах — Свердловском[32], Иванищев Яр и Острая Могила[33] Ворошиловградской области.

Ответственность за проведение политики геноцида в отношении гражданского населения Донбасса лежит и на местной полиции безопасности (СС), на службе безопасности (СД), которой руководил штурмбанфюрер СС Р. Мор. Сотрудники полицейской службы «отметились» расстрелами евреев: 280 — в Горловке, 121 — в Красногоровке и 369 — в Сталино.

Нацистская полиция на Донбассе наказывала тех, кто оказывал евреям какую-либо помощь. В таких условиях об обращении этих людей в комендатуру или полицию речи быть не могло даже в случае явного совершения против них преступлений. Более того, всё имущество евреев стало собственностью гитлеровской Германии: их грабили под контролем СС и СД[34].

Ещё одна категория преступлений нацистов на Донбассе касается советских военнопленных. С военнослужащих гитлеровской армии были сняты все моральные ограничения, они освобождались от преследования за крими-

Монумент «Жертвам фашизма» в Донецке на месте, где нацистами был создан концлагерь для советских военнопленных, в котором содержались более 25 тыс. человек



Трупы расстрелянных жителей г. Макеевки Сталинской области, опознанные родственниками
1943 г.
ГА ДНР. ФФ. Оп. 20. Инв. № 1401

Убитая немцами семья макеевского столяра Любина. Фрагмент кинохроники из документального фильма «Кинодокументы о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Представляется главным обвинителем от СССР»
Сталинская область УССР, сентябрь 1943 г.
РГА КФД. Арх. № 6280

Памятник подневольным детям-донорам из приюта «Призрение» в Макеевке (ДНР)

нальные преступления в отношении советских пленных и гражданских лиц. Каждый красноармеец рассматривался гитлеровцами как идеологический, смертельный враг национал-социализма[35]. Претворяя в жизнь планы руководства Третьего рейха, оккупационные власти создали на территории Донбасса лагеря военнопленных, где содержались десятки тысяч советских граждан.

Испытания для советских военнопленных начинались ещё до прибытия в лагеря. На ведших к ним дорогах двигавшиеся в длинных колоннах люди, постоянно избивавшиеся по пути немцами, не получали еды и воды. Раненых, истощённых и больных расстреливали на месте[36]. Обычно пленных в течение ближайших 12 часов после захвата заставляли совершать пешие марши по 50—60 км в сутки. Это было предусмотрено системой селекции: подобные изнурительные переходы мог выдержать далеко не каждый[37].

При этапировании военнопленных с железнодорожной станции в Сталино до расположенного в нём же лагеря в январе 1942 года расстреляли 57, а в феврале — 6 красноармейцев[38]. В Нежинском районе Сталинской области в феврале 1943-го во время эвакуации местных лагерей в Чистяковский район по дороге были расстреляны 17 советских граждан[39]; при перегоне пленных из Зугреса в Харцызск — 38, из Иловайска в Кутейниково и из Харцызска в Макеевку — соответственно 50 и 20 человек[40].

В макеевском лагере № 123 в июне 1942 года пленных выстроили во дворе, а потом вызвали из строя всех больных и расстреляли их. Это повторялось несколько раз. По свидетельским показаниям, больных и истощённых заключённых немцы заставляли бежать, а когда те достигали

проволочной ограды, убивали[41]. Подобное стало нормой и в других лагерях на Донбассе. Так, в Мариуполе в портовой школе № 19 охрана отмечала белыми крестами на спине и груди обессиленных от голода советских военнопленных, которых потом пристреливали[42]. В Славянске 28 марта 1942 года были расстреляны все раненые красноармейцы[43]. В селе Селидовка Сталинской области за время оккупации расстреляли 50 больных заключённых[44].

Частыми были случаи издевательств, пыток, расстрелов в тюрьмах и гестапо. Только за один день 21 января 1942 года в макеевском гестапо нацисты расстреляли 23[45], а 23 июня 1943-го в районном отделении гестапо Мариуполя — 120 человек[46].

В гестапо по отношению к арестованным применялись жестокие издевательства. Жительница Мариуполя А. Карбунова свидетельствовала: «В гестапо зверски избивали арестованных. Сидевшую со мной работницу газового завода Вишневецкую били железными шомполами. Всё её тело было изрублено. У Вишневецкой выбили все верхние зубы, вырвали части волос на голове, а затем её бросили в камеру смертников. Учителю школы № 14 М. Роздобарову гестаповцы повыворачивали руки, щипцами вырывали куски мяса на лице, в пальцы ног загоняли иглы. Рабочего депо Завода им. Ильича Г. Ткачёва били мешочками, наполненными песком, и, приподняв за руки и ноги, бросали на цементный пол. После этих пыток у Ткачёва всё время шла через нос и рот кровь. При допросе одного пленного командира, фамилии которого я не знаю, гестаповцы изрезали ему всё тело и раны засыпали солью.

В мае 1943 года, скрываясь в степи возле городского аэродрома, я видела, как немецкие офицеры привезли в машине 8 детей в возрасте от 4 до 6 лет и живыми бросили их в воронку разорвавшейся бомбы. Дети плакали, кричали, но немцы спокойно засыпали их землёй»[47].

Отношение к советским военнопленным в Ворошиловградской области было таким же, как и в Сталинской. В концлагере на территории Троицкого сельсовета Миловского района по распоряжению коменданта лагеря Ф. Пабша ослабевших от голода, побоев и тяжкого физического труда военнопленных убивали и даже закапывали в ямах заживо[48].

Лагеря для советских военнопленных действовали во многих населённых пунктах Донбасса (Сталино, Макеевка, Артёмовск, Иловайск, Краматорск, Мариуполь, Славянск, Чистяков (Торез), Константиновка, Красный Лиман, Старобельск и др.)[49]. И об особенностях содержания в них местное население знало почти всё.

Нельзя не вспомнить о лагере военнопленных, который располагался в клубе им. Ленина в г. Сталино. После освобождения города Красной армией на территории лагеря обнаружили 20 тыс. трупов, захороненных в братских могилах. Красноармейцы содержались в ужасных условиях: неотапливаемые помещения, голод, болезни. Пленных первые 40 дней после их прибытия в лагерь практически не кормили: каждому — лишь пол-литра варёного проса и вода[50].

Факты вывоза нацистскими преступниками советских граждан на принудительные работы в Третий рейх отражены во всех итоговых актах ЧГК, а также если таковые случаи имели место в том или ином населённом пункте, то и в «низовых материалах»[51].

На первых порах нацисты пытались представить «угон» местных жителей на работу в Германию как их добровольную поездку. Через периодические издания распространялась информация о выгодах, которые получали «отправлявшиеся». Несмотря на все усилия местных оккупационных властей, такая политика не привела к ожидаемым результатам, и тогда в полной мере заработал репрессивный аппарат. Биржи труда немцев адресно отправляли повестки с угрозами, вплоть до расстрела, за отказ ехать на работу в Германию. Если и такие меры ни к чему не приводили в каких-то населённых пунктах, в отношении их жителей проводились жестокие облавы.

В местные комиссии ЧГК поступила масса заявлений советских граждан «об угоне в рабство» их родных, близких и знакомых. Многие заявившие об издевательствах над мирным населением свидетели рассказывали: «Для отправления мирных советских граждан немцы вызывали в гестапо, после чего людей брали под охрану на бирже труда и оттуда под конвоем грузили в вагоны и отправляли в Германию»[52].

В акте о злодеяниях нацистов в Артёмовске читаем: «Девушки, получившие повестки в Германию, прятались по чердакам и подвалам, а иные уходили даже в сёла. Чтобы принудить их вернуться и явиться, немцы арестовывали их матерей и держали в погребе по несколько дней»[53].

Молодёжь Мариуполя, чтобы избежать угона в Германию, умышленно калечила себя разными способами. Люди обливали себя кислотой, отрезали пальцы, вызывали искусственную чесотку, принимали хинин в излишне

больших дозах, обжигались каустической содой и т.д.[54]

По свидетельству жителя г. Горловки Н. Позднякова, его с сыном Петром немцы угнали на каторжные работы в Германию, в лагерь шахты Фридрих Гроза. Здесь они работали под ударами плетью по 14—16 часов в сутки. Их морили голодом, давали хлеб из опилок. Сам мужчина во время этих работ стал инвалидом[55].

Неотъемлемой частью нацистской оккупационной политики было использование труда местного населения на принудительных работах. С приходом немцев на Донбасс происходило переподчинение предприятий новым властям. Так, на металлургическом заводе Мариуполя появилась надпись «Заводы Круппа». Новое руководство предприятия установило жестокий режим по отношению к рабочим. Директор «Азовстали» Якоби регулярно лично избивал рабочих, а в одной из мартеновских печей по его указанию была устроена тюрьма, в которую люди попадали за малейшие провинности на производстве. Очень часто рабочие завода не получали дневную норму хлеба (300 г), но при этом немецкие офицеры демонстративно кормили своих собак шоколадом на глазах у всех.

В местных газетах открыто писали, что немецкие солдаты завоёвывают себе в России землю и рабов. За отказ работать в их пользу в первый день оккупации Макеевки на территории городского сада расстреляли 23 человека. 7 января 1942 года по той же причине были расстреляны 14, а 11 марта — ещё 13 человек[56]. Такие убийства советских граждан стали постоянными.

За непосильный труд на немецких предприятиях рабочие в оккупированном Донбассе получали от 150 до 300 г просяного хлеба в день и 200 г постного масла в месяц. Месячный заработок рабочего равнялся стоимости килограмма хлеба. Люди были вынуждены питаться мясом павших лошадей и макухой (жмыхами семян подсолнечника, конопли и т.п.)[57].

В Славянске гитлеровцы ежедневно сгоняли население от 13 до 65 лет на каторжные работы, заставляя под огнём на передовой линии рыть окопы. В результате многие получили ранения или погибли. На неделю работы каждому давали буханку суррогатного хлеба, полкилограмма пшена и пригоршню соли, причём нередко все эти продукты немцы отнимали[58].

В результате проведённой ЧГК работы по сбору материалов, свидетельств о преступлениях нацистов в оккупированном Донбассе были представлены самые ценные, раскрывающие важные детали их зверств документы — «низовые» (материалы допросов и свидетельства очевидцев).

Безусловно, акты ЧГК должны стать объектом более детального исследования историков, а также основой будущего судебного процесса по признанию геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны на Донбассе. Ведь преступления нацистов

Примечания

[1] Обзор действий Чрезвычайной следственной комиссии с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. // [Чрезвычайная следственная комиссия для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками в 2 т.]. Т. 1. Пг.: Сенат. тип., 1916. С. 1.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 79. Л. 9.

[3] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938—1956) / Под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Госюриздат, 1956. С. 96.

[4] Заявление Государственной думы РФ «О геноциде народов Советского Союза Германией и её пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 годов». URL: http://duma.gov.ru/news/56676.

[5] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001; Конституция Российской Федерации с изменениями, внесёнными на общероссийское голосование. 2020. М.: АСТ, 2020. С. 19, 20.

[6] Очерки истории Донецкой областной партийной организации / [Г.П. Ерхов, М.В. Арамбалык, Л.А. Беспалова и др.]. Донецк: Донбасс, 1978. С. 332.

[7] *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977.

[8] *Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975.

[9] *Лохова Т.В., Кулик С.В.* Без срока давности: акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) — исторические источники геноцида оккупационных властей // II мировая война: историографические традиции и новые подходы в изучении (к 75-летию Победы): сборник статей по материалам IV Международной научной конференции, Новороссийск, 18—19 декабря 2020 г. Новороссийск: Изд-во ПГУ, 2020. С. 175—183; *Баканов А.И.* Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, совершённых немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками на территории Золочёвского района: от составления протоколов допросов свидетелей до публикации сообщения // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 6(92). URL: https://history.jes.su/s207987840010254-8-1; *Сак К.В.* Сексуальное насилие на оккупированных территориях (по материалам ЧГК) // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения России: к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: материалы региональной научно-практической конференции. Симферополь, 7 мая 2020 г. Симферополь: Ариал, 2020. С. 84—91; *Гайдашев А.В., Болотов Н.А.* Деятельность Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в период Великой Отечественной войны // Материалы всероссийской молодёжной

конференции в рамках фестиваля науки (Астрахань, 19—21 сентября 2012) в 2 т. Т. 2. / Под ред. П.Л. Карабущенко. Астрахань: АГУ, 2012. С. 106; *Алфёрова И.В., Блохин В.Ф.* Основание и деятельность Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (1942—1945 гг.) // Вестник БГУ. 2020. № 4(46); *Ковалев С.Н., Щерба А.Н.* Латвийские полицейские формирования в документах Политуправления Ленинградского фронта // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 2. С. 14—14; *Селюкина Н.В.* Обвинительный приговор суда как исторический источник о нацистских преступлениях на оккупированных территориях СССР: на примере приговора бывшим солдатам 2-го (12-го) литовского батальона вспомогательной службы полиции // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 2. С. 24—24; *Стрелец Р.В.* «В каждом русском мы видели лишь животное». Преступления нацистов против мирного населения Смоленской области в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 4. С. 4—17.

[10] *Ковалёв Б.Н.* Акты ЧГК (Чрезвычайной государственной комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941—1942 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73. С. 88—92.

[11] *Степаненко С.Г.* Деятельность Чрезвычайной государственной комиссии СССР по выявлению военных преступлений фашистской Германии на территории Краснодарского края. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Майкоп, 2010.

[12] *Бутенко Е.Н.* Создание и деятельность Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (на материалах Курской области) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1(27). С. 25—30.

[13] *Комаров Д.Е.* Тактика «выжженной земли» в действии. Отступление гитлеровских захватчиков с территории Ржевско-Вяземского выступа в марте 1943 г. // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 2. С. 13.

[14] *Кикнадзе В.Г.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. М.: Прометей, 2020. С. 158—165; *он же.* Без срока давности: преступления нацистской Германии, её союзников и пособников против гражданского населения и военнопленных на оккупированной территории СССР // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 16—41; *он же.* Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. М.: Прометей, 2021. С. 555—633; *он же.* Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. М.: Вече, 2022; *он же.* Радикальный украинский национализм и его антироссийская направленность (1914—2023) // Вопросы истории. 2023. № 5—1. С. 4—19.

[15] *Жирохов М.А.* Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941—1943. М.: Центрполиграф, 2011. С. 27, 28.

[16] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 212. Л. 139—142.

[17] Там же. Ф. Р. 7021. Оп. 72. Д. 19. Л. 4 д — 4 з.

[18] Там же. Д. 527. Л. 196—209.

[19] Там же. Л. 159—200.

[20] Там же. Л. 200.

[21] Там же.

[22] Там же. Л. 207.

[23] Там же. Д. 9. Л. 40.

[24] Там же.

[25] Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 7. Л. 44 е.

[26] Там же. Л. 50—55.

[27] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32880. Оп. 4. Д. 379. Л. 219.

[28] Там же. Л. 218.

[29] ГА РФ. Ф. Р. 7021. Оп. 72. Д. 2. Л. 62.

[30] Там же. Д. 9. Л. 40.

[31] ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 1. Л. 48 б.

[32] РГВА. Ф. 32880. Оп. 4. Д. 456. Л. 28—30.

[33] Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 154. Л. 6—7.

[34] *Татаринов С.Й., Федотов С.А.* Штетл-Бахмут — феномен еврейского народа в Донбассе: историко-культурологический сборник. Х.: Слово, 2013. С. 91.

[35] *Смыслов О.* Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М.: Вече, 2014. С. 229.

[36] История Великой войны 1941—1945. Т. 2. М.: ИНЭС; РУБИН, 2015. С. 337.

[37] *Арад И.* Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941—1945). Днепропетровск: Ткума; Лира ЛТД; М.: Холокост, 2007. С. 276.

[38] ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

[39] Там же. Д. 39. Л. 408.

[40] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. Р-4620. Оп. 3. Д. 303. Л. 50.

[41] ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 7. Л. 44 г.

[42] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: документы и материалы в 3 т. Т. 2: Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. — конец 1943 г.). Киев: Наук. думка, 1985. С. 301.

[43] История городов и сёл Украинской ССР: Донецкая область. Киев: Глав. ред. Укр. сов. энциклопедии, 1976. С. 603.

[44] ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 39. Л. 85.

[45] Там же. Ф. Р. 7021. Оп. 72. Д. 23. Л. 61.

[46] Там же. Д. 2. Л. 52.

[47] Там же. Л. 63.

[48] ЦГАВО Украины. Ф. Р-4620. Оп.3. Д. 351. Л. 337.

[49] См.: Довідник про табори, тюрьми та гетто на оккупованій території України (1941—1944) / Упоряд. М.Г. Дубик. Київ, 2000.

[50] ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

[51] *Саенко А.С.* Принудительный труд: понятие, явление, исторический контекст // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Вып. 10. Т. 2: Гуманитарные науки. Донецк: ДонНУ, 2018. С. 348.

[52] ГА РФ. Ф. Р. 7021. Оп. 72. Д. 19. Л. 154.

[53] Там же. Ф. Р. 7020. Оп. 72. Д. 3. Л. 14.

[54] Там же. Ф. Р. 7021. Оп. 72. Д. 2. Л. 51.

[55] Там же. Д. 19. Л. 153.

[56] Там же. Д. 23. Л. 62.

[57] Там же. Д. 9. Л. 40.

[58] Там же. Д. 5. Л. 3.

A.S. Sayenko

«THE GESTAPO MEN TWISTED THEIR ARMS, RIPPED PIECES OF MEAT OUT OF THEIR FACES WITH TONGS...»

Acts of the Extraordinary State Commission as a historical source on Nazi crimes in the occupied Donbas in 1941—1943

Information about author. *Anton Sayenko — postgraduate student at the Faculty of History of Donetsk State University, leading specialist at the Moscow State Pedagogical University (Moscow. E-mail: saencko.anton.2015@yandex.ru).*

Summary. *The paper analyzes the acts of the Extraordinary State Commission on the crimes of Nazi invaders and their accomplices in the occupied Donbas in 1941—1943. Nazi crimes committed during this period in the cities of the region (Stalino (now Donetsk), Makeyevka, Gorlovka, Mariupol, Artyomovsk, Kramatorsk, Slavyansk, etc.) were systematic and massive in nature. The paper examines them according to the four categories reflected in the acts of the Extraordinary State Commission: genocide of the civilian population; atrocities against Soviet prisoners of war; use of forced labor; and stealing local residents to work in Germany. The study is based on little-studied archival documents, which have been introduced into science for the first time.*

Keywords: *The Great Patriotic War of 1941—1945; Nazi occupation; Nazism; Gestapo; forced labor; Extraordinary State Commission; genocide of the Soviet people; Donbas; Stalino; Makeyevka; Artyomovsk; Mariupol; Gorlovka; Slavyansk; Kramatorsk.*

Г.А. Гребенщикова

«СЛУХИ О ПРИГОТОВЛЕНИЯХ РОССИИ К МОРСКОЙ ВОЙНЕ СВЕЛИ С УМА АМЕРИКАНСКУЮ ПЕЧАТЬ»

Секретная экспедиция в Америку капитан-лейтенанта Л.П. Семечкина и экипажа парохода «Cimbria» в 1878 году

Сведения об авторе. *Гребенщикова Галина Александровна — заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор исторических наук, академик РАЕН (Санкт-Петербург. E-mail: inversiya@bk.ru).*

Аннотация. *В статье с привлечением документов из Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного архива Военно-морского флота рассматривается взаимосвязь событий, происходивших в напряжённый период окончания войны России с Турцией в 1878 году. Изложены военно-политические планы правительства Александра II по прекращению той войны и действия в отношении османского руководства — с одной стороны, и Великобритании — с другой, на случай войны с этой державой. Раскрыты подробности малоизвестной миссии российских морских офицеров в Северную Америку по заданию морского ведомства для приобретения нескольких паровых судов, переоборудования их в боевые корабли с целью ведения крейсерской войны против Великобритании в случае возможного военного столкновения с ней.*

Ключевые слова: *Русско-турецкая война 1877—1878 гг.; отношения России с Англией; крейсерская война; Н.П. Шишкин; Л.П. Семечкин; миссия в Америку; покупка крейсеров; крейсер «Европа»; крейсер «Азия»; крейсер «Африка».*

Захват Гривицкого редута под Плевной
Художник Н. Дмитриев-Оренбургский, 1885 г.

Вооружённая борьба в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. изучена достаточно хорошо в отличие от её военно-дипломатической составляющей, которая остаётся малоизвестной большинству историков и специалистов. Архивные документы позволили свести воедино цепь событий, приведших к подписанию воюющими сторонами мирных договоров, и выяснить действия руководства России по обеспечению безопасности державы в условиях стремительно надвигавшегося разрыва с Великобританией.

В течение ноября—декабря 1877 года российские войска совершили ряд успешных действий на Балканах, что побудило правительство Александра II продумать план мирного договора с Турцией. 21 декабря 1877 года военный министр Д.А. Милютин информировал главу внешнеполитического ведомства канцлера князя А.М. Горчакова о том, что отправил письма командующим действующими армиями великим князьям Николаю Николаевичу (Дунайская армия) и Михаилу Николаевичу (Кавказская армия). Письмами от 20 декабря под номерами 295 и 296 Милютин уведомлял командующих: «Секретно. Развитие военных действий, ныне происходящее на обоих театрах войны, может, наконец, образумить Порту и вынудить Султана прислать в Действующую Армию доверенное лицо с предложением остановить наступление Русских войск, для начатия мирных переговоров». В этой связи, подчёркивал Милютин, на подобные предложения император повелевает отвечать, что командующие армиями не уполномочены вести переговоры о мире. Подобные переговоры возможны лишь при условии, что великий визирь пришлёт официальное письмо с согласием султана принять все условия России. Причём одним из условий являлось проведение переговоров в Одессе или в Севастополе[1].

Далее Д.А. Милютин пояснял: «Пользуясь приостановкою военных действий, Порта могла бы собрать и вооружить новые массы войск, усилить укрепления и даже, выведав наши намерения и возбудив общественное

против нас мнение в Европе, приобрести себе союзников», спекулируя на выставленных русскими условиях. Поэтому в случае согласия противника пойти на переговоры Милютин рекомендовал командующим в качестве гарантий потребовать от представителей султана Абдул-Гамида II очистить от турецких войск стратегически важные укрепления и позиции, такие как Эрзерум в Анатолии и одну—две крепости на Дунае. При выполнении этого условия Александр II гарантировал заключение военной конвенции, которая окончательно прекратила бы боевые действия[2].

Л.П. Семечкин

С 28 декабря 1877 по 10 января 1878 года русские войска овладели Шипкинским и Троянским перевалами, разбили 40-тысячную турецкую армию под Филиппополем и совершили переход через Балканы. 10 января генерал-лейтенант М.Д. Скобелев торжественно вступил в древнюю столицу османов Адрианополь. Путь на Константинополь был открыт, и турецкая сторона согласилась на переговоры, но попросила великого князя Николая Николаевича предоставить время, чтобы телеграфировать султану относительно условий России. О требованиях Петербурга незамедлительно стало известно британскому послу в Константинополе Генри Лайярду, который, соответственно, принял меры для срыва столь нежелательной для Англии русско-турецкой сделки. 28 января 1878 года Александр II шифрованной телеграммой уведомил Николая Николаевича: «Из Лондона получено официальное известие, что Англия дала приказание части своего флота идти в Царьград для защиты своих подданных. Нахожу необходимым войти в соглашение с Турецкими уполномоченными о вступлении наших войск в Царьград с тою же целью. Желательно весьма, чтобы вступление это могло исполниться дружественным образом. Если же уполномоченные будут этому

противиться, то нам надобно быть готовым занять Царьград даже силою»[3].

Принято считать, что мощная броненосная эскадра адмирала Д. Хорнби стала на якорь у Принцевых островов с целью демонстрации силы и давления на Россию только после подписания ею мира с Турцией в Сан-Стефано. Однако из документов Архива внешней политики Российской империи явствует, что это произошло раньше. Королева Виктория, известная своим воинствующим русофобством, требовала от Кабинета министров добиться от турок права входа в Дарданеллы английских броненосцев, и после недолгих переговоров в Константинополе британская дипломатия без усилий убедила Абдул-Гамида II открыть Проливы кораблям королевского флота. 30 января 1878 года Александр II вновь телеграфировал Николаю Николаевичу: «Если англичане сделали где-либо высадку, следует немедленно привести в исполнение предположенное вступление наших войск в Константинополь. Предоставляю тебе в таком случае полную свободу действий на берегах Босфора и Дарданелл, с тем, однако же, чтобы избегать непосредственного столкновения с англичанами, пока они сами не будут действовать враждебно»[4]. Безусловно, император поставил брату сложную задачу — избежать военного столкновения с англичанами, рассчитывая, вероятно, на превосходство сухопутных сил под начальством Николая Николаевича.

19 февраля (3 марта) 1878 года в западном пригороде Константинополя, местечке Сан-Стефано, воюющие державы подписали мирный договор, по которому Османская империя признавала независимость Черногории, Сербии и Румынии. Болгария получала автономное самоуправление, но с условием ежегодных платежей его величеству султану. Несмотря на присутствие эскадры адмирала Д. Хорнби в Босфоре, турки согласились выполнить важные для Петербурга требования: к России отошли Батум, крепости Карс и Ардаган, Баязет и Южная Бессарабия, которая была потеряна по Парижскому трактату 1856 года[5].

Правящие верхи Лондона восприняли условия мирного договора в Сан-Стефано крайне раздражённо. К примеру, видный государственный деятель Англии и Шотландии, публицист и историк герцог Аргайльский (Джордж Кэмпбелл) откровенно признавался в безоговорочной поддержке его соотечественниками турецкого султана Абдул-Гамида II и фактически превозносил их исключительное право определять вектор Восточного вопроса. Герцог подчёркивал: британская

г. Филадельфия, США

корона «не желала становиться свидетелем разрушения русскими Османской империи и взятия ими Проливов. Но при этом турки должны понимать, что мы, в первую очередь, не забывали о собственных интересах, и нашей главной задачей являлось любой ценой остановить надвигающуюся мощь России»[6]. Над Российской державой вновь, как и в Крымскую кампанию, нависла угроза вторжения иностранных флотов в Чёрное море, а малочисленный Черноморский флот не мог противостоять мощным силам англичан.

Исходя из неизбежности разрыва с Англией, Александр II письмом от 18 марта 1878 года предписывал Николаю Николаевичу: «Мы должны неотлагательно все приготовить к решительным действиям, и только тогда, когда все будет готово, потребовать от Порты категорического ответа: как намерена она действовать в случае враждебных предприятий Англии? Если заодно с нами, то немедленно должна передать в наши руки укрепления Босфора, по крайней мере, на Европейском берегу, и войти с тобою в соглашение о распределении ее военных сил. Если она сочтет себя слишком ослабленной для участия в войне против Англии, то должна, сдав нам означенные укрепления, прекратить все вооружения, распустить или удалить войска, затрудняющие наши действия, разоружить остающиеся в Черном море суда и поставить их в те порты, какие будут нами указаны, и запретить своим подданным всякое участие во враждебных нам действиях. В том и другом случае мы не должны вступать в самый Константинополь, но утвердиться только на берегах Босфора, заняв несколько пунктов, чтобы эшелонировать заграждения»[7].

Понимая, однако, что турки под влиянием британской дипломатии в Стамбуле вряд ли согласятся на предложения России, в Петербурге начала работу специальная комиссия, образованная Морским министерством совместно с Министерством иностранных дел. По высочайшему поручению комиссия рассматривала ряд важных вопросов по условно названному «крейсерскому делу», а именно: о ведении крейсерской войны против англичан на морских и океанских коммуникациях в случае разрыва отношений с Англией. Commerce Destroy — нарушение торговли и нанесение экономического ущерба противнику — руководство России включило в стратегический план действий против подданных королевы Виктории. Но для выполнения такого плана требовались тщательная подготовка сил и средств и продуманность в деталях, включая дипломатическую сторону. С этой целью великий князь Константин Николаевич (сын императора Николая I, долгие годы носивший звание генерал-адмирала флота) обратился за консультацией к товарищу министра иностранных дел России Н.К. Гирсу, а Гирс в свою очередь — к известному юристу-международнику профессору Ф.Ф. Мартенсу. Письмом от 15 марта 1878 года Мартенс адресовался к Гирсу:

«Весьма секретно

Милостивый Государь Николай Карлович!

Вы изволили обратиться ко мне с предложением сообщить Вам мое мнение о чрезвычайно важном вопросе, который Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Николаевич соблаговолил Вам поставить. Вопрос состоит в следующем. Может ли Россия, в случае войны с Англиею, воспользоваться подводными минами для прекращения доступа к английским берегам и гаваням? План Его Императорского Высочества состоит в том, чтобы тайным образом подкрадываться к устьям английских рек для заграждения их минами, удар о которые производит взрыв и разрушение наскочившегося судна»[8].

В этом же письме Мартенс прямо отвечал, что он некомпетентен в вопросах военно-технического характера, поэтому может дать совет лишь с позиции «юридических обязанностей России как воюющей державы и политических ее интересов в отношении нейтральных государств». По мнению Мартенса, поставленную задачу следует разделить на две части: «1. Имеет ли Россия право применять такие средства ведения войны против своего врага? 2. Может ли она им воспользоваться ввиду своих обязанностей в отношении держав нейтральных?» Рассуждая далее, профессор Мартенс высказался о негуманности постановок мин, поскольку от этого вида оружия могут пострадать не только английские броненосцы, но и мирные рыбачьи лодки. «Если операции миноносных лодок совершенно законны, несмотря на крики, поднятые за границею по случаю подвигов наших моряков на Дунае, то миноносные лодки не этично применять против рыбачьих и коммерческих судов», — пояснял Мартенс. Для нарушения коммуникаций противника существуют крейсеры, «которые потопят захваченные суда только после спасения с них людей. Что же касается скрытно заложенных мин, то от них погибнут все без исключения», и именно по этой причине ещё в 1868 году державы подписали в Женеве военную конвенцию[9].

Александр II согласился с мнением авторитетного юриста и счёл нецелесообразным применять мины, а действовать против вероятного противника другими

способами. 18 марта 1878 года члены Комиссии направили письмо российскому послу в Вашингтоне Николаю Павловичу Шишкину: «Мы решаем купить в Соединенных Штатах пароход для крейсерства в океане. Для устройства этого дела полагается Семечкин. Вместе с тем в Америку отправляются на коммерческих пароходах 600 человек матросов с офицерами. Укажите место, где их высадить и поместить для поступления на суда. Надо торопиться, пользуясь миром. Семечкин прибудет к вам ранее команд и примет их в указанном вами месте. В случае вопросов можете ответить, что люди посылаются через Америку к Амуру»[10].

Итак, руководство России приняло неординарное решение — воспользоваться нормальными в тот период отношениями с Соединёнными Штатами для реализации намеченных целей и приобрести в Америке несколько паровых судов, «дабы употребить в дело пароходы уже готовые, способные в очень непродолжительном времени двинуться против самых уязвимых частей государственного организма Великобританского Королевства» — его морской торговли[11]. Де-юре Соединённые Штаты и Великобритания находились в состоянии мира, но в Петербурге рассчитывали на неприязненные отношения американцев к англичанам, окончательно не изжитые со времён борьбы за независимость и Гражданской войны в Америке. Да и Н.П. Шишкин неоднократно информировал МИД о благоприятном отношении американцев к россиянам в ходе войны России с Турцией. В письме князю А.М. Горчакову от 19 января 1878 года Шишкин отметил: особенно восторженно в Соединённых Штатах восприняли взятие русскими войсками Плевны и «героизм наших воинов, что возвысило Императорскую армию в глазах американского народа и, несомненно, побудит задуматься Английский Кабинет»[12].

Концепция крейсерской войны, разработанная комиссией, приняла следующий вид.

«1. Купить в Соединенных Штатах несколько пароходов, хорошо приспособленных для океанского плавания, вооружить их и выслать в море. 2. Офицеров и команды доставить из России на зафрахтованных судах, в виде эмигрантов, спрятав их затем в St John's River в Южной Каролине и в прибрежных пунктах штата Мэн, где производятся большие порубки леса американцами. 3. Снабжение по всем частям, а также вооружение судов артиллериею произвести в Соединенных Штатах. 4. Доставку топлива и провизии организовать при пособии американских судохозяев. 5. Назначить в главных

Крейсер «Африка»
Художник В. Игнациус

приморских пунктах агентов частью из русских, частью из американцев. 6. В Атлантическом океане помешать торговле между Канадой и Великобританией, уничтожить рыболовство и навести страх на всех морских путях. 7. В Тихом океане остановить торговлю между Южно-Американскими государствами и Англией, а также между Калифорнией, Китаем, Японией и Сандвичевыми островами, которая производится главным образом на английских судах. 8. В Индийском океане повлиять на колониальную торговлю».

Ознакомившись с этим документом, Александр II наложил резолюцию: «Согласен»[13].

С высочайшего одобрения для приобретения пароходов Морское министерство направило в Вашингтон капитан-лейтенанта Леонида Павловича Семечкина, прежде служившего адъютантом у великого князя Константина Николаевича, а впоследствии — автора книг по морской стратегии и тактике. Руководство поручило Семечкину по прибытии в Вашингтон незамедлительно встретиться с послом Н.П. Шишкиным, обсудить с ним подробности предстоявших сделок «и сообщить о намерениях и решениях, принятых по поводу крейсерской войны в океане». Л.П. Семечкин получил итоговую смету расходов на сумму до 3 млн долларов, из которых предназначалось:

«На покупку трех пароходов — 1 200 000

на их вооружение и снабжение — 30 000

на топливо — 300 000

на содержание команд и провизию — 100 000

на перевозку офицеров и людей в США — 60 000

на четырех агентов — 100 000

в распоряжение агентов — 80 000

на прессу и другие расходы интимного свойства — 700 000

Н.П. Шишкин

на непредвиденные расходы — 60 000

для эскадры Тихого океана — 100 000.

Крейсеры должны быть хорошими парусными судами для дальних переходов под парусами и сберегать топливо»[14].

Для совершения сделок в Америке Л.П. Семечкин рекомендовал Банкирский дом братьев Баркеров (Barker Brothers) в Филадельфии. По словам Семечкина, этот Дом «имеет большой оборотный капитал, но принадлежит ко второму разряду банкирских домов. Искренне предан России. Основатель его, отец нынешнего представителя, приобрел состояние, торгуя с Россией, был в Петербурге и имел счастие быть представленным Императору Николаю Павловичу, по повелению которого Морское Министерство приобрело от Баркера принадлежавший ему парусный транспорт, наименованный “Америка” и посланный вокруг света под командою капитана Фон Шанца (ныне адмирал). За честность Банкирского Дома Баркера можно поручиться»[15].

Постройку новых судов комиссия решила производить при содействии одного из надёжных пароходных обществ, таких как «Pacific Main Steamship Company» или «Philadelphia Reading Coal» and «Iron Company». Общество «гласно объявит, что строит суда для себя, а затем негласно передаст их нам в виде перепродажи через корабельных маклеров». По убеждению Семечкина, «американские корабельные маклеры должны играть большую роль в нашей крейсерской войне с англичанами, так как они имеют обширный круг знакомых в среде морского люда всех наций и обладают огромной опытностию в вопросах торгового морского права. Вооружение судов артиллерию и снабжение снарядами может быть произведено при пособии пушечных заводов в Южном Бостоне», а топливо (антрацит) можно будет закупать у Philadelphia Reading Coal and Iron Company, «которая обладает флотом из 14ти паровых угольных транспортов и значительного числа парусных судов»[16].

Представив комиссии свои предложения в столь крупном и ответственном проекте, Л.П. Семечкин подытожил: «Решаясь на крейсерскую войну в океане и принимая за операционный базис Соединенные Штаты, нам будет необходимо заручиться содействием лиц, участвующих в Центральном Правительстве и производящих влияние на общественное мнение. Участие нашего посольства в Вашингтоне необходимо. В руках представителя России будут сходиться все нити крейсерской войны. Нынешний чрезвычайный посланник и полномочный министр наш в Вашингтоне Николай Павлович Шишкин обладает всеми нужными данными, чтобы исполнить трудную и сложную задачу — руководить морскою войною, опираясь на

поддержку и средства нейтрального государства»[17].

Итак, военно-морское и дипломатическое ведомства России приступили к реализации плана закупки пароходов в Америке и комплектования их экипажами для отправки в Россию, а в случае войны с Англией — вести против неё крейсерскую войну и нарушать коммуникации. Для переброски команд к берегам Америки под видом обычных переселенцев Морское министерство зафрахтовало пароход «Cimbria» Гамбургско-американской компании, который русские моряки называли «Цимбрия», «Цимберия» или «Цимврия» (капитан-лейтенант Л.П. Семечкин выезжал отдельно). Командирами будущих пароходов Александр II утвердил капитан-лейтенантов К.К. Гриппенберга, Ф.К. Авелана и Е.И. Алексеева, а в качестве корабельного инженера — Николая Евлампиевича Кутейникова.

Евгений Иванович Алексеев — будущий вице-адмирал, командующий войсками Квантунской армии и морскими силами Тихого океана, являлся непосредственным участником того знаменательного плавания и вёл дневниковые записи. Отдельные, наиболее интересные эпизоды из его уникального неопубликованного дневника заслуживают несомненного внимания[18].

16 апреля 1878 года пароход «Cimbria» с 600 нижними чинами и 63 офицерами прибыл в бухту в Саус-Вит-Харбор в штате Мэн. Как доложил Л.П. Семечкин управляющему Морским министерством С.С. Лесовскому, «таинственное прибытие германского парохода “La Cimbria” в Саус–Вит–Харбор с русскими пассажирами, сдержанность наших офицеров в сношениях с жителями, слухи о приготовлениях России к морской войне свели с ума американскую печать. Главные журналы во всех концах приписывали своих корреспондентов в Саус–Вит–Харбор и открыли у себя особый отдел под заглавием “Cimbria”. Всякое движение наших офицеров и матросов сообщалось по телеграфу в редакции газет, которые выпускали экстренные издания, афишируя огромными буквами верные и выдуманные сведения о “Cimbria”». Сам же Семечкин по прибытии в Вашингтон встретился с послом Н.П. Шишкиным, передал ему корреспонденцию из Петербурга и договорился о плане будущих действий[19].

По прибытии парохода «Cimbria» к месту назначения его посетили местные американские чиновники и выразили сожаление, что «в случае войны России с Англией они, американцы, не смогут решиться на приватирство вследствие трактата, заключенного в Женеве». А российские офицеры задавались вопросом: «Что делать с командами и куда направить их силы и деятельность, чтобы избавить их от полнейшего бездействия?»[20]. Офицеры жили на берегу, команды — на пароходе. Е.И. Алексеев отметил в дневнике: «Одна вахта моей команды увольнялась на берег. Возвратились, как ангелы, и все благодаря тому, что мы очутились в штате Мэн, где строгие пуританские законы строго настрого воспретили употребление спиртных напитков. На всем Mount Desert негде достать бутылки водки, а в случае нарушения этого закона 3 месяца тюрьмы»[21].

Нахождение германского парохода с российскими пассажирами в Саус-Вит-Харбор действительно стало предлогом для раздувания всякого рода сенсаций в американских газетах. Газеты «цитировали пароход на все лады, и появление его в одной из уединенных гаваней Соединенных Штатов дало повод назвать его mysterious steamer at the harbor» — «загадочный пароход в гавани». Однако стоит отметить, что шумиха, поднятая американскими газетами, носила не агрессивный, а скорее доброжелательный характер. Пресса единодушно проявляла лояльность по отношению к русским и ничего не имела против их присутствия. Так, о пароходе «Cimbria» сообщалось, что «это не военный корабль и не приватир, и даже не железный, а потому имеет полное право заходить в американские порты. А российские представители (агенты) имеют полное право to purchase судно для своих собственных нужд»[22].

Автор дневника капитан-лейтенант Е.И. Алексеев изложил заслуживавший внимания эпизод, связанный с активностью находившихся в Америке англичан. Он пишет: «Прибыли двое англичан, которые очень интересовались всем, что может касаться парохода и его пассажиров. Эти два великобританца просили позволения его осмотреть (to pay a visit to the Cimbria) и, к моему удивлению, получили положительный ответ. Я полюбопытствовал посмотреть на этих англичан, и в одном из них узнал английского военного агента в Вашингтоне бывшего Captain, а ныне Real-Admiral Gore Totes. Подобная неожиданная встреча нисколько меня не поразила, так как и прежде я слышал об особенной деятельности и пронырливости г. Gore Totes, что вполне делает ему честь, так как по моему понятию он может представлять собою пример настоящего и вездесущего морского агента»[23].

Прибыв на «Cimbria», Л.П. Семечкин и корабельный инженер Н.Е. Кутейников, не теряя времени, вместе с будущими командирами крейсеров выехали в Нью-Йорк, где осмотрели пароход «Columbus», принадлежавший Торговому дому W.R. Clyde & C°. Железный па-

роход водоизмещением 2100 т, длиной 285 футов (86,87 м), шириной 36 футов (10,97 м), построенный на верфи Крампа (William Cramp & Sons) в Филадельфии, сошёл на воду в 1873 году и осуществлял рейсы между Нью-Йорком и Гаваной. Судно обладало хорошими мореходными качествами и вполне подходило для крейсерской службы, поэтому после согласования цены в 275 тыс. долларов стороны договорились о покупке. Из Нью-Йорка «Columbus» перешёл в Филадельфию и был переименован в «Азию». В командование им вступил капитан-лейтенант Ф.К. Авелан. В Филадельфии пароход был переделан во вспомогательный крейсер.

На той же верфи Крампа на стапеле находился новый, ещё не сошедший на воду пароход «State of California», построенный по заказу Общества «Pacific Steamship Company» (Сан-Франциско). Семечкин докладывал руководству: «Осмотрев внимательно корпус, стоявший на стапеле, и машину, собранную в мастерской, я убедился, что пароход "California" имеет право называться лучшим в Соединенных Штатах по тщательности и прочности постройки. Длина между перпендикулярами этого судна 306 футов (93,27 м), наибольшая ширина 37 футов (11,28 м), глубина интрюма 26 футов (7,92 м), углубление кормой 19 футов (5,79 м). Постройка исполнена на полном основании правил Английского Ллойда. Машина смешанной системы с вертикальными цилиндрами. Предполагаемая скорость от 14 до 15 узлов. Убедившись путем тщательного осмотра, что пароход "State of California" может быть удобно приспособлен для военной крейсерской службы, я решился вступить в переговоры с его строителями и с Обществом Pacific Steamship Company об уступке этого судна для нашей цели. После двухдневных переговоров, главным образом с Сан-Франциско по телеграфу, Общество согласилось передать пароход нам, потребовав сверх 365 000 долларов контрактовой стоимости еще 35 000 долларов прибавки в виде отступных и в вознаграждение убытков, сопряженных с отказом от судна, которое должно было произвести решающее влияние на борьбу с конкурентом». Л.П. Семечкин согласился и передал агенту Общества 250 тыс. долларов задаточных денег, а с Крампом подписал контракт на перестройку парохода и подготовку его к выходу в море в течение шести недель со дня спуска на воду. После удачной сделки Семечкин подытожил: «Русский флот стал обладателем лихого, опасного для будущих врагов крейсера»[24].

Спуск на воду парохода «State of California» состоялся 15 мая 1878 года при большом стечении народа. Американская пресса уведомляла: «Судно сошло на воду медленно, плавно и грациозно. Оно будет переоборудовано под военное», а Л.П. Семечкин дополнил: газеты уже успели «провозгласить его первым русским крейсером, возбудив в публике интерес необыкновенный. От желавших спуститься на новом судне не было отбоя. Несмотря на старания полиции, на пароход забралось более двух тысяч человек, сошедших на воду на нашем первенце. Одушевление было необыкновенное. Крики тысяч людей соединились с ревом паровых свистков нескольких десятков пароходов, открывших свои регуляторы настежь. Спуск был замечательно удачен, без малейшей задержки и без единой царапины у рабочих, что было сочтено народом за отличное предзнаменование относительно будущей службы судна. В командование пароходом "State of California", ныне крейсером "Европа", немедленно вступил капитан-лейтенант Гриппенберг. Работы по перестройке и переделкам начались на следующий же день»[25].

Стоит упомянуть и о таком факте. Как-то на банкете по поводу празднования Дня независимости, куда американцы пригласили русских офицеров, один из сенаторов произнёс речь, в которой подчеркнул: «Молодая история Соединенных Штатов не богата друзьями, но она имеет одного искреннего друга — это Россия, которая во время войны между Севером и Югом не желала, как другие европейские государства, разъединения Штатов. Русский царь прислал тогда флотилию в наши воды, объявив, что кто враг Америки, тот враг и России»[26].

Третий пароход «Saratoga», купленный Семечкиным за 335 тыс. долларов, получил наименование «Африка» (командир капитан-лейтенант Е.И. Алексеев). «Saratoga» водоизмещением 2800 т был построен на верфи John Rock & Son в Честере и имел длину по палубе 294 фута (89,61 м), ширину — 38 футов (11,58 м), глубину интрюма — 26 футов (7,92 м). В рассматриваемый период в Америке действовали строгие ограничения на продажу военных судов другим государствам, поэтому при закупке пароходов россияне столкнулись с некоторыми сложностями. Во всех юридических и финансовых сделках с точным соблюдением норм международного права Семечкину помогал банкир У. Баркер — человек с безупречной деловой репутацией, которому Леонид Павлович полностью доверял. Пожалуй, решающее значение при совершении покупок сыграло мнение влиятельного промышленника Чарльза Фрэнсиса Адамса, высказавшегося за снятие запретов. У России, говорил Адамс, имеются несколько портов, ко-

торые в любой момент могли атаковать английские броненосцы. Поэтому в виду явной угрозы со стороны Англии и вероятной войны между ней и Россией русские вправе наращивать свою военную мощь и усиливать флот крейсерами для действий в океане[27].

Итак, правительство Александра II приобрело три крейсера океанского типа с хорошими мореходными качествами на случай военных действий с Англией — «Европу», «Азию» и «Африку». Однако войны удалось избежать, а в июне 1878 года открылся конгресс в Берлине. Демонстрация силы англичанами в районе Черноморских проливов и откровенно недружественная позиция Австрии по отношению к России возымели действие, и Александр II вынужденно согласился на пересмотр Сан-Стефанского договора. Главным «дирижёром Берлинского концерта» держав выступал германский канцлер Отто фон Бисмарк. Россию на конгрессе представляли канцлер А.М. Горчаков и посол в Лондоне П.А. Шувалов. По условиям Берлинского конгресса значительная часть населения Балканского полуострова оставалась под властью Османской империи, но А.М. Горчаков и П.А. Шувалов добились, чтобы Греция, Сербия, Черногория, Румыния и Болгария стали самостоятельными и полуавтономными государствами. Австро-Венгрия сохранила власть над Боснией, Герцеговиной и Далмацией[28].

В сентябре 1878 года российские экипажи переместились с германского парохода «Cimbria» на свои крейсеры, а 2 октября «Cimbria», почти полгода «служившая казармой для всей экспедиции», отплыла от берегов Америки. 21 декабря крейсеры «Европа» и «Азия» подняли русские флаги и вышли в океан, а 27 декабря Филадельфию покинул третий крейсер «Африка». Английская эскадра адмирала Д. Хорнби по договорённости с султаном оставалась у Принцевых островов в течение весны 1879 года.

Примечания

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ) Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 9—10 об.
[2] Там же. Л. 11—13.
[3] Там же. Л. 60, 60 об.
[4] Там же. Л. 62, 62 об.
[5] Сан-Стефанский договор 19-го февраля 1878 года // Русская старина. 1888. Т. 57. С. 519—554. См. также: *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978.
[6] *Герцог Аргайльский.* Ответственность Англии в Восточном вопросе / Пер. с англ. СПб., 1908. С. 81, 82.
[7] АВП РИ. Ф. 138. Секретный архив министра. Оп. 467. Д. 29/30. Л. 74, 74 об.
[8] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 415. Л. 4.
[9] Там же. Л. 4 об.—7 об.
[10] Там же. Л. 9.
[11] Там же. Л. 11.
[12] АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 120. Л. 29—31.
[13] РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 415. Л. 17—18.
[14] Там же. Л. 21 об.
[15] Там же.
[16] Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 61. Л. 50—52.
[17] Там же. Л. 44—45.
[18] Подлинный дневник капитана 2 ранга Е.И. Алексеева, веденный на пароходе Гамбургско-Американской компании «Цимврия» («Cimbria»). РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511.
[19] РГА ВМФ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 5—7.
[20] Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511. Л. 22—23. Приватирство — захват призов противника (его военных и торговых судов) в ходе боевых действий.
[21] Там же. Л. 25 об.
[22] АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 470. Д. 120. Л. 138 об. To purchase — купить.
[23] РГА ВМФ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 511. Л. 26—28.
[24] Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—15.
[25] АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 120. Л. 138 об.; РГА ВМФ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 17. Л. 16 об.
[26] *Боголюбов Н.Ф.* Экспедиция в Америку на пароходе «Цимбрия» в 1878 году. Кронштадт, 1898. С. 15.
[27] АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 120. Л. 139.
[28] От царства к империи. Россия в системах международных отношений. М.; СПб., 2015. С. 336.

G.A. Grebenshchikova

«RUMORS OF RUSSIA'S PREPARATIONS FOR NAVAL WAR HAVE DRIVEN THE AMERICAN PRESS CRAZY»

Secret expedition of lieutenant-captain L.P. Semechkin and the crew of the steamer Tsimbria to America in 1878

Information about author. *Galina Grebenshchikova — head of the Laboratory of the History of Fleet and Navigation at the St. Petersburg State Maritime Technical University, D. Sc. (Hist.), academician of the Russian Academy of Natural Sciences (St. Petersburg. E-mail: inversiya@bk.ru).*

Summary. *Using documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire and the Russian State Navy Archive, this paper examines the relationship between the events that took place during the tense period of the end of the war between Russia and Turkey in 1878. It outlines the military and political plans of Alexander the Second's government to end this war and actions against the Ottoman leadership on the one hand, and Great Britain on the other hand, in the event of war with that power. It reveals details of a little-known assignment of Russian naval officers to North America by order of the Naval Department to acquire several steam ships and convert them into warships for the purpose of waging a cruiser war against Great Britain in case of a possible military clash with it.*

Keywords: *Russian-Turkish War of 1877—1878; relations between Russia and Britain; cruiser war; N.P. Shishkin; L.P. Semechkin; mission to America; cruiser purchase; cruiser Europe; cruiser Asia; cruiser Africa.*

Л. Талтангов

«В ТОЛПЕ ПРОВОКАТОРОВ МНОГИЕ ГОВОРИЛИ С ВАШИНГТОНСКИМ ИЛИ БОННСКИМ АКЦЕНТОМ»

Западные спецслужбы против фестивального движения молодёжи в Вене (1959) и Хельсинки (1962)

Сведения об авторе. *Талтангов Левент — аспирант Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону. E-mail: lenta47@list.ru).*

Аннотация. *В статье рассматривается подрывная деятельность западных спецслужб, направленная на раскол и дискредитацию международного молодёжного фестивального движения. На примере фестивалей молодёжи и студентов в Вене (1959) и Хельсинки (1962) раскрываются основные методы работы американского разведывательного сообщества по внедрению в студенческую среду агентов влияния, вербовке активистов движений левой ориентации, нейтрализации просоветской пропаганды, насаждению в молодёжных кругах западного образа жизни. Оцениваются с точки зрения морали и права действия ЦРУ в целях дезорганизации подготовительной работы фестивальных комитетов, саботажа проводившихся мероприятий, организации провокаций и массовых беспорядков в дни проведения форумов.*

Ключевые слова: *всемирные фестивали молодёжи и студентов в Вене и Хельсинки; Всемирная федерация демократической молодёжи; Международный союз студентов; ВЛКСМ; «холодная война»; Международная студенческая конференция; Информационное агентство США; Независимая служба информации о Венском молодёжном фестивале; Комитет свободной Европы; Международный союз социалистической молодёжи; антисоветские организации; антисоветская пропаганда; ЦРУ; Госдеп США; операция KUBARK.*

Марш на Пентагон

В условиях военно-экономического укрепления Советского Союза и его восточноевропейских союзников, усиления национально-освободительного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки середины прошлого столетия администрация президента США Дуайта Эйзенхауэра была вынуждена пересмотреть трумэновскую стратегию «сдерживания» и в 1953 году принять новую военную доктрину «массированного возмездия». Как заявил государственный секретарь США Дж.Ф. Даллес, «самым основным решением является решение полагаться главным образом на большую способность нанести мгновенно ответный удар средствами и в местах по нашему собственному выбору»[1]. На сессии НАТО в декабре 1956 года были приняты решения о создании в Европе крупных сухопутных формирований и расширении масштабов сотрудничества с Вашингтоном в ядерной сфере. После этого на континент были ввезены порядка 500 единиц американского ядерного оружия, включая авиабомбы и ракетные боеголовки. Таким образом, европейцы стали невольными заложниками агрессивной стратегии своих заокеанских союзников.

На этом фоне западноевропейские страны накрыла волна антивоенных выступлений, основной тон которым задавала студенческая молодёжь, будучи, по определению В.И. Ленина, «самой отзывчивой частью интеллигенции»[2]. Такое массовое неприятие гегемонистских устремлений Вашингтона всерьёз озаботило американскую военно-политическую элиту. Как писал впоследствии (в июне 1979 г.) верховный главнокомандующий объединёнными силами НАТО в Европе А. Хейг, «мы никогда не сможем осуществить наши планы в этой важнейшей области (развёртывании американских евроракет. — Прим. авт.), если не предпримем чрезвычайные меры для того, чтобы покончить с европейскими настроениями нейтрализма, пацифизма и одностороннего разоружения»[3].

В авангарде протестного движения стояли наиболее массовые на тот период Всемирная федерация демократической молодёжи (ВФДМ), объединявшая более 100 млн юношей и девушек из 115 стран, и Международный союз студентов (МСС), имевший в своём составе около 78 национальных студенческих союзов. Именно эти две международные общественные структуры являлись организаторами Всемирных фестивалей молодёжи и студентов (ВФМС), собиравшихся на нерегулярной основе с 1947 года. В 1950-е — начале 1960-х годов крупнейшие молодёжные форумы планеты проходили под лозунгом «За мир и дружбу» и насчитывали десятки тысяч участников, в основном придерживавшихся левой идеологии. Будучи не в состоянии воспрепятствовать их проведению, Центральное разведывательное управление США разрабатывало и реализовывало планы по дискредитации самых массовых молодёжных слётов планеты.

В исследовании подрывной деятельности западных спецслужб против мероприятий мирового прогрессивного молодёжного движения отдельное внимание следует уделить Венскому (1959) и Хельсинскому (1962) фестивалям молодёжи и студентов, в ходе которых наиболее ярко раскрылся весь тайный арсенал «рыцарей плаща и кинжала», выполнявших политический заказ «ястребов» из Вашингтона.

В ходе планирования антифестивальных акций перед профильными подразделениями ЦРУ были поставлены задачи по нейтрализации любой просоветской пропаганды, в т.ч. с использованием появившихся на тот момент советско-китайских разногласий; продвижению на фестивальных площадках позиции западного блока по актуальным международным вопросам; дезорганизации подготовительной работы фестивального комитета; внедрению своих агентов и проведению вербовки с целью проникновения в

Выборг встречает посланцев Кубы — участников VIII Фестиваля молодёжи и студентов в Хельсинки
1962 г.

Участники VIII Фестиваля молодёжи и студентов в Хельсинки

День космоса на VIII Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Хельсинки

коммунистические партии и молодёжные организации левого толка[4].

Первой капиталистической страной, принявшей в 1959 году международный молодёжный студенческий форум, стала Австрийская Республика. В период подготовки VII фестиваля в Вене на правительство страны было оказано беспрецедентное внешнее и внутреннее давление, что привело к серьёзному расколу правящей элиты. В частности, категорически против проведения форума выступили министры внутренних дел и просвещения, партийные лидеры австрийских консерваторов и социал-демократов, а Федеральный круг молодёжи и Союз социалистической молодёжи объявили полный бойкот международному мероприятию. Их примеру последовали Федерация молодёжи Австрии и 12 её ассоциированных членов (молодёжных секций разных политических партий и конфессиональных объединений). Против проведения фестиваля выступил и Национальный союз студентов Австрии[5], сформировавший из студенческих группировок антикоммунистического толка «Комитет действия». С аналогичными требованиями выступила Федерация католической молодёжи. В этих условиях канцлер страны Юлиус Рааб был вынужден заверить противников фестиваля, что данный форум не будет иметь политического оттенка, а станет сугубо спортивным мероприятием.

Вместе с тем городской магистрат Вены, «видя возможность пользоваться советской финансовой поддержкой фестиваля», стал горячим сторонником идеи его проведения[6]. Учитывая возросший накал страстей, Международный подготовительный комитет (МПК) форума заявил, что 75 проц. его участников при-

едут из нейтральных стран. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, выступая на страницах газеты «Правда», особо подчёркивал, что во многих капиталистических странах усилилась пропаганда против фестиваля как коммунистического мероприятия, но не все организации поддались столь массированной идеологической обработке. В статье, в частности, было приведено заявление Японского центрального организационного комитета VII фестиваля: «Никто из наших делегатов не пришёл к выводу, что целью этих фестивалей была коммунистическая пропаганда. На самом деле не было даже намёка на это»[7].

К антифестивальной истерии вскоре подключилась «тяжёлая внешнеполитическая артиллерия». Свою «крайнюю озабоченность» передали министерству иностранных дел Австрии послы Англии и Франции. Отказались отправить в Вену свои официальные делегации и некоторые нейтральные страны: Объединённая Арабская Республика, Индия и Гана[8]. Но ни внутреннее, ни внешнее давление не помешало австрийскому правительству дать «зелёный свет» проведению фестивальных мероприятий, которые прошли в столице республики с 26 июля по 4 августа 1959 года.

Не сумев заблокировать международный форум, западные спецслужбы приняли все возможные меры по дискредитации фестиваля и использованию его площадок для прозападной идеологической обработки участников слёта. Как полагал американский сенатор Х. Хэмфри, Венский фестиваль «представляет для нас угрозу и одновременно возможность, которую мы не должны упустить, а именно — встречаться и обмениваться взглядами с молодыми людьми из всех частей земного шара». По его мнению, требовалась «тщательно продуманная подготовка, которую должны пройти молодые американцы, принимающие участие в этом фестивале». Эти лица «должны быть правильно осведомлены обо всех аспектах нашей внешней и внутренней политики в вопросах, связанных с нашей системой образования, с проблемой труда, с принципами частной инициативы», «только те… кто глубоко понимает эти факты и принципы, могут внести полезный вклад в фестиваль»[9]. В свою очередь «неправильные» американские участники форума впоследствии подверглись политическим преследованиям. Как рассказывал Джекоб Роузен, «нас вызвали в комиссию по расследованию антиамериканской деятельности лишь потому, что мы принимали участие в VII Всемирном фестивале в Вене. <…> Свидетелями по нашему делу выступают предатели, сотрудничавшие с фашистами во время Второй мировой войны, преступники, освобождённые фашистами из тюрьмы, бывший главный редактор словацкого фашистского листка, бывшие прислужники на оккупированной гитлеровцами территории СССР»[10].

При прямом подстрекательстве западных спецслужб в дни проведения форума вдруг вспыхивали выступления «бастующих» студентов; социал-реформистское общество «Молодая жизнь» требовало перенести фестиваль из австрийской столицы; «во многих местах Вены действовали так называемые “информационные центры”, которые пытались сеять раздор среди молодёжи»[11]. Международная молодёжная служба Норвегии, нашпигованная опытными агентами, отмечала «вспышки физического насилия», приводя в пример избиение хулиганствующими антикоммунистами журналистки из Египта и конфликт между китайскими делегатами и африканцами, ставившими под сомнение позицию Китая по Тибету[12]. В 1968 году западногерманский еженедельный журнал «Der Spiegel» сообщил об истинной подоплёке подобных акций. По данным издания, Центральным Разведывательным управлением США были подготовлены и направлены в Вену 180 молодых антикоммунистов из Чикаго. Они не только саботировали фестивальные мероприятия, но и устраивали массовые беспорядки. Только в первый день форума были зарегистрированы 13 уличных драк с их участием и участием западногерманских молодых социал-демократов[13].

По сведениям советской прессы, западные спецслужбы в целях дискредитации венского фестиваля потратили 1,5 млн шиллингов (по курсу того времени около 60 тыс. долларов, а по сегодняшнему, с учётом инфляции, — более 500 тыс. долларов)[14]. По данным других источников, эта цифра превышала 2,5 млн современных долларов США. В 1959 году провокационная деятельность осуществлялась через Информационное агентство США, переименованное в 1962 году в Независимую службу исследований (Independent Research Service). Как была организована его работа, можно проследить на примере биографии Джона Макклоя[15], написанной американским автором и публицистом, лауреатом Пулитцеровской премии Кэем Бэрдом[16]. Во время Венского и Хельсинкского фестивалей Макклой был председателем Совета по международным отношениям и участвовал в создании системы противодей-

ствия советскому влиянию. В конце 1958 года он участвовал в обсуждении с чиновником администрации Ч.Д. Джексоном и главой Бюро по делам международных организаций ЦРУ Кордом Мейером условий «конфиденциального финансирования “неформальной группы активистов”, которые выступят в качестве альтернативной американской делегации на фестивале». В частности, к работе была привлечена некая Глория Стейнем, имевшая связи в Национальной студенческой ассоциации США. На выделенные ЦРУ средства в размере 85 тыс. долларов (около 800 тыс. долларов по сегодняшнему курсу) она создала в Кембридже (штат Массачусетс) Независимую службу информации о Венском молодёжном фестивале, которая продолжала работать и на следующем фестивале в Хельсинки уже с другой американской делегацией. Как писал журналист американской газеты «Washington Daily News» в статье под заголовком «Фестиваль, ЦРУ и весь этот джаз», «в двух случаях (т.е. в Вене и в Хельсинки. — **Прим. авт.**) я знаю… что оппозиция к фестивалю, которая частично финансирована и вдохновляема ЦРУ, была очень эффективной. <…> “Независимая служба информации о Венском молодёжном фестивале” (Independent Service for Information on the Vienna Youth Festival) была создана в Кембридже, штат Массачусетс, при финансовой поддержке частных лиц, фондов, компаний по каналам ЦРУ. <…> В Вене молодые американцы, связанные с Кембриджской группой, выступали на открытых встречах… Они раздавали листовки в общежитиях делегатов»[17].

Глория Стейнем тесно сотрудничала с Сэмюэлем С. Уолкером-младшим, вице-президентом финансировавшегося ЦРУ Комитета свободной Европы. Однако австрийцы, озабоченные сохранением своего нейтралитета, опасались связываться с этой одиозной организацией. Поэтому управление основало коммерческое прикрытие под названием «Publications Development Corporation» (Объединение для содействия издательской деятельности). Уолкер сам возглавил эту структуру, которая заключила годичный контракт с Комитетом свободной Европы на 273 тыс. долларов (по сегодняшнему курсу около 2,5 млн долларов)[18]. Корпорация издавала 400 тыс. экземпляров ежедневной газеты со статьями Джона Макклоя, Ирвинга Кристола, Чеслава Милоша, Хюберта Хамфри, Исаака Дойчера и многих других интеллектуалов и политиков. Она также распространила около 36 тыс. экземпляров книг антисоветских писателей, в т.ч. Дж. Оруэлла и Милована Джиласа. Деятельность Уолкера и Стейнем оказалась успешной, т.к. привела к расколу в официальной американской делегации в Вене[19].

Не меньшим атакам со стороны западных спецслужб подвергся VIII Всемирный фестиваль, проходивший в Хельсинки с 28 июля по 6 августа 1962 года. Ещё в начале 1961 года президент страны

Студенческие демонстрации во Франции

У. Кекконен и премьер-министр В.Й. Сукселайнен уверили комиссию МПК, что власти не имеют возражений против проведения молодёжного студенческого форума в Финляндии[20]. Весомую роль в принятии данного решения сыграли добрососедские отношения Советского Союза с северным соседом и принципиальная позиция главы Финляндского государства, писавшего впоследствии: «Всемирный фестиваль молодёжи был проведён в Хельсинки летом 1962 года. Я слушал его программу по радио. Группа молодых финских певцов исполнила гимн Финляндии. Участники были объявлены коммунистами, и, вероятно, их было много в этой хоровой группе. Я слушал, как они поют яркими голосами. <…> Я признаю, что я редко слушал гимн Финляндии в более приподнятом исполнении. <…> Говоря о финском патриотизме, я убеждён, что финские коммунисты так же ценят Финляндию, как и другие финны. Финский народ был бы на самом деле слабым, если бы каждый четвёртый гражданин был врагом родной стране»[21]. Как отмечал один из аналитиков ЦРУ, «в отличие от отказа австрийских властей от содействия в организации фестиваля финляндское правительство оказало организаторам значительную поддержку для того, чтобы свести трудности к минимуму, вызванные бойкотом подготовки к фестивалю большинством финских молодёжных групп»[22].

За два года до открытия форума «антифестивальные силы» начали проявлять свою активность. В протестном авангарде выступила Международная студенческая конференция / Координационный секретариат (МСК / КОСЕК)[23]. В сентябре 1961 года на конгрессе Союза студентов Вест-Индии в Англии представитель КОСЕК призывал делегатов не участвовать в фестивале[24]. Советская сторона наблюдала за этой подрывной деятельностью, но, как показывает статья заместителя председателя Комитета молодёжных организаций СССР В. Шевченко, недооценивала её значения. Автор писал: «Многие из тех молодых социал-демократов, которые в прошлом оказывались втянутыми в антифестивальные авантюры поборников “холодной войны”, ныне отказываются быть орудием грязной игры своих реакционных лидеров и требуют открытого и честного участия в VIII фестивале, они не хотят сотрудничать с реакцией». Однако получилось ровно наоборот: социал-демократические молодёжные организации активно включились в антифестивальную деятельность.

Но далеко не все потуги антисоветских сил привели к желаемому для них результату. Как писала «Суоми сосиалидемократти», «очевидно, что правый фронт потерпел поражение в попытке саботировать добрые отношения нашей страны с разными народами. Зарубежные гости, несомненно, поймут, что горстка хулиганов — это главным образом фанатики и уголовники. Подавляющее большинство

Активисты антивоенного движения в США

финского народа не имеет с ними ничего общего»[25].

Накануне форума антифестивальные страсти достигли своего апогея. Финская газета «Пайвен саномат» отмечала, что «в сферу деятельности НАТО входят не только военные вопросы, но и молодёжные дела. Ещё в прошлом году в Париже были проведены особые переговоры об отношении к фестивалю молодёжи в Хельсинки, и было решено использовать все возможные способы, чтобы сорвать проведение предстоящего праздника молодёжи в Хельсинки»[26]. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ и руководитель советской делегации на VIII Всемирном фестивале молодёжи и студентов С.П. Павлов писал, что из ФРГ, Австрии и Дании направлялись антифестивальные группы из числа правых социал-демократов. Среди видных антикоммунистов, прибывавших в Хельсинки, были норвежец Пьер Ассен, один из лидеров Международного союза молодых социалистов; западный немец Леон Гарт, автор антикоммунистических книг (по оценке Павлова, «представитель шпионского западногерманского ведомства генерала Гелена»); руководители социал-демократической молодёжи Дании, которые развернули по приезде собственный информационный центр, «где снабжают платных агентов аргументацией в защиту капитализма»[27]. «Комсомольская правда» подчёркивала, что непосредственно перед открытием фестиваля в европейских журналистских кругах стало известно, что «в делегацию молодёжи США включены 20 агентов ЦРУ и ФБР, плюс ещё 50 провокаторов, специально подобранных государственным департаментом США, ассигновавшим значительную сумму на их содержание и подрывную деятельность в Хельсинки в период фестиваля». Газета отмечала, что американская администрация направила в Хельсинки «группу членов откровенно фашистской организации “Общества Джуна Бэрча” и различных реакционных эмигрантских организаций, нашедших прибежище в США». Также выяснилось, что в Бонне был создан западногерманский антифестивальный штаб под названием «Межминистерский комитет по борьбе против фестиваля», тесно связанный с Вашингтоном и направивший в Хельсинки специальную группу численностью в несколько десятков человек[28]. В статье назывались организации, участвовавшие в подрывной работе: Союз молодёжи, Молодые социалисты, Соколы (социал-демократическая молодёжь), Католическая молодёжь[29]. Существовали тесные контакты между оперативниками ЦРУ и лидерами Национального союза студентов Финляндии, что подтверждается оперативными сведениями управления[30].

Уже после закрытия фестиваля С.П. Павлов справедливо отметил, что никогда в прошлом антифестивальные силы не выступали так организованно: «Враги фестиваля располагали огромными средствами. Они спаивали незрелых юнцов, платили фашиствующим хулиганам за организацию провокаций, эти грязные деньги и “отрабатывали” те, кто свистел, орал, бросал камни в фестивальные автобусы, малевал свастику на плакатах праздника юности. <…> Не лишне отметить, что в толпе провокаторов, взвинченной виски, многие говорили с вашингтонским или боннским акцентом. Далеко не случайно, что в Хельсинки в дни фестиваля появилось множество чиновников госдепартамента США, а также агентов американской и западногерманской разведок»[31].

Приведённые данные позже были подтверждены рассекреченными материалами ЦРУ, относящимися к проведению специальной операции KUBARK. В ходе её реализации применялись такие методы, как публикация отрицательных отзывов о фестивале, внедрение в делегации негативно настроенных людей, вербовка активистов с целью продвижения их в молодёжные организации, прослушивание телефонных разговоров, отслеживание переписки и сбор данных на участников форума[32]. К подготовке агентов, направленных для участия в фестивале, была привлечена нью-йоркская компания «Research Service Inc.»[33]. В дни проведения мероприятий активно распространялись провокационные слухи и антисоветская информация. Так, Международная молодёжная служба Норвегии подбрасывала сведения о якобы проведённых в те дни Советским Союзом термоядерных испытаниях. Многие делегаты отнеслись с недоверием к этой «утке», но часть попыталась пронести плакаты «Стоп ядерным испытаниям Востока и Запада»[34].

Усилиями ЦРУ на фестиваль в Хельсинки попали 160 американских антикоммунистов, поездка которых обошлась Лэнгли в 40 тыс. долларов (по нынешнему курсу около 400 тыс. долларов). Представителям Международного союза социалистической молодёжи (МССМ) удалось убедить 270 делегатов из разных стран покинуть Хельсинки до закрытия фестиваля ради бесплатной экскурсии по Западной Европе[35].

Рассекреченные материалы Центрального Разведыва-

тельного управления США неоспоримо свидетельствуют, что практически все инциденты, саботажи, массовые беспорядки на улицах Вены и Хельсинки в дни фестивалей 1959 и 1962 гг. были спланированы, профинансированы и организованы специалистами этого ведомства. При этом ЦРУ не только подрывало международное молодёжное движение изнутри, но и грубо попирало законы государств, принимавших гостей масштабных студенческих форумов.

Примечания

[1] The Department of State Bulletin. 1954. January 25. P. 107, 108.

[2] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 7. М.: Изд-во политической литературы, 1967. С. 343.

[3] *Дёмкин С.И.* Анатомия преступлений. ЦРУ против молодёжи. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 14.

[4] Operational / ZRPENNY 8th World Youth Festival. 27 July — 5 August 1962 dated June 4, 1962. P. 8, 9. [Рассекреченный материал ЦРУ].

[5] В Вене, на голубом Дунае // Комсомольская правда. 1958. 8 марта.

[6] International Communism. Annual Review 1958 dated December 1958. P. 8. [Рассекреченный материал ЦРУ].

[7] *Павлов С.П.* Мир и дружба // Правда. 1959. 26 июля.

[8] World Youth Festivals by International Youth Service, Norway dated 1962. P. 14. [Рассекреченный материал ЦРУ].

[9] Сенатор Хэмфри готовится к фестивалю // Комсомольская правда. 1959. 28 июня.

[10] Фестиваль не засудить // Там же. 1960. 9 февраля.

[11] Идеи мира и дружбы непобедимы // Правда. 1959. 8 мая.

[12] World Youth Festivals by International Youth Service... P. 15.

[13] Tote Ratten. Der Spiegel. 1968. № 31; *Йанлик Л.* Дочерние организации ЦРУ в борьбе за влияние на международное молодёжное движение в 1960-е годы. Иметь либеральные ценности или быть государственным аппаратом? // Свободная мысль. 2021. № 2. С. 164.

[14] Отравители родников // Комсомольская правда. 1962. 29 июля.

[15] **Джон Макклой** — крупный американский банкир, дипломат, советник президентов США с 1940 по 1984 г., второй президент Всемирного банка с 1947 по 1949 г., верховный комиссар на оккупированных территориях Германии с 1949 по 1952 г., директор Чейз Манхэттэн банка с 1953 по 1960 г., председатель Совета по международным отношениям США с 1954 по 1969 г., член Комиссии Уоррена в 1963 г.

[16] *Bird K.* The Chairman: John J. McCloy and the Making of the American Establishment. New York: Simon & Schuster, 1992. 800 p.

[17] *Friedenberg W.* Festival, CIA & All That Jazz // Washington Daily News. 1967. 18 February.

[18] *Bird K.* Op. cit. P. 483, 484, 727.

[19] The Background of The Vienna Youth Festival 1959. Cambridge, Mass: Independent Service for Information on the Vienna Youth Festival, 1958. 46 p.

[20] *Шевченко В.* Враги фестиваля спешат // Комсомольская правда. 1961. 17 февраля.

[21] Bi-Weekly Propaganda Guidance dated April 10, 1967. P. 43. [Рассекреченный материал ЦРУ].

[22] Current Intelligence Weekly Summary dated July 20, 1962. P. 28. [Рассекреченный материал ЦРУ].

[23] О скандале вокруг МСК/КОСЕК, который играл весьма большую роль в переформатировании западного либерализма, см.: *Йанлик Л.* «Только медленное воздействие может отвратить от коммунизма...». Работа ЦРУ с советской молодёжью // Военно-исторический журнал. 2021. № 4. С. 52—57.

[24] Студенческие каникулы в Хельсинки // Комсомольская правда. 1962. 22 апреля.

[25] Огни дружбы и ночные // Комсомольская правда. 1962. 1 августа.

[26] Роль Ленинского комсомола в Великой Отечественной войне (по материалам «круглого стола» фракции КПРФ в Государственной Думе / Под ред. Я.И. Листова. М.: Издание Государственной Думы, 2017. С. 68.

[27] *Павлов С.П.* Пароль фестиваля — мир и дружба // Комсомольская правда. 1962. 25 июля.

[28] Большинство антифестивальных протестов в Хельсинки были организованы гражданами Западной Германии.

[29] Отравители родников.

[30] Operational / ZRPENNY 8th World Youth Festival... P. 6.

[31] *Павлов С.П.* Возвращаемся с отличным настроением // Комсомольская правда. 1962. 8 августа.

[32] Operational / ZRPENNY 8th World Youth Festival... P. 1, 2.

[33] *Smith R.E.* Finds His Trip May Have Been for CIA. Newsday, 1967, 7 March.

[34] Operational / ZRPENNY 8th World Youth Festival... P. 16.

[35] Tote Ratten. Der Spiegel. 1968. № 31.

L. Taltangov

«IN THE CROWD OF PROVOCATEURS, MANY SPOKE WITH A WASHINGTON OR BONN ACCENT»

Western secret services against the youth festival movement in Vienna (1959) and Helsinki (1962)

Information about author. *Levent Taltangov — postgraduate student at the Don State Technical University (city of Rostov-on-Don. E-mail: lenta47@list.ru).*

Summary. *The paper examines the subversive activities of Western intelligence services aimed at splitting and discrediting the international youth festival movement. Using the examples of the Vienna (1959) and Helsinki (1962) Festivals of Youth and Students, the author reveals the main methods of work of the American intelligence community in introducing agents of influence in the student environment, recruiting leftist activists, neutralizing pro-Soviet propaganda and imposing the Western way of life in youth circles. From the standpoint of morality and law, he evaluates the actions of the CIA to disrupt the preparatory work of the festival committees, sabotage events, organize provocations and riots during the days of the forums.*

Keywords: *World Festivals of Youth and Students in Vienna and Helsinki; World Federation of Democratic Youth; International Student Union; Komsomol; Cold War; International Student Conference; US Information Agency; Independent Information Service on the Vienna Youth Festival; Committee for Free Europe; International Union of Socialist Youth; anti-Soviet organizations; anti-Soviet propaganda; CIA; US State Department; Operation KUBARK.*

П.В. Чернов,
С.Ю. Окунев

«В ПОЛКОВОМ СТРОЮ ШТАНДАРТ ВСТРЕЧАЛИ ОСОБОЙ МУЗЫКОЙ...»

Особенности формирования воинских традиций русской армии

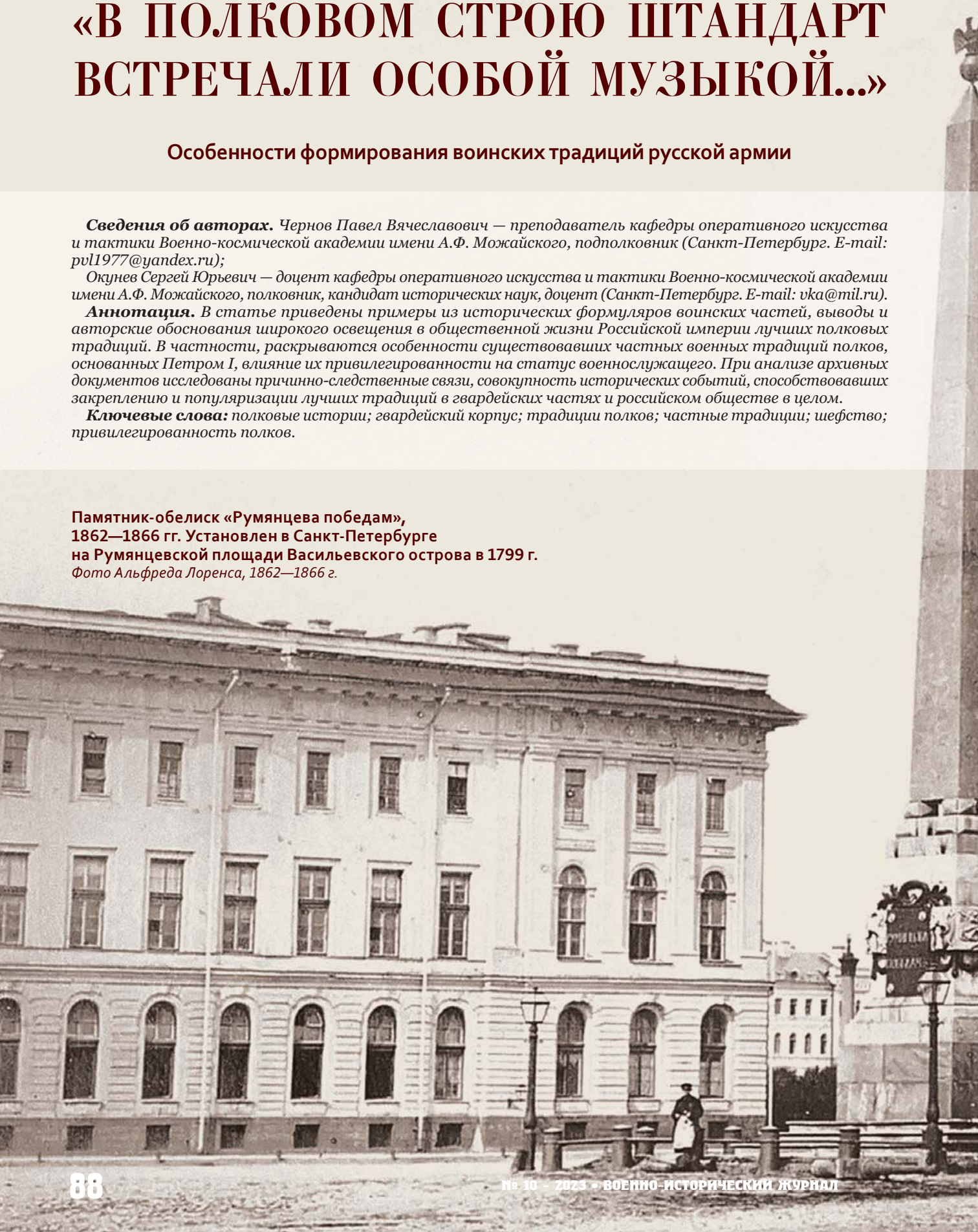
Сведения об авторах. *Чернов Павел Вячеславович — преподаватель кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, подполковник (Санкт-Петербург. E-mail: pvl1977@yandex.ru);*

Окунев Сергей Юрьевич — доцент кафедры оперативного искусства и тактики Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского, полковник, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: vka@mil.ru).

Аннотация. *В статье приведены примеры из исторических формуляров воинских частей, выводы и авторские обоснования широкого освещения в общественной жизни Российской империи лучших полковых традиций. В частности, раскрываются особенности существовавших частных военных традиций полков, основанных Петром I, влияние их привилегированности на статус военнослужащего. При анализе архивных документов исследованы причинно-следственные связи, совокупность исторических событий, способствовавших закреплению и популяризации лучших традиций в гвардейских частях и российском обществе в целом.*

Ключевые слова: *полковые истории; гвардейский корпус; традиции полков; частные традиции; шефство; привилегированность полков.*

Памятник-обелиск «Румянцева победам», 1862—1866 гг. Установлен в Санкт-Петербурге на Румянцевской площади Васильевского острова в 1799 г.
Фото Альфреда Лоренса, 1862—1866 г.



Вторая половина XIX века ознаменовалась всплеском патриотического движения в России не только в армейской, но и в гражданской среде. Как следствие — в правительстве было принято решение о формировании у военнослужащих многонационального государства идеологических представлений о единстве вооружённых сил. Суть всех этих новаций заключалась прежде всего в искоренении отрицательных тенденций, сложившихся было в российском обществе, которые превозносили прозападный уклад жизни, несправедливое ущемление отечественных культурных ценностей, а также мнимое превосходство зарубежного армейского корпуса над русским воинством. Отчасти ситуация напоминает и нынешнее международное военно-политическое положение России, оказавшейся по воле американских и европейских политиков в известной изоляции и даже конфронтации. Тогда, на рубеже XVIII—XIX вв., для консолидации воинских коллективов предлагалось возродить память о «совместно пролитой крови», что становилось основой сплочённости русского воинства и возможностью сохранения традиций русской армии.

С этой целью поощрялись сбор и сохранение полковых историй о наиболее существенных событиях в жизни того или иного воинского коллектива. Обычно это были описания победных баталий с врагами Отечества, причём в последней трети XIX — начале XX века такие жизнеописания стали носить массовый характер[1].

Популярные библиографические справочники подтверждают издание около 700 полковых летописей, имевших различие по полиграфическому исполнению, жанру, объёму, количеству томов и т.д.[2] Одной из важнейших причин написания летописей о полковой жизни и военных походах стал возросший интерес общества к историческому прошлому своего Отечества. Массово полковые летописи начали появляться в гвардейских частях, а в дальнейшем эту эстафету подхватили и другие воинские коллективы.

Гвардейские полки своим составом разительно отличались от простых армейских. Появление элитных частей началось в конце XVII века с образованием двух полков — Семёновского и Преображенского. Они создавались в условиях сложной внешней и внутриполитической обстановки, и в них закладывалась общая система ценностей, вы-

делялась устойчивая структура традиций и ритуалов, которые сохранялись и приумножались от поколения к поколению. В сознании гвардейцев складывались твёрдые убеждения в привилегированности их воинских коллективов, и эти представления существенно отличались от мировоззрения военнослужащих армейских полков.

Число гвардейских частей росло с каждым столетием. Тенденция увеличения их численности обусловливалась тем, что гвардейцы традиционно размещались в столичных гарнизонах, которые не только играли важную роль в общественной и политической жизни страны, но и являлись центром подготовки командного состава для армии. Таким образом, к началу XIX века гвардейский корпус превратился в отдельную привилегированную армию, которая состояла из всех родов и видов войск (тяжёлой и лёгкой пехоты, кавалерии, а также казаков, инженерных частей и артиллерии). И главное, данные подразделения могли самостоятельно, с высокой эффективностью решать масштабные задачи, став важнейшим военно-административным ресурсом Петра I.

Офицер Лейб-гвардии Семёновского полка, с 1700 по 1720 г. Вид изображает Замок Ивангород, с частью крепости Нарвы

Висковатов В.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времён. Ч. 4.

Вместе с появлением первых гвардейских полков по инициативе великого реформатора была сформирована и новая система ценностей — зарождались новые воинские традиции и ритуалы, которые в последующем заимствовали и армейские подразделения. Самым главным отличием вновь образованных частей стало их формирование по западному образцу не только в плане формы одежды, но и относительно многих уставных требований. Они касались всего уклада воинской жизни, караульной, гарнизонной службы, основы ведения боевых действий в совокупности нескольких военных образований (пехота, конница, артиллерия и т.д.) и по отдельности. Пётр Великий заимствовал и внедрял также главные элементы западной военной субкультуры, что проявилось в военно-административной организации, вооружении, обмундировании, военном лексиконе и даже в военной культуре (положения о чести мундира, общение рядового и офицерского составов, поведение за пределами воинских частей).

Согласно установленным правилам, которые переросли в традицию, практически до конца XIX века воинские подразделения не имели постоянных мест расквартирования, поэтому с целью облегчения постойной повинности населения и в соответствии с военно-стратегической обстановкой они периодически перемещались из одной губернии в другую. На балансе полка состояли ряд хозяйственных объектов, которые следовали вместе с ним при перемещениях: церковь, госпиталь, кузница, мастерские по изготовлению и ремонту одежды, обуви, повозок и т.д. Служащие в воинской части имели единообразное обмундирование.

Большинство полковых оркестров исполняли собственные марши, солдаты пели песни о походах и подвигах, которые совершило их подразделение. Знамёна у полков были индивидуальными и являлись высшими воинскими святынями, поскольку в бригадах, дивизиях и корпусах эти знаки отсутствовали. Полковые регалии (различные знаки, особенные элементы обмундирования, именные серебряные трубы, георгиевские знамёна) также принадлежали только полкам. Не стоит забывать, что каждая из воинских частей поклонялась общим для православных символам веры, общим для русской православной церкви святым и общим небесным покровителям: Св. Андрею Первозванному, Св. Георгию Победоносцу, Св. Николаю Чудотворцу, Св. Александру Невскому. Особо почитался «свой святой» — покровитель именно этого полка. Соответственно, каждая часть имела свой полковой праздник, приуроченный ко дню памяти определённого святого[3].

Не только мелкие — взвод, рота и батальон, — но и более крупные образования, такие как бригады, дивизии и корпуса, не имели отличительных наименований, кроме числовых номеров. Полкам же, напротив, давали звучные названия, что автоматически придавало им узнаваемость как в походах, так и на местах расквартирования. Эта традиция способствовала индивидуализации и выделению данной боевой единицы из общей массы воинских формирований[4].

Каждый полк имел своё знамя (в кавалерийских полках — штандарт), которое являлось полковой святыней, и ему оказывались особые почести. Именно во времена Петра Великого почитание знамени стало священным воинским ритуалом. Под ним присягали на верную службу как солдаты, так и офицеры. Во время проведения ритуальных действий знамени отдавали честь (выполняли воинское приветствие), а гражданские люди снимали шапки. «В полковом строю штандарт встречали особой музыкой и при его появлении брали “на караул”, обнажая холодное оружие и салютуя им...»[5].

В книгах по истории полков довольно часто даётся подробное описание формы одежды той или иной части. Указываются все изменения и новшества, введённые в каждом историческом периоде: изменение покроя, цвета, появление и смена выпушек, кантиков, ремешков, пуговиц и крючков. Это не являлось прихотью летописцев, а было отражением важности и значимости уставного обмундирования в армейской жизни. Русские офицеры любили и уважали форму, носили её даже во время отпуска, в командировках за границу и при отставке со службы. Впоследствии мода на ношение мундира стала распространяться среди обычных профессий: административных чиновников, судей, учителей, учащихся. Она стала лекалом

Фузелер Лейб-гвардии Преображенского полка, с 1700 по 1720 г. Вид изображает часть города и крепости Нарвы, покоренной Российскими войсками в 1704 г.
Висковатов В.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времён. Ч. 4.

отношения к профессиональной группе и повышала статус её обладателя в сознании окружающих[6].

В отличие от обычных воинских традиций, которые впоследствии повсеместно распространились по всем армейским частям, в гвардейском корпусе присутствовали и свои особенные, или, как их ещё называют, частные традиции, которые продолжительное время сохранялись только у гвардейцев и считались их особой привилегией.

Так, при отборе призывников внимание обращали на рост и на пропорции телосложения. Тем не менее на призывные пункты поступали всего около 2 проц. новобранцев с ростом в 180 см и более, что осложняло набор рослых рекрутов. Начиная с XVIII века в гвардейские полки стали набирать по внешнему виду: рослых и видом погрубее со светло-русыми волосами — в «преображенцы», голубоглазых блондинов — в «семёновцы», рыжеволосых — в «московцы», а брюнетов с бородами — в «измайловцы»[7]. Именно Пётр I заложил традицию представления Российской империи строем рослых гвардейцев, одетых в красивые мундиры, овеянных славой громких побед. Так, например, средством для демонстрации имперской мощи в особых случаях стали «преображенцы». Они возглавили парадные колонны при праздновании взятия Выборга, только им доверили участие в торжествах в годовщину Полтавского сражения[8].

Гренадерский обер-офицер Лейб-гвардии Преображенского полка, с 1700 по 1732 г. Вид изображает дом Петра Великого, в Екатеринентальском саду, в Ревеле

Висковатов В.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск с древнейших времён. Ч. 4.

Самых рослых и с крупным телосложением рекрутов отправляли в гвардейский экипаж, чтобы они могли достойно представлять Российское государство. В кавалергарды набирали только светло-русых, а в конногвардейцы — брюнетов. Кавалергардский полк был особо привилегированным, в котором проходили службу лица, тем или иным образом относившиеся к знати. По традиции основная масса проходивших службу в данном полку офицеров являлись родственниками представителей элиты. При поступлении в кавалергарды юноши проходили тщательный отбор. Документы кандидата подвергались жёсткой проверке: проверяли даже бабушек и прабабушек на отсутствие нарушений в знатности родословной. Попытки ходатайств за детей министров и высших сановников, имевших недостаточно чистые корни и получивших отказ, жёстко пресекались. Число полковников, штаб- и обер-офицерских чинов, а также других высокопоставленных должностей, числившихся по штату, превышало необходимое их количество. В кавалергарды шли очень состоятельные люди, которым были по плечу существенные расходы. Службу они несли в адъютантах при высокопоставленных начальниках для выполнения специальных поручений[9].

Считалось, что личный состав гвардии был лучше подготовлен и превосходил по выучке и знаниям обычных армейцев.

Поэтому по традиции их задействовали на различных сложных направлениях государевой службы. Так, в 1788 году появилась угроза войны со Швецией, возникла необходимость в формировании новых эскадр для увеличения гребного флота. В связи с этим обнаружился некомплект младших командиров для службы в военно-морских силах. Екатерина II приняла решение о направлении в Адмиралтейскую коллегию желавших из дворян, проходивших службу унтер-офицерами в гвардии. В соответствии с требованиями кандидаты должны были иметь начальные математические знания для переобучения навигации. Будущих мичманов набралось порядка 90 человек[10].

Другим красноречивым примером могут служить офицеры гвардейской кавалерии. У них сложилась особая привилегированная традиция: кавалерия стала академией по поставке претендентов для органов государственного управления — губернаторов, полицмейстеров и генерал-губернаторов, что как бы не соответствовало её задачам[11].

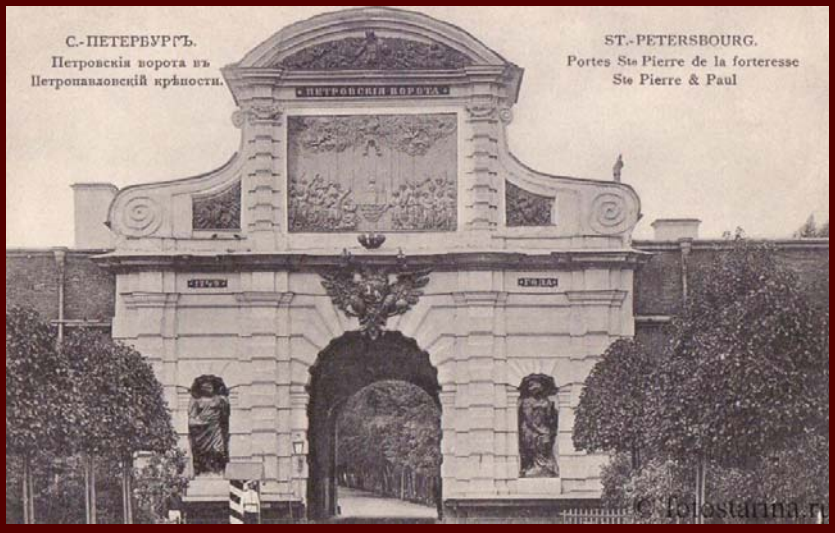
С целью популяризации и поднятия престижа армии среди гражданских лиц государство проводило целый ряд пропагандистских мероприятий, которые оказывали положительное воздействие на возрождение традиций и ритуалов вооружённых сил.

Так, для привлечения внимания общественности к воинским традициям проводились грандиозные торжества в ознаменование юбилейных дат великих сражений, формирования частей, военные участвовали в гражданских церемониальных действиях и т.д. Популяризация юбилеев не обходилась без литературного описания подвигов и походов чествовавшихся подразделений. Большинство таких книг издавалось в честь годовщин со дня основания воинских частей. В некоторых изданиях полковых историй авторы специально заостряли внимание читателей на юбилейном событии, информируя о нём на титульном листе, в предисловии или заключении книги.

Одним из таких примеров может служить труд штабс-

Парад Семёновского лейб-гвардии полка на Сенатской площади в честь 200-летия сражения при деревне Лесной
1909 г.

Офицеры лейб-гвардии Конного полка
1910 г.



Петровские ворота Петропавловской крепости, установлены в Санкт-Петербурге со стороны Троицкой площади в Петропавловской крепости (1717 г.)

Первые годы после строительства Собора Преображения Господня всей гвардии (построен в Санкт-Петербурге на Преображенской площади (1743 г.), перестроен после пожара в 1829 г.)

капитана П.П. Дирина по истории лейб-гвардии Семёновского полка, в предисловии которого он указал на связь издания труда с двумя юбилейными торжествами: «1883-й год — дорогой год для каждого Семёновца. Не говоря уже про то, что он связан с торжеством Священного Коронования Их Императорского Величества, но, кроме того, он составляет двухсотлетнюю годовщину существования полка»[12]. Подполковник В.А. Ракинт, подготовив к изданию работу по истории гвардейских сапёров, также раскрыл свой замысел по юбилейному изданию в предисловии своего произведения: «Столетие существования батальона вызвало необходимость составить историю его...»[13]. В случае отсутствия слов о юбилейных событиях в некоторых изданиях на первых страницах или титульном листе просматривается связь с юбилейными датами выхода книг: 50-летия, 100-летия основания полков[14]. Присутствуют довольно частые примеры проявления «юбилейного бума» при издании полковых историй по особым случаям. Это могла быть дата, связанная с годовщиной принятия звания почётного шефа полка, особенно если им становился представитель царской фамилии. Автор истории Чугуевского драгунского полка также своеобразно заострил внимание на дате издания своей летописи. На первой странице он упомянул, что успел завершить свой труд к 25-летию назначения шефом полка августейшей особы Марии Фёдоровны[15]. Для отслеживания дат юбилейных празднеств издавались специальные «Расписания» с указанием старшинства полков и батальонов. В данных списках обязательно упоминалась официальная дата празднования

100-летней или 200-летней годовщины образования части.

Частым явлением стала демонстрация личной, родовой или корпоративной причастности к знаменитым персонам и эпохальным событиям нашей истории. Авторы полковых сочинений старались любыми способами показать историческую связь своих боевых частей с именами знаменитых полководцев, таких как Пётр I, М.И. Кутузов, М.Б. Барклай де Толли, А.В. Суворов, А.П. Ермолов и др.

Так, в полковой истории штабс-капитана П.П. Карцова «История Лейб-гвардии Семёновского полка 1685—1854 гг.» автор при каждой возможности старается упомянуть о внимании к полку императорских особ[16]. Лидирующие позиции занимает имя первого императора Петра I, которое только в первой части полковой истории упоминается более 260 раз. Пётр Алексеевич действительно сыграл важную роль в создании и становлении гвардейского полка, оказал огромное влияние на организацию быта и службы «семёновцев». Более того, при формировании своей корпоративной памяти многие части гвардейского корпуса, пытаясь связать своё боевое прошлое с великим полководцем А.В. Суворовым, столкнулись с проблемой — таковые связи отсутствовали. И только у Семёновского полка не возникло трудностей ввиду того, что знаменитый генералиссимус носил мундир одноимённого полка с 1748 по 1754 год. Поэтому они спокойно отождествляли его личность с полковой историей.

Большинство летописцев также старались находить точки соприкосновения боевых походов своей воинской части со знаковыми сражениями и местами боевой славы. Активное участие первых гвардейских полков в боевых операциях

Генерал-губернатор Петербурга и обер-полицмейстер 1780—1783 гг. П.В. Лопухин (проходил службу в лейб-гвардии Преображенском полку)

обусловливалось личным присутствием самодержца на театре военных действий и, соответственно, его лейб-гвардии в качестве охраны. Так, в 1695—1722 гг. гвардейцы принимали участие в Азовских походах, в 1722—1723 гг. были задействованы в Персидском походе, участвовали во всех эпохальных сражениях Северной войны: штурмовали Нарву и Шлиссельбург, сражались под Полтавой и при Гангуте[17]. Но бывали моменты, когда гвардейские полки, в особенности Семёновский и Преображенский, во время ожесточённых боёв берегли на крайний случай, и особого участия в сражениях они не принимали. Авторам летописных историй приходилось оправдывать неучастие своих частей в знаменитых сражениях, используя косвенные намёки. Так поступил А. Чичерин — автор полковой летописи о «преображенцах», подробно описав осаду крепостей Хотин и Бендеры, при этом старательно связав готовность своего гвардейского полка с памятью об этих знаковых событиях для русских войск[18]. Этот же автор в подробностях описывал, как гвардейцы участвовали в пышных торжествах по поводу победы в войне с турками 1735—1739 гг. и какими наградами осыпала их императрица Анна Иоанновна[19]. Отождествление именитого формирования с фамилиями знаменитых полководцев и великих государственных деятелей, причисление заслуг своего боевого коллектива к священным местам боевой славы стало традицией для летописцев полковых историй. Данные мероприятия служили предметом гордости для молодого воинского пополнения и становились средством формирования исторической памяти о боевых заслугах героев полка.

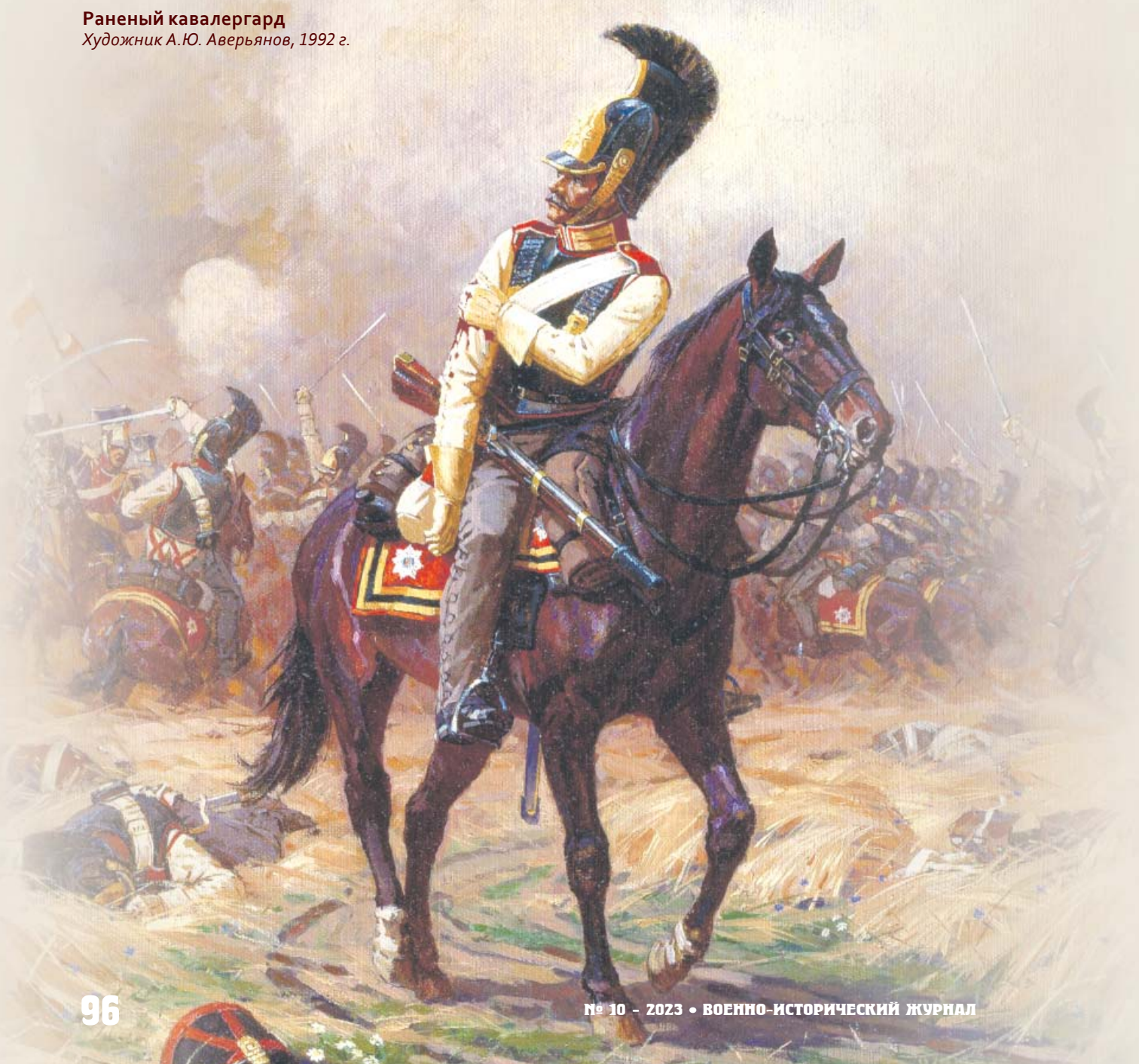
С целью закрепления традиционных военных ценностей старшее руководство брало шефство над подчинёнными подразделениями. Для воинских частей данная «милость» от высокопоставленной личности повышала статус среди равных полков и демонстрировала особое, привилегированное отношение к воинской части. Естественно, полковое начальство стремилось заручиться поддержкой наиболее высокоуважаемого шефа.

Статус шефа предоставлял его обладателю возможность принимать активное участие в жизнедеятельности избранных частей, стать предводителем (начальником) полка. Шефу вменялась обязанность осуществлять контроль пополнения и снабжения воинской части, отслеживать уровень обучения и подготовки военнослужащих. Особо поощрялось меценатство в

подшефных формированиях. Денежные средства шефа тратились на поздравление и угощение служивых в именинные и праздничные дни, на покупку повозок, лошадей, обмундирования и снаряжения личного состава. Все эти крупные расходы необходимы были шефу для поддержания престижности своего имени и титулов. Имевшим статус шефа полка предоставлялось право облачаться в мундир части, вносить изменения и доработки в уже установленную форму одежды вплоть до её замены. Поощрялось украшение элементами обмундирования с вензелями и гербами достопочтимого шефа. Естественно, все нововведения и доработки оплачивались из бюджета покровителя. Так, в результате реформы обмундирования шефских полков, проведённой Александром I в 1802 году, были внесены изменения в военную униформу. Если шефом полка становился принц крови, то офицеры нашивали золотое шитьё на мундир. Данное отличие повышало статус полка до уровня гвардейского и являлось престижным[20].

Традиционным было включение в списки шефов и почётных командиров Семёновского и Преображенского гвардейских полков большинства царствующих особ семейства Романовых. Так, в состав шефов Преображенского полка входили: с августа 1706 по январь 1725 года — первый император Пётр I, с января 1725 по май 1727 года — императрица Екатерина I, далее Пётр II, Анна Иоанновна и вплоть до императора Николая II[21]. Шефами Семёновского полка в разное время становились: с декабря 1731 по октябрь 1740 года — императрица Анна

Раненый кавалергард
Художник А.Ю. Аверьянов, 1992 г.



Иоанновна, с ноября 1741 по декабрь 1761 года — императрица Елизавета Петровна, далее Пётр III, Екатерина II и так до самодержца Николая II[22]. Большое количество изданных полковых летописей также были посвящены шефам, являвшимся представителями монархии, которые возглавляли эти воинские части в различные временные интервалы прошлой эпохи. Наличие высокопоставленного шефа в исторической линейке жизнеописания полка являлось неоспоримой привилегией и обязательно упоминалось как незыблемая традиция всеми авторами полковых историй.

Социальные и экономические сюжеты в историографии слабо интересовали российское общество и оказывали ничтожное влияние на престиж царского правительства. Представители российской власти для повышения своего авторитета в глазах подданных делали упор на победоносные войны прошлого. Зарождались традиции по увековечиванию в памяти потомков сведений о знаменитых военных походах, о подвигах героев, о великих русских полководцах, об участниках баталий из числа императорской фамилии. С этой целью издавались указы по отливке и возведению памятников и монументов, посвящённых героическим событиям прошлого. В первую очередь увековечивалась память царских особ, принимавших активное участие в деятельности по защите и расширению границ Русского государства, — Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра III.

Одним из первых памятников, посвящённых военным подвигам России и первому императору, возведённых в Санкт-Петербурге, стали Петровские ворота Петропавловской крепости. Сам император 4 апреля 1714 года повелел «вывести в камне» историческое сооружение. На верхней части ворот изображён смысловой барельеф «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром», трактуемый как низвержение Петром I шведского короля Карла XII. Ворота символизировали разгром шведского величия, основание нового западного форпоста России — г. Санкт-Петербурга и победы русских войск в Северной войне. Перед крепостью была установлена фигура полководца, рассматриваемая историками как личность Петра Великого или Александра Невского[23].

Одним из знаменитых обелисков, посвящённых выдающимся полководцам, считается Румянцевский обелиск, сооружённый по повелению императора Павла I в 1799 году архитектором В.Ф. Бренной. Он был воздвигнут в честь генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского в ознаменование побед этого полководца в Семилетней войне. Его полководческий талант особенно проявился в сражениях при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе, в боях под Кольбергом и Кёнигсбергом. Генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев вошёл в число лучших полководцев Европы, а его тактика ведения боя успешно применялась великими стратегами, такими как А.В. Суворов и М.И. Кутузов[24].

Многие памятники посвящались героическим событиям и подвигам воинских подразделений. В январе 1741 года в Петербурге начали возводить храм-памятник во имя Преображения Господня всей гвардии, который был окончательно достроен только в 1754 году. В 1796 году по указу Павла I собор стал храмом для всей гвардии. В 1825 году после сильнейшего пожара его перестроили, используя старые стены. В Преображенском соборе хранилось множество военных реликвий: турецкие знамёна, ключи от взятых русскими войсками крепостей, коллекции императорских мундиров, боевые знамёна гвардейских полков[25].

Наряду с возведением храмов-памятников отдельных гвардейских полков, в которых хранились их священные реликвии, в середине XIX — начале XX века началась организация военно-исторических музеев. Эту традицию поддержали как гвардейские, так и общевойсковые части. Основная масса полковых и военно-исторических музеев была открыта в юбилейные даты, приуроченные ко дню основания полка или дате знаменитого победоносного сражения, в котором данное формирование проявило доблесть и содействовало общей победе[26]. Так, в Санкт-Петербурге в 1868 году появляется «Достопамятный зал», который разрастается до Артиллерийского музея. С 1882 года он становится Артиллерийским историческим музеем благодаря плодотворной деятельности его заведующего — Н.Е. Бранденбурга. События русско-турецких войн, а также Кавказской и русско-персидских войн нашли своё отражение в экспозициях Кавказского военно-исторического музея. Он открылся в Тифлисе в 1888 году.

В 1902 году под председательством генерал-адъютанта Н.Н. Обручева была образована специальная комиссия по созданию российского Военно-исторического музея. В связи с народными волнениями и началом Русско-японской войны 1904—1905 гг., а также смертью председателя задуманное не было реализовано. В 1907 году был создан комитет по устройству Военно-исторического музея при Императорском Русском военно-историческом обществе, который возобновил

работы по созданию музея. Но и эти попытки не увенчались успехом. В том же 1907 году был организован комитет под руководством полковника Генерального штаба В.А. Афанасьева, который предложил учредить Музей войны 1812 года. Через несколько лет комитет прекратил свою деятельность и собранные материалы поступили в Исторический музей.

И всё же, несмотря ни на что, в 1903 году в Москве благодаря настойчивости служащих Московско-Брестской железной дороги был заложен Бородинский военно-исторический музей. В Санкт-Петербурге в 1904 году состоялось открытие знаменитого музея имени А.В. Суворова. А в 1910 году в Киеве при содействии Киевского отделения Императорского Русского военно-исторического общества был основан Военно-исторический музей. Первыми реликвиями в его экспозиции были порядка 60 предметов скифского оружия из коллекции графа А.А. Бобринского[27].

Таким образом, мероприятия по сохранению и закреплению в памяти народа эпохальных событий российской военной истории дали свои плоды и оказали неоценимое влияние на сбережение воинских традиций Российской Императорской армии. Во многих печатных изданиях старательно сохранялись материалы об исторических событиях, местах боевой славы и героях, отстаивавших интересы Российского государства. Эти летописи сохранились и до наших дней. Множество книг, от небольших брошюрок в несколько листов до многотомных фолиантов, несут информацию о быте русского воинства, о его походах и военных успехах, побуждая молодое поколение воинов к ратным победам и подвигам.

Особенной тенденцией развития Российской Императорской армии стало появление частных воинских традиций и ритуалов. В воинских частях они были связаны с разновидностью вооружения и местами их размещения. Частные традиции и ритуалы гвардейского корпуса отличались от классических, общепринятых. Так как гвардейцы чаще всего относились к формированиям, приближённым к императорскому двору, это, соответственно, отразилось на особенности их комплектования, вооружения, снабжения и боевой подготовки. Гвардейские части обладали такими частными привилегированными традициями, как расположение в столичных гарнизонах, на достойных постоялых дворах, привлечение к торжественным императорским церемониям, облачение в самое новое и расшитое обмундирование, обладание льготами по службе и при выходе в отставку. Младшие гвардейские чины имели

Парад лейб-гвардии Павловского полка на Марсовом поле
1830 г.
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

привилегированный статус при переводе в армейские подразделения, а гвардейские офицеры всегда оставались ценными кандидатами на важные государственные должности[28]. Позиции человека в правительстве и при дворе во многом определялись его связями в гвардейском корпусе, высокая должность в столичном гарнизоне автоматически гарантировала вхождение в «великосветское общество».

Сохранению исторической памяти о воинских частях Российской Императорской армии, их заслугах и подвигах способствуют не только раритетные реликвии, литературные фолианты, музейные экспонаты и величественные монументы, но и войсковые традиции и ритуалы, которые передаются от поколения к поколению и заставляют задуматься о мотивах их возникновения.

Примечания

[1] *Беловинский Л.В.* Истории полков русской армии // Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 88—90; *Лютов С.Н.* Военная книга в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2003.

[2] *Козюренок К.Л.* Полковые истории русской армии: библиография // Библиография. URL: http://chigirin.narod.ru/ppolkov.html.

[3] *Цветков В.* Военное духовенство в русской армии: служба и служение // URL: https://rusk.ru/st.php?idar=47821/J.

[4] *Шенк В.К.* Императорская Гвардия: справочная книжка Императорской Главной Квартиры. 2-е изд. СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1910. С. 19—24.

[5] *Трубецкой В.* Записки кирасира. М., 1991. С. 105.

[6] *Гейно фон Базедов*. Путевые впечатления о военной России // Военный сборник. 1911. № 10. С. 177, 178.

[7] *Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. М., 1948. С. 340.

[8] *Азанчевский М.П.* История Преображенского полка. М., 1859. С. 118—120.

[9] *Трубецкой В.* Указ. соч. М., 1991. С. 15.

[10] *Чичерин А.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883. Т. 1. СПб., 1883. С. 278.

[11] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары. М., 1926. С. 112.

[12] *Дирин П.П.* Краткая история лейб-гвардии Семёновского полка. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1983. С. 1.

[13] *Ракинт В.А.* Исторический очерк столетней службы и быта гренадерских сапер и их предшественников-пионер, 1797—1897. СПб.: Тип. и лит. А.В. Тиханова, 1898. С. I.

[14] *Гоувальт О.Х.* История лейб-гвардии Павловского полка. 1726—1850. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1852. 298 с.; *Соседко Ф.Д.* История 72-го Пехотного Тульского полка. 1769—1901 г. Варшава: Тип. «Земледельческой газеты», 1901. 634 с.

[15] *Хлебников Б.В.* История 32-го Драгунского Чугуевского Её Величества полка (1613—1893). СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонского, 1893. 212 с.

[16] *Карцов П.П.* История Лейб-гвардии Семеновского полка. 1683—1854. Ч. 1—2. СПб., 1855. С. 118—120.

[17] *Чичерин А.* Указ. соч. Т. 1. С. 160—168.

[18] *Он же.* История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683—1883. Т. 2. СПб., 1883. С. 34—37.

[19] Там же. С. 75—79.

[20] Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Ч. 14. СПб.: Военная типография, 1859. С. 10.

[21] *Шенк В.К.* Указ. соч. С. 19—24, 27.

[22] Там же. С. 19—24, 60.

[23] *Гусаров А.Ю.* Памятники воинской славы Петербурга. СПб.: Паритет, 2010. С. 68.

[24] Там же. С. 38, 40.

[25] Там же. С.113, 115.

[26] *Кузнецов А.М.* Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 57—78.

[27] *Якупов И.А.* Музеи войсковых частей и полков русской императорской армии. Конец XIX — начало XX вв. (разбор состава и экспозиции) // Военная история России XIX—XX веков: материалы XIII международной военно-исторической конференции. СПб., 2020. С. 159.

[28] *Андриайнен С.В.* Российская императорская гвардия в конце XVII — первой половине XIX вв.: основные вехи истории. СПб., 2020. С. 32—39.

P.V. Chernov, S.Yu. Okunev

«IN THE REGIMENTAL RANKS, THE REGIMENTAL COLOR WAS MET WITH SPECIAL MUSIC...»

Specifics of the emergence and development of military traditions of the Russian army

Information about authors. *Pavel Chernov — lecturer of the Department of Operational Art and Tactics at the Mozhaysky Military Space Academy, lieutenant colonel (St. Petersburg. E-mail: pvl1977@yandex.ru);*

Sergey Okunev — assistant professor of the Department of Operational Art and Tactics at the Mozhaysky Military Space Academy, colonel, Cand. Sc. (Hist.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: vka@mil.ru).

Summary. *The paper provides examples from historical forms of military units, conclusions, and the author's justification of the extensive coverage of the best regimental traditions in the public life of the Russian Empire. In particular, it reveals the peculiarities of the developed private military traditions of the regiments founded by Peter the Great and the influence of their privileges on the status of a serviceman. Based on the analysis of archival documents, the author investigates cause-and-effect relations and the totality of historical events which contributed to the consolidation and popularization of the best traditions in the guard units and Russian society in general.*

Keywords: *regimental histories; Guard corps; regimental traditions; private traditions; patronage; regimental privilege.*

С.Н. Третьякова

«ВСЕ ВАШЕ ВРЕМЯ И ВСЕ ВАШИ СРЕДСТВА ДОЛЖНЫ ПРИНАДЛЕЖАТЬ СЛУЖБЕ»

О жизни и деятельности вице-адмирала Российского императорского флота князя Л.А. Ухтомского

Сведения об авторе. *Третьякова Светлана Николаевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского арктического центра МО РФ, кандидат исторических наук (г. Северодвинск Архангельской обл. E-mail: swetsn@mail.ru).*

Аннотация. *На основе архивных данных, дневников и материалов официального характера показан жизненный путь князя Л.А. Ухтомского (1829—1909), вице-адмирала в отставке. Рассмотрено становление молодого морского офицера, которое пришлось на годы накануне и в ходе Крымской войны 1853—1886 гг., влияние на него П.С. Нахимова. Основное внимание уделено архангельскому периоду. Архангельский порт во второй половине XIX века лишили военного значения, но он по-прежнему был важен для экономического развития северного края. Отмечены усилия Ухтомского по организации гидрографических исследований в полярных морях. Длительное пребывание на должности командира Архангельского порта дало возможность Ухтомскому узнать и полюбить Русский Север. Выполнение прямых обязанностей он сочетал с общественной и литературной деятельностью, проявлял интерес к научным исследованиям, занимался благотворительностью.*

Ключевые слова: *Л.А. Ухтомский; Российский императорский флот; военно-морская служба; П.С. Нахимов; оборона Севастополя; Архангельск; Архангельский порт; Белое море; гидрографические исследования.*

Личность и деятельность вице-адмирала Л.А. Ухтомского, посвятившего военно-морской службе большую часть своей жизни, практически обойдены вниманием исследователей, за исключением нескольких небольших по объёму работ и справочных изданий[1].

Леонид Алексеевич родился 3 октября* 1829 года в Вяземском уезде Смоленской губернии, хотя в большинстве публикаций ошибочно указаны дата 30 октября, а место рождения — Юхновский уезд Смоленской губернии. Подтверждением служит свидетельство о рождении, которое было подано для поступления Леонида в Морской корпус, оформленное по метрическим книгам села Косткина Вяземского уезда. В нём указано, что 3 октября 1829 года в сельце Богдаников у майора князя Алексея Михайловича Ухтомского и его жены Екатерины Петровны родился сын Леонид, крещён 5 числа[2]. Легко предположить, что в результате чьей-то ошибки 3 октября со временем превратилось в 30-е число, но почему появился Юхновский уезд, непонятно.

Интересно, что сам Ухтомский днём своего рождения считал 2 октября, что отмечено в его дневниковых записях за 1851 год[3]. Эту же дату он указал в преддверии ухода на пенсию, на что последовал ответ из Главного морского штаба, что там имеются сведения о дне его рождения — 30 октября, однако он может уволиться 2 октября, если пожелает[4]. Но Ухтомский не стал ничего менять.

Семья принадлежала к старинному княжескому роду[5]. Его отец Алексей Михайлович (1786—?) служил в Белорусском гусарском полку, в 20-х годах XIX века вышел в отставку. О деспотизме матери, которая была подвержена сумасшествию, мучила своё семейство и крестьян, Леонид не мог вспоминать без содрогания. Отец, наоборот, был добрым, благородным, мягким, но со своими недостатками. Слабость характера, страсть к картам, упущения в хозяйстве привели к расстройству дел[6]. Добавим, что у Леонида было 4 брата и 4 сестры, однако под-

* Все даты приводятся по старому стилю.

робной информации о них нет, назовём только брата Эспера, который также стал военным моряком[7].

В 1838 году отставной майор А.М. Ухтомский подал прошение императору Николаю I о приёме его сыновей Леонида и Эспера в Морской кадетский корпус. Значилось, что Леониду 9 лет, он обучен Закону Божьему, арифметике, умеет читать и писать по-русски, по-французски и по-немецки. 6-летний Эспер обучен российской грамоте[8]. К прошению были приложены свидетельства о рождении, справки о здоровье детей и наличии у них прививки от оспы, подтверждение их дворянского достоинства. Местом жительства отец указал Вяземский уезд Смоленской губернии, а также то, что он имел 70 душ крестьян. Однако в послужном списке Ухтомского значилось, что он из дворян Калужской губернии. Дело в том, что в 1859 году он вместе с отцом перешёл в калужское дворянство[9].

В январе 1839 года сыновья князя А.М. Ухтомского были утверждены кандидатами на поступление в Морской кадетский корпус. В ответ на запрос от 17 июля того же года сообщалось, что Леонид и Эспер состояли по списку 361-м и 362-м соответственно[10]. Зачислен в Морской корпус Леонид был в 1842 году. По его окончании в 1847 году произведён в мичманы и назначен в 44-й флотский экипаж. Службу он начал на Чёрном море на фрегате «Коварна». Суда Черноморского флота совершали практические плавания, а также несли боевую службу у Кавказского побережья, пресекая попытки турок и англичан подорвать позиции России на Кавказе и Чёрном море. Ухтомский принимал участие в этих ежегодных многомесячных плаваниях, о чём свидетельствуют записи в его послужном списке[11].

Л.А. Ухтомский, вице-адмирал в отставке

В 1848 году отрядом судов командовал контр-адмирал П.С. Нахимов. Это были трудные плавания, но хорошая школа для флота. Как вспоминал Ухтомский, приходилось крейсировать[12] у открытых кавказских берегов и «сторожить военных контрабандистов»[13]. В 1853 году он был произведён в лейтенанты.

Дневниковые записи свидетельствуют о становлении офицера, который не был удовлетворён собой и службой. Его тяготило однообразие жизни, не хватало свободы. Леонид был подвержен романтическим увлечениям, идиллическим мечтам о будущем, ему не чужды были мирские удовольствия. Служба молодому офицеру не нравилась, было даже желание выйти в отставку и уехать в имение. Однако, побывав дома в длительном отпуске, он передумал, боялся, что без дела опустится, что «праздная» деревенская жизнь убьёт его. Постепенно барин-философ превращался в служаку. Во время длительного крейсерства у него появилось желание описать плавание, чтобы дать представление о морской жизни, «где люди совершенно отделены от остального мира». Так началась литературная деятельность Ухтомского, возможно, это был способ самовыражения.

Несомненно, серьёзное влияние на него оказал П.С. Нахимов, к которому Леонид Алексеевич испытывал глубочайшее уважение всю свою жизнь. Ухтомский вспоминал, что Павел Степанович был строг и взыскателен по службе. Во время адмиральского обеда или при других случаях Нахимов объяснял им, молодым офицерам, что требовательность и строгость на службе необходимы, что только так вырабатываются хорошие матросы, что праздность на судне недопустима. И матросы, и офицеры должны быть постоянно заняты, от праздности офицер будет пьянствовать, станет картёжником или развратником. Нахимов поучал, что «все ваше время и все ваши средства должны принадлежать службе», хвалил английских моряков, которые «занимаются своим делом», и ворчал на русских моряков, которые «выйдя из морского корпуса недоучками», морской службой совсем не занимаются, «зная все, кроме этой службы». В то же время флотоводец был очень добр и заботился об офицерах и матросах[14]. Ухтомский многое перенял у Нахимова в своём отношении к службе и подчинённым.

Война окончательно расставила всё на свои места. В период осады Севастополя (13 сентября 1854 — 27 августа 1855 г.) лейтенант Ухтомский значительное время провёл на Малаховом кургане, среди его защитников, в составе 44-го флотского экипажа. 27 апреля 1855 года был назначен старшим адъютантом

штаба командира Севастопольского порта. Должность командира порта и военного губернатора Севастополя в то время занимал адмирал П.С. Нахимов. 28 июня 1855 года адмирал был смертельно ранен на Малаховом кургане. Трудно сказать, был ли Ухтомский рядом с Нахимовым в тот момент, хотя и описал в дневнике это трагическое событие. Большую часть следующего дня (29 июня) он провёл у постели раненого. Адмирал скончался 30 июня. Его смерть стала несчастьем для всех. Записи в дневнике Ухтомского полны скорби, П.С. Нахимова он назвал «народным героем, первым после Суворова», величайшим из современников, который своей службой Отечеству заслужил всеобщую любовь и уважение[15].

О себе на войне Ухтомский практически не пишет, он никогда не считал себя героем. Но место нахождения, Малахов курган, контузия в голову, а также многочисленные награды говорят сами за себя. 26 ноября 1854 года лейтенант Ухтомский был награждён орденом Св. Владимира 4 степени с бантом «за отличное мужество и храбрость, оказанную при бомбардировании г. Севастополя Англо-Французами»[16]. 2 июля 1855 года «за отличие оказанное при втором усиленном бомбардировании неприятелем Севастополя» старший адъютант командира Севастопольского порта Ухтомский был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость»[17]. 16 января 1856 года офицер удостоился ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами «за отличия при защите Севастополя»[18]. Кроме того, как и остальные защитники этого города, он получил годовой оклад жалованья, стал обладателем серебряной медали на Георгиевской ленте за защиту Севастополя и бронзовой медали в память войны 1853—1856 гг.

Несмотря на долгую последующую службу, имя Л.А. Ухтомского часто связывали именно с обороной Севастополя. Да и сам он считал, что всему хорошему в себе обязан Севастополю и своим сослуживцам, любил этот город своей молодости и хранил память о нём[19].

После падения Севастополя центр черноморских сил переместился в Николаев. Была введена должность заведующего морской частью в Николаеве и Николаевского военного губернатора. Первым эту должность занял вице-адмирал Н.Ф. Метлин, активный участник Севастопольской обороны[20]. В то время Ухтомский совершил несколько служебных поездок на военные заводы, в разорённый Севастополь и другие крымские поселения, пока там ещё находились англичане и французы. В ноябре 1856 года

Фрагмент панорамы «Оборона Севастополя 1854—1855 гг.»
Художник Ф. Рубо

его назначили старшим адъютантом штаба заведующего морской частью в Николаеве, в 1857 году — командиром яхты «Аю-даг», в 1858 году — командиром парохода «Ординарец».

В 1861 году Ухтомский был переведён на Балтику, где командовал винтовыми лодками «Лук» (1861) и «Секира» (1862), пароходами «Лоцман» (1863) и «Фонтанка» (1863), броненосной лодкой «Стрелец» (1863—1866)[21]. В 1862 году произведён в капитан-лейтенанты.

В 1866—1869 гг. капитан-лейтенант Ухтомский возглавлял Астрабадскую морскую станцию[22]. Условия службы на станции были нелёгкие. Позже Леонид Алексеевич вспоминал, что вследствие «многих лишений и недостатков», расстроив здоровье, должен был уехать оттуда. Когда он вновь оказался на Каспии в должности командира Бакинского порта, то принял меры, чтобы улучшить условия проживания постовой команды на станции и снабжение её пресной водой[23]. 16 апреля 1867 года Ухтомскому было объявлено монаршее благоволение за «благоразумные распоряжения по освобождению двух матросов, находившихся в плену у туркмен с 1859 года»[24]. В 1869 году он стал капитаном 2 ранга.

Военную службу князь Ухтомский успешно совмещал с литературной и исследовательской деятельностью. В течение двух десятилетий он был постоянным автором «Морского сборника» (неофициальной части), в основном печатал свои путевые наблюдения, сделанные в ходе служебных поездок. Поэтому помимо сведений географического и этнографического характера они в какой-то мере дают представление и о его службе[25].

За изучение рек Дунай, Волга, юго-восточного побережья Каспия, а также Финляндии в 1870 году Ухтомский был выбран действительным членом Императорского Русского географического общества[26]. В том же году он вошёл в состав Мариинского комитета, созданного для обсуждения и проектирования мер к улучшению Мариинской водной системы.

Новый этап службы и жизни связан с назначением 12 апреля 1871 года капитана 2 ранга Л.А. Ухтомского командиром Архангельского порта. 1 января 1872 года он был произведён в капитаны 1 ранга. В 1875 году командир Архангельского порта стал и директором маяков и лоции Белого моря.

Ухтомский посетил Архангельск в первый раз в 1863 году. Впечатление от города у князя осталось приятное. По его словам, он увидел много нового и любопытного и был уверен, что, несмотря на суровый климат, северному краю предстоит блестящая будущность[27]. И вряд ли Леонид Алексеевич тогда мог предположить, что с Севером будет связана немалая часть его жизни.

Вступил в управление вверенным ему портом Л.А. Ухтомский 3 июля 1871 года. Задержка произошла в связи с его назначением в состав Комиссии для рассмотрения вопроса о развитии торгового мореплавания и морских промыслов на Белом море и в Ледовитом океане. Считая это назначение весьма важным для «лучшего уразумения» своей деятельности как командира порта, Ухтомский просил отсрочить его отправление в Архангельск[28].

Когда Ухтомский был переведён на Север, Архангельский порт переживал не лучшие времена. В 1862 году были упразднены Соломбальское адмиралтейство и военный порт. Ещё в первый свой приезд он видел, как Соломбала (островная часть Архангельска. — **Прим. авт.**), где располагались адмиралтейство, военная гавань, морские казармы и другие здания морского ведомства, опустела, большая часть домов была необитаема[29]. По положению 1867 года Архангельский порт был отнесён к портам второго разряда (наряду со Свеаборгом, Ревелем, Баку и Николаевском-на-Амуре). Его лишили военного значения и ориентировали на обеспечение экономического развития края и безопасного мореплавания, основное — это обслуживание маяков и проведение гидрографических работ.

Для этого в распоряжении Ухтомского были деревянная винтовая шхуна «Полярная звезда» (1862 г. постройки), винтовая шхуна «Самоед» (1870) и винтовой железный баркас «Кузнечиха» (1871). В 1876 году шхуну «Самоед» заменила винтовая железная шхуна «Бакан» (1857). Командир порта сам каждый год выходил в море на одной из шхун для осмотра маяков.

Плавание в 1870 году по Ледовитому океану эскадры вице-адмирала К.Н. Посьета[30] и активная позиция начальника Архангельской губернии Н.А. Качалова дали толчок к оживлению мореходства на Севере. Н.А. Качалов обратился в разные министерства с предложениями, среди которых — устройство новых маяков, улучшение лоцманской части, гидрографическая опись северных побережий; назначение по примеру Норвегии военного судна с мировым судьёй на борту для поддержания порядка на Мурмане; для развития северного мореплавания и торговли необходимо было создание порта на мурманском берегу[31]. Конечно, для реализации этого требовалось и время, и, в первую очередь, финансы.

В 1872 году на шхуне «Полярная звезда» под командо-

ванием Ухтомского в плавание вдоль Мурманского побережья отправилась комиссия, имевшая целью выбор удобного места для основания коммерческого порта на Мурмане. Комиссия состояла из представителей разных министерств, морское ведомство представлял сам Л.А. Ухтомский. Для будущего порта выбрали о. Кильдин, но порт так и не был построен. Это плавание носило служебный характер, но дало возможность Леониду Алексеевичу ознакомиться с жизнью края[32].

Ещё осенью 1871 года Ухтомский разработал программу гидрографических работ на следующий год с участием портовых шхун, которая включала исследования Онежского залива, устья р. Печоры, Мурманского берега и частично опись Новой Земли. Но Морским министерством она не была принята. Гидрографический департамент Морского министерства, сознавая «необходимость производства правильной гидрографической описи Белого моря и северного нашего побережья», аргументировал, что сначала следует завершить гидрографические исследования в Каспийском, Чёрном и Балтийском морях[33]. Поэтому, как и прежде, ограничивались промерами судоходных устьев Северной Двины.

В 1880—1881 гг. Л. Ухтомский вновь вернулся к вопросу организации «более полного обследования полярных берегов и вод» и создания в Архангельске особой гидрографической экспедиции для исследования Белого моря, особенно Онежского залива, где была сосредоточена основная часть коммерческого флота. В записке он обратил внимание на неудовлетворительное состояние карт Белого моря, отметил несовершенство труда М.Ф. Рейнеке[34], единственного к тому времени руководства для плавания в регионе. И считал необходимым сформировать хотя бы небольшую экспедицию, чтобы начать постепенное исправление карт Белого моря для обеспечения безопасного плавания, а Архангельский порт мог бы оказать содействие такой экспедиции, временно предоставив в её распоряжение одну из портовых шхун и некоторые инструменты. Он указывал на выгоды географического положения Белого моря (единственного открытого моря европейской части России, которое принадлежало всецело России) и не сомневался, что «Белое море, обширные берега Северного океана и Новой Земли должны ожидать в будущем серьезного значения в разных отношениях»[35].

Усилия Ухтомского не пропали даром: в 1884 году Морское министерство признало своевременным приступить к систематическому исследованию Белого моря[36]. Были проведены подготовительные работы, и в 1887 году сформирована Отдельная съёмка Белого моря.

В Соломбальской гавани

Отметим заботу командира порта о местном Соломбальском морском собрании, его внимание к досугу офицеров, что было особенно важно в городе, удалённом от столиц. Ухтомский считал, что собрания должны иметь по преимуществу семейный характер, делал акцент на «приятном и полезном времяпрепровождении». Например, чтобы в собраниях устраивались чтения литературных произведений. Леонид Алексеевич поддержал проведение публичных научных лекций, когда в 1884 году проявили инициативу некоторые члены клуба. В письме председателю учёного отделения Морского технического комитета Ф.Ф. Веселаго[37], который заинтересовался информацией об этих лекциях, он сообщил, что «столь необычное для Архангельска явление, как публичные чтения г.г. офицеров порта… побуждает желать их продолжения», и высказал мнение, что лекторы-офицеры могли бы проводить популярные чтения для нижних чинов флотской роты[38].

Ухтомский активно занимался общественной деятельностью. Его имя неразрывно связано с созданием в 1872 году Архангельского окружного общества подания помощи при кораблекрушениях (с 1880 г. оно стало называться Обществом спасания на водах. — **Прим. авт.**), председателем которого он был все годы пребывания на посту командира порта. Для пропаганды «благородного дела спасения» проводились различные благотворительные мероприятия (спектакли, танцевальные вечера и маскарады, лотереи, катания на катке и с горок в зимнее время), которые устраивались, как правило, при Соломбальском морском собрании. Леонид Алексеевич не жалел личных средств, внеся в кассу общества 500 рублей в виде единовременного пожертвования (его содержание как командира порта составляло 4000 рублей в год), что давало право на ношение серебряного знака общества.

Он был членом местного отделения Общества для содействия русскому торговому мореходству, Архангельского губернского статистического комитета, местного Управления общества попечения о раненых и больных, Архангельского губернского комитета Общества попечения о тюрьмах и др. Благотворительность была неотъемлемой частью жизни Леонида Алексеевича.

Жизнь поморского населения, промыслы, природа нашли отражение в новых сочинениях Ухтомского. Наибольший интерес представляет книга о Новой Земле, где он смог побывать во время служебного плавания летом 1879 года[39]. Хотя произведение имеет подзаголовок «Этнографический этюд», но его содержание гораздо шире. Помимо рассказа о поморских промыслах и быте местных поселенцев — самоедов (ненцев) автор демонстрирует познания в геологии, метеорологии, зоологии и других научных областях.

Интерес к северной природе проявился в создании при управлении порта небольшого морского музея[40], пополнение экспонатами которого происходило после служебных плаваний. Заметим, что в своё время капитан-лейтенант Л. Ухтомский участвовал в воссоздании центрального Морского музея в Петербурге[41]. С готовностью командир порта оказывал содействие научным экспедициям[42]. Приучал к этому и своих подчинённых. В инструкциях командирам шхун предписывалось «без ущерба прямому исполнению шхуной ее назначения» собирать сведения о морских промыслах, производить наблюдения над течением моря, движением льдов, состоянием температуры воды и т.п.

В мае 1885 года контр-адмирал Ухтомский (это звание он получил в 1883 г.) был назначен командиром Бакинского порта, в 1886 году — одновременно и директором маяков и лоции Каспийского моря. Перевод на новое (и последнее) место службы, вероятно, был связан с изменением в управлении морским ведомством.

Особое совещание 1881 года пришло к мнению, что в обозримой перспективе вряд ли будет необходимость держать на Севере значительные силы флота на постоянной или временной основе[43]. Как результат, по положению 1885 года в Архангельске осталась только дирекция маяков и лоции Белого моря[44]. В 1887 году была расформирована архангельская флотская рота, шхуна «Полярная звезда» списана, а для «случайных надобностей» оставлена шхуна «Бакан». Как видим, военно-морское присутствие России на Севере продолжало сокращаться.

Так сложилось, что Леонид Алексеевич Ухтомский стал фактически последним командиром Архангельского порта[45]. 14 лет он занимал эту должность. По его словам, такое долгое пребывание на Севере сроднило его с людьми Севера и его природой[46]. На наш взгляд, размеренная жизнь в северной провинции, где морская служба тесно переплетена с жизнью поморского населения, очень подходила Ухтомскому.

В 1889 году Л.А. Ухтомский в связи с достижением 60-летнего возраста согласно Положению о морском цензе вышел в отставку в звании вице-адмирала с правом ношения военной формы и назначением ему пенсии. К этому времени его стаж насчитывал 44 года дей-

ствительной службы без учёта военного времени. За свою усердную службу Отечеству он был не раз отмечен, помимо наград за защиту Севастополя, орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени с короною, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 2-й степени с короною, Св. Станислава 1-й степени, а также иностранными — персидскими орденами Льва и Солнца 2-й степени со звездою и Льва и Солнца 1-й степени, шведским Командорским крестом 2 класса ордена Св. Олафа.

После выхода в отставку какое-то время Ухтомский проживал в Николаеве, затем поселился в Смоленске. Тогда он и познакомился с Александром Владимировичем Жиркевичем[47], приехавшим в Смоленск на службу в 1903 году. Он подружился с его радушной семьёй, часто бывал у него дома. Особенно Жиркевич ценил душевные качества Ухтомского, сохранившего до конца жизни «свежесть души, ясность ума, теплую веру в Бога. Безукоризненно-честный, идеально-благородный, скромный до детской застенчивости, всегда готовый помочь ближнему, рыцарь данного слова...». В «смутное время» революционных потрясений вице-адмирал в отставке князь Ухтомский был в представлении Жиркевича олицетворением славного прошлого русского флота, в котором можно почерпнуть «терпение, веру и надежды на будущее»[48].

Леонид Алексеевич был женат три раза. Первая жена Екатерина Павловна Соломирская (1839—1858) умерла после родов, второй была Елена Михайловна Ралли (1850—1883). В июле 1883 года он вступил в брак с Елизаветой Модестовной Кониар, дочерью бывшего архангельского губернатора М.М. Кониара. По словам Жиркевича, в живых у него остались дочь от второго брака, сын и две дочери от третьего. Видимо, речь шла о дочери Елене (1871 г. рождения), сыне Владимире (1888 г.), дочерях Тамаре (1890 г.) и Марии (1893 г.).

Леонид Алексеевич Ухтомский скончался 29 ноября 1909 года в возрасте 80 лет. Тело было предано земле с воинскими почестями на Тихвинском кладбище[49].

Данью памяти Л.А. Ухтомского можно считать публикацию его записок в журнале «Русская старина», осуществлённую А.В. Жиркевичем, которому князь подарил уцелевшую часть своего архива (дневники молодости). Не все тетрадки сохранились, не всё Жиркевичем было напечатано. По словам Ухтомского, свои севастопольские дневники он отправил в редакцию «Морского сборника», где они пропали. Мемуары о Черноморском флоте, Севастополе и Нахимове, подготовленные им в 1902 году к 100-летию со дня рождения адмирала, тогда также не были напечатаны, остались черновики[50]. Вероятно, рукопись именно этих воспоминаний хранится в РГА ВМФ[51], т.к. в основном совпадает с текстом, опубликованным в «Русской старине». Частично его воспоминания приведены в сборнике, посвящённом прославленному адмиралу[52].

В заключение хочется сказать: военно-морская карьера князя Леонида Алексеевича Ухтомского включала длительные морские плавания, боевой опыт Крымской войны, командование кораблями, административную работу. Не все эпизоды его богатой и долгой служебной биографии известны подробно. Отметим не только добросовестное отношение к выполнению своих прямых обязанностей, но и его заботу о подчинённых, неравнодушное отношение к жизни местного населения. Он был моряком, исследователем, литератором, общественным деятелем. Служба Отечеству во всех её проявлениях стала основой его жизни.

Примечания

[1] Общий морской список. Ч. XII. Царствование Николая I. Т — Ю. СПб., 1900. С. 135—137; *Рерберг П.Ф.* «Севастопольцы»: участники 11-ти месячной обороны Севастополя в 1854—1855 годах в 3 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 33; Старший адъютант штаба П.С. Нахимова князь Л.А. Ухтомский // Смоляне в истории российского флота. Смоленск, 2000. С. 97—99; *Манвелов Н.* Последние командиры Архангельского военного порта // Архангельская старина. 2013. № 2. С. 47, 48; *Манвелов Н.В., Гостев И.М.* Архангельск в судьбах офицеров и адмиралов Российского императорского флота 1850—1917: биографический справочник. Архангельск: [б.и.], 2020. С. 424, 425.

[2] Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 4142. Л. 8.

[3] Из архива князя Л.А. Ухтомского. Сооб. А.В. Жиркевич // Русская старина. 1911. Т. 146. Кн. 4. С. 109.

[4] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4686. Л. 41, 45—47.

[5] Князья Ухтомские были представителями старинного княжеского рода, происходившего от Рюриковичей, являлись младшей ветвью удельных князей белозерских, родоначальник которых князь Иван Иванович в XV в. получил в удел Ухтомскую волость на р. Ухтоме. После утраты удела относились к кругу средних служилых землевладельцев. См.: Генеограф (http://rurik.hostenko.com/2019/12/06/uhtomski).

[6] Из архива князя Л.А. Ухтомского. Т. 147. Кн. 9. С. 403—405.

[7] **Ухтомский Эспер Алексеевич** (1834—1885) — морской офицер, участник обороны Севастополя, адъютант генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, помощник морского агента в Австрии и Италии, капитан 1 ранга (1870).

[8] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 4142. Л. 1.

[9] Калужская губерния. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу по 1-е Октября 1908 г. Калуга, 1908. С. 176.

[10] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 6. Д. 30. Л. 31.

[11] Государственный архив Архангельской области (ГА АО). Ф. 12. Оп. 2. Д. 509. Л. 10, 10 об. (Послужной список капитана 1 ранга князя Ухтомского. Копия).

[12] Крейсерство (крейсирование) — морское плавание отдельного судна или эскадры в определённом районе с целью разведки, охраны берегов или коммуникаций, нападения на неприятельские суда и т.п.

[13] Из архива князя Л.А. Ухтомского. Т. 148. Кн. 10. С. 168.

[14] Там же. С. 171—174; Кн. 11. С. 354, 355.

[15] *П.С. Нахимов.* Документы и материалы. Т. 2. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. С. 236, 237.

[16] РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 108. Л. 114. По указу Александра II от 5 августа 1855 г. ко всем орденам, «жалуемым за военные подвиги противу неприятеля» были присоединены мечи. Всем кавалерам, получившим ордена за военные подвиги ранее, предоставлялось право присоединить к имевшимся у них орденам мечи.

[17] Морской сборник. 1855. № 7. С. IX.

[18] Там же. 1856. № 3. С. CLII.

[19] Из архива князя Л.А. Ухтомского. Т. 148. Кн. 10. С. 160.

[20] *Коваленко В.В.* От Парижского трактата до Лондонской конвенции: Черноморская флотилия в 1856—1870 годах // Парадигмы исторического и общественного развития. Вып. 10. 2018. С. 32.

[21] ГА АО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 509. Л. 4 об.—5 об.

[22] Астрабадская морская станция находилась на территории Персии, на о. Ашур-Ада в Астрабадском заливе Каспийского моря, основана в 1842 г. в соответствии с Туркманчайским договором 1828 г. Станция осуществляла охрану русских торговых морских коммуникаций в южной части Каспия.

[23] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 4686. Л. 41—42.

[24] Морской сборник. 1867. № 5. С. 4.

[25] Переход на купеческом бриге (извлечено из записок Л-та К.Л.У.) // Морской сборник. 1854. № 9. С. 77—90; *Ухтомский Л.* Несколько дней на заводах г. Мальцова // Там же. 1857. № 12. С. 275—285; *он же.* Очерки Дуная // Там же. 1861. № 6. С. 341—383; № 7. С. 123—157; *он же.* Саймонский пролив и озеро Сайло (из практического плавания в финляндских шхерах в навигацию 1861 г.) // Там же. 1862. № 7. С. 92—108; *он же.* От Петербурга до Астрахани (из дневника в навигацию 1862 г.) // Там же. 1863. № 8. С. 361—428; № 9. С. 35—100; *он же.* Поездка речным путем от Петербурга до Архангельска в навигацию 1863 г. // Там же. 1865. № 7. С. 1—18; № 8. С. 161—184; *он же.* Устья р. Волги и Каспийское море // Там же. 1870. № 6. С. 41—94.

[26] Известия Императорского Русского Географического общества. Т. 6. СПб., 1870. С. 116.

[27] *Ухтомский Л.* Поездка речным путем от Петербурга до Архангельска в навигацию 1863 г. // Морской сборник. 1865. № 8. С. 183.

[28] РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 4375. Л. 12, 12 об., 47.

[29] *Ухтомский Л.* Поездка речным путем от Петербурга до Архангельска в навигацию 1863 г. // Морской сборник. 1865. № 8. С. 177.

[30] Рапорт генерал-адъютанта, вице-адмирала Посьета Его Императорскому Высочеству Генерал-Адмиралу // Морской сборник. 1871. № 2. С. 1—29; См.: *Шрадер Т.А.* Северный поход 1870 г. и его значение для Севера России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы VI научной конференции. СПб.: РХГИ, 2005. С. 114—125.

[31] ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 1235. Л. 7—18 об.

[32] *Ухтомский Л.* Путевые заметки при обзоре состояния мурманских рыболовных промыслов // Морской сборник. 1874. № 8. С. 113—124; № 9. С. 82—121.

[33] РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 2963. Л. 43.

[34] **Рейнеке Михаил Францевич** (1801—1859) — известный учёный-гидрограф, вице-адмирал. В 1826 г. в чине лейтенанта возглавил экспедицию по описи Лапландского берега (Кольский полуостров), в 1827—1832 гг. был руководителем Беломорской экспедиции. Автор «Атласа Белого моря и Лапландского берега» (1833) и «Гидрографического описания Северного берега России» в 2 т.: «Лапландский берег» (1843) и «Белое море» (1850).

[35] РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 3517. Л. 10—18 об.

[36] Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. Ледовитый океан. Белое море. СПб., 1896. С. 71.

[37] **Веселаго Феодосий Фёдорович** (1817—1895) — историк Военно-морского флота, генерал корпуса флотских штурманов. В 1881 г. назначен директором Гидрографического департамента Морского министерства. Одновременно стал председателем учёного отделения Морского технического комитета и Комитета морских учебных заведений.

[38] РГА ВМФ. Ф. 910. Оп. 1. Д. 71. Л. 3, 3 об.

[39] *Ухтомский Л.* Новая Земля: этнографический этюд. СПб., 1883. 109 с.

[40] ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2734. Л. 1.

[41] *Огородников С.Ф.* Модель-камера, впоследствии Морской музей имени Петра Великого: исторический очерк 1709—1909. СПб., 1909. С. 43.

[42] Подробнее см.: *Третьякова С.Н.* Архангельский период князя Л.А. Ухтомского // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сборник научных статей. Вып. 9. Архангельск: Кира, 2021. С. 271—277.

[43] *Монаков М.С., Родионов Б.И.* История российского флота в свете мировой политики и экономики. X—XIX вв. М.: Кучково поле, 2006. С. 694.

[44] Положение об управлении морским ведомством. 3 июня 1885 г. // ПСЗ РИ. Собрание III. Т. V. Ст. 3023.

[45] В 1904 г. в Архангельске был восстановлен торговый порт, а с началом Первой мировой войны и военный порт.

[46] Из архива князя Л.А. Ухтомского. Т. 145. Кн. 3. С. 584.

[47] **Жиркевич Александр Владимирович** (1857—1927) — военный юрист и литератор, коллекционер и общественный деятель. См.: Наследие А.В. Жиркевича (http://nasledie-zhirkevich.ru).

[48] См.: Из архива князя Л.А. Ухтомского. Т. 145. Кн. 1. С. 198—202; 1912. Т. 149. С. 370, 371.

[49] Кн. Л.А. Ухтомский // Смоленский вестник. 1909. 3 декабря. № 267. С. 2.

[50] Из архива князя Л.А. Ухтомского. Т. 145. Кн. 3. С. 580; Т. 148. Кн. 10. С. 159, 160.

[51] РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1875 (Воспоминания Ухтомского о П.С. Нахимове). Добавим, что в Российском государственном военно-историческом архиве также есть фонд Л.А. Ухтомского (Ф. 174).

[52] *П.С. Нахимов.* Документы и материалы. Т. 2. С. 233—237, 298—306.

S.N. Tretyakova

«ALL YOUR TIME AND ALL YOUR MEANS SHOULD BELONG TO THE SERVICE»

Life and deeds of Vice-Admiral of the Russian Imperial Navy Prince L.A. Ukhtomsky

Information about author. *Svetlana Tretyakova — senior researcher at the Arctic Research Center of the Russian Ministry of Defense, Cand. Sc. (Hist.) (city of Severodvinsk, Arkhangelsk Region. E-mail: swetsn@mail.ru).*

Summary. *Based on archival data, diaries, and official materials, the paper shows the life journey of Prince L.A. Ukhtomsky (1829—1909), a retired vice-admiral. The author examines the development of the young naval officer, which took place on the eve and during the Crimean War of 1853—1886, as well as the influence of P.S. Nakhimov. The main attention is paid to the Arkhangelsk period. The port of Arkhangelsk lost its military significance in the second half of the 19th century, but was still important for the economic development of the northern region. Ukhtomsky's efforts in organizing hydrographic research in the polar seas are noted. A long tenure as commander of the port of Arkhangelsk gave Ukhtomsky an opportunity to get to know and love the Russian North. He combined the performance of his direct duties with social and literary activities, was interested in scientific research and engaged in charity.*

Keywords: *L.A. Ukhtomsky; Russian Imperial Navy; naval service; P.S. Nakhimov; defense of Sevastopol; Arkhangelsk; Port of Arkhangelsk; White Sea; hydrographic research.*

А.В. Краморенко

В ТОЧКУ ПОСЛЕДНЕЙ СТОЯНКИ

История экспедиции по переводу опытового судна «Кит» к месту утилизации

Сведения об авторе. *Краморенко Андрей Вячеславович — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела подъёма затонувших объектов НИИ спасания и подводных технологий ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», капитан 1 ранга запаса, доктор технических наук (Санкт-Петербург. E-mail: kramorenko09@mail.ru).*

Аннотация. *В статье рассмотрен вопрос о необходимости сохранения морской экологической обстановки, а также исторического наследия об участии военного и гражданского флота России в экологических операциях. В частности, речь идёт о сборе достоверной информации об объектах, затопленных в Арктике, на примере опытового судна «Кит», которое в силу обстоятельств из морского судна со временем превратилось в безымянную груду ржавого металла. Статья написана непосредственным участником утилизационных работ на основе документов и личных дневниковых записей.*

Ключевые слова: *Арктика; Ладога; судоподъём; транспортировка; транспортный плавучий док; объект морского исторического наследия; «Кит».*

Сохранение морского исторического наследия России предполагает наличие полной и достоверной информации о кораблях и судах Военно-морского флота на всех этапах их жизненного цикла. При отсутствии такой информации можно встретить следующие строки, взятые из отчёта о работе экспедиционного отряда, исследовавшего в Арктике затонувшие корабли, представляющие историческую ценность: «08, 09 и 21, 22 июля 2018 года были выполнены работы по осмотру, исследованию, фотофиксации и сбору экспонатов с останков эсминца “Гремящий” и неизвестного корабля в точке с координатами Ш = 70°44,0′N, Д = 54°42,7′E… Неизвестный корабль лежит на грунте, на левом боку с креном 20—30° на глубине 5—7 метров, палуба сильно погружена в воду, выйти на палубу практически невозможно, носовая часть отделена водой от основного корпуса. Вокруг него четыре шварговные бочки. На рубке иллюминаторы отсутствуют, заварены. В средней части три торпедных аппарата. Сильно коррозийный, в корме находится единственное орудие. Снятие экспонатов крайне затруднительно по причине плохого состояния корабля. На борт спасательного буксирного судна (СБС) “СБ-523” сняли шильдик на немецком языке, пару алюминиевых небольших крышек с иллюминаторов (диаметр около 20 см). Произвели радиационное обследование объектов. Радиационный фон в норме, радиационная обстановка нормальная»[1].

При чтении отчёта остаётся только констатировать факт, насколько на самом деле коротка историческая память. Почему «неизвестный корабль»? Неужели не осталось ни одного человека, служившего на спасательном буксирном судне СБ-523, который бы объяснил, что это за корабль, в работах с которым СБ-523 принимало самое активное участие. Корабли и суда не умеют говорить. За них это должны сделать историки или непосредственные участники событий, опираясь на литературные источники и архивные документы.

Упомянутый выше «неизвестный корабль» абсолютно достоверно является опытовым судном «Кит», поднятым на Ладоге в 1991 году и тогда же доставленным на вечную стоянку к берегам архипелага Новая Земля. История его службы и подъёма достаточно полно освещена в литературных источниках — в ленинградской газете «Смена»[2], журналах «Гангут»[3], «Морская коллекция»[4], «Нептун. XXI век»[5], альманахе «Тайфун»[6]. В НИИ спасания и подводных технологий ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» хранятся технический проект подъёма судна[7], отчёт по подъёму[8], а также рабочие материалы — дело, которое вела оперативная служба на командном пункте ВМФ[9]. Все они подробно излагают технологическую составляющую подъёма судна «Кит», но содержат мало информации о его транспортировке по внутренним водным путям к месту вечной стоянки. Предлагаемая статья призвана восполнить этот пробел. В её основу положены дневниковые записи автора[10], непосредственно участвовавшего в судоподъёмных работах в качестве водолазного специалиста и в транспортировке судна в составе аварийно-спасательной партии.

Опытовое судно «Кит» (бывший германский миноносец Т-12 типа 1935, входивший в состав советского Балтийского флота под названием «Подвижный»[11]) стало объектом испытания боевых радиоактивных веществ в 1953—1955 гг.

После завершения испытаний судно затонуло в проливе между островами Макаринсари и Кугрисари Северо-Западного архипелага Ладожского озера, более известного как острова Хейнясенмаа (по названию самого крупного из них). На момент начала работ по подъёму в 1990 году загрязнение судна по β-излучению составляло от 300 до 50 тыс. расп. в мин/см^2. На отдельных локальных участках оно доходило до 4 500 000 расп. в мин/см^2 и было обусловлено в основном радионуклидами стронция-90, в меньшей степени цезием-137 и трансурановыми элементами. Загрязнение было фиксированным и дезактивации не поддавалось[12].

4 апреля 1990 года главнокомандующий ВМФ СССР издал директиву № ДФ-0030 с «Планом по организации работ по ликвидации последствий испытаний на объекте “Кит”». Приказом командира Ленинградской ВМБ от 29 августа 1990 года № 0143 была создана экспедиция по его подъёму. В судоподъёмных работах на Ладоге приняли участие специалисты, плавучие и технические средства Балтийского, Северного, Черноморского флотов, Кронштадтского морского завода и не менее десяти научных организаций, в т.ч. 19 судов, 72 офицера, 15 мичманов, 120 старшин и матросов, 95 рабочих и служащих[13]. Был оборудован манёвренный пункт базирования, применялись два 80-тонных и шесть 200-тонных судоподъёмных понтонов, девять комплектов рейдового оборудования.

Судно «Кит» было поднято с грунта стальными судоподъёмными понтонами и 19 июля 1991 года поставлено в транспортный плавучий док ТПД-9. Начался этап подготовки его к транспортировке по внутренним водным путям и акваториям Белого и Баренцева морей.

Начало транспортировки было назначено на 5 августа. Транспортный док ТПД-9 был переведён от места доковой операции к месту базирования судов экспедиции и установлен на рейдовых бочках метрах в трёхстах от причалов. Параллельно выполнялись работы в доке и сворачивание сил и средств судоподъёма.

Постановка в плавучий док сама по себе являлась уникальной технологической операцией. Доковый набор был собран не на стапеле дока, а внутри металлического поддона, заранее расположенного в доке для сбора вытекавшей из корпуса опытового судна загрязнённой воды[14].

Корпус судна имел многочисленные повреждения и обширные участки сплошной коррозии. Воду, вытекшую из него при постановке в транспортный док во время подъёма, откачали в отсеки технических танкеров ТНТ-25 и МТНТ-603, предназначенных для сбора жидких радиоактивных отходов. Пока эта загрязнённая вода очищалась с помощью ионообменной установки под руководством Героя Советского Союза капитана 1 ранга В.К. Булыгина, внутрь поддона стекала её новая порция. Наличие в ряде отсеков судна нефтепродуктов — отработанных горюче-смазочных материалов (в какой-то период корпусом судна незаконно воспользовались как накопителем льяльных вод) существенно увеличило его опасность для окружающей среды. Вязкая тёмная масса, впитав радионуклиды, заполнила дно поддона. Её пришлось лопатами вычер-

Схема района работ по подъёму опытового судна «Кит»

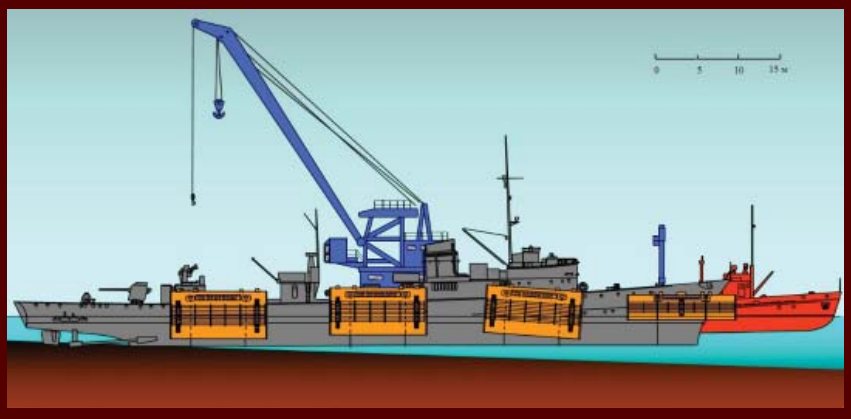


Схема подъёма затонувшего опытового судна «Кит»

Опытовое судно «Кит», поднятое на стальных судоподъёмных понтонах

пывать в пластиковые бочки из-под жидкого защитного состава, которым покрасили поднятое судно, придав ему нарядный ярко-оранжевый цвет и закрыв загрязнённые участки. Дни стояли жаркие. Корпус судна обсох. Были хорошо видны места, где внутри корпуса ещё оставалась вода, эти места выглядели отпотевшими. Тонкий от коррозии корпус пробивали зубилом, выпуская воду. Этой грязной работой, которая обусловливала нахождение в средствах защиты, занимались не только химики под руководством капитана 3 ранга О.Г. Ожгихина, но и такелажники под руководством командиров смен капитанов 3 ранга А.И. Сербулова и С.М. Синякова, а также свободные от подводных работ водолазы.

Крайне слабый корпус судна вызывал опасения относительно возможности его постановки на плав для вывода из дока в конечном пункте транспортировки. Попытка закрыть повреждения привариванием металлических листов, предпринятая доставленной к месту работ бригадой рабочих из Северодвинска, оказалась безуспешной. Сварочный электрод прожигал обшивку насквозь, металл корпуса с треском рассыпался при остывании сварочных швов. Решение было найдено в заклейке мест коррозии стекловолокном с применением двухкомпонентного клеевого состава. Его привезли только вечером 2 августа, за три дня до выхода, так что заклеивать пробоины предстояло прямо во время перехода. Заслугой рабочих-северян стала установка стальных стоек, прочно связавших «Кит» с поддоном. Предполагалось, что судно

будет выведено из дока вместе с ним и встанет в месте утилизации как на постаменте.

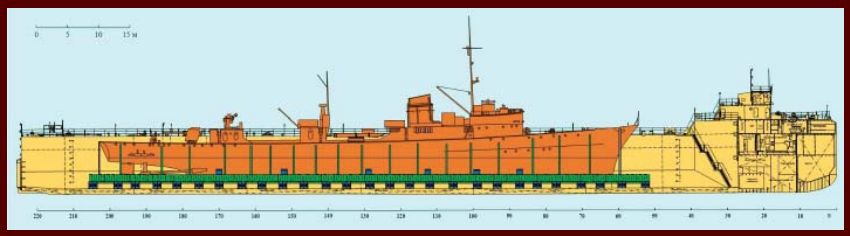
Оставшиеся до выхода дни потратили на наведение порядка в доке. В палубе опытового судна «Кит» сделали вырезы, в которые сбрасывали срезанные выступавшие части, загрязнённые нефтепродуктами и радионуклидами гофрированные шланги и насосы, грязную одежду. Туда же отправились 14 тюков со снятым наплавным заграждением «Рапид», ленты которого имели повышенный уровень радиоактивного загрязнения и были с одной стороны покрыты плёнкой нефтепродуктов, что свидетельствовало о том, что они хорошо справились со своей задачей, защищая акваторию Ладоги. Вес всего, что было сброшено в трюмы, составил без малого 16 т. Жаркая сухая погода способствовала возгораниям при резке судовых конструкций, которые своевременно тушили. На заключительном этапе завели маскировочную сеть, надёжно укрывшую «Кит» от посторонних глаз. Судно ещё 10 дней назад лишилось мачт. Его силуэт изменился неузнаваемо. В завершение над дымовой трубой был закреплён флаг экспедиции, изготовленный из фанеры.

Большой вклад в успешное проведение подготовительных работ внёс заместитель начальника экспедиции капитан 1 ранга В.П. Чистоколов. Участникам экспедиции он запомнился не только умелым руководством, но ещё и игрой на баяне, звуки которого, бывало, мелодично разносились над притихшей вечерней Ладогой.

5 августа 1991 года транспортный плавучий док ТПД-9 под двумя речными буксирами МБ-1209 и «Александр Обухов» на-

Схема маршрута транспортировки опытового судна «Кит» в период с 5 по 17 августа 1991 г.

Транспортный плавучий док ТПД-9 проекта 1753 в акватории Ладожского озера во время подъёма опытового судна «Кит»



Опытовое судно «Кит» в транспортном доке ТПД-9. Графическое изображение выполнено с использованием чертежей дока проекта 1753

чал движение по маршруту транспортировки в сопровождении учебного катера УК-287 с личным составом на борту. Пройдя Ладогу с севера на юг, он безостановочно преодолел против течения реку Свирь и уже утром 7 августа был в Онежском озере. В эти и последующие дни непрерывно шли работы по заклейке повреждений корпуса стеклотканью. Клей неожиданно показал себя очень неплохо. Нужно было только освоить технологию. Поначалу, пока занимались раскройкой стеклоткани, более тяжёлый отвердитель успевал оседать вниз и его концентрация в придонном слое резко увеличилась. Шла такая бурная реакция с выделением тепла, что процесс застывания клея происходил мгновенно. Всё было липкое. Резиновые перчатки не выдерживали и пропускали клей внутрь. После снятия перчаток руки у всех работников были чёрные от прилипшей резины. Отмывать их приходилось с пемзой, буквально сдирая верхний слой кожи.

Постепенно научились клеить. Работали с лесов и козел в страховочных поясах, что позволило избежать травм при падениях. Когда двухкомпонентный клей закончился, герметизацию продолжили обычным однокомпонентным клеем, но он был «твёрдым, как леденец» и не работал. Пришлось применять для заделывания пробоин проверенные со времён ЭПРОНа деревянные клинья и кудель.

На входе в Беломорско-Балтийский канал транспортный док простоял более суток. Вокруг опытового судна «Кит» — море слухов, которые разлетались со скоростью, превышавшей ско-

рость движения объекта. Говорили, что «на доке одни смертники», что «офицеры погоны с себя срывали, так как боялись за свою жизнь и не хотели идти на переход...». Сказывалась массовая радиофобия, порождённая чернобыльской катастрофой. В шлюз № 1 не пускали, пока на борт не поднялась «представительная», а на самом деле внешне довольно жалкая комиссия. В ней выделялся дед с длинной густой бородой с доисторическим, разве что без коррозионных дыр измерительным прибором. Тщедушный мужичок от Госкомприроды Карельской АССР всё допытывался: нет ли на борту химического оружия и какие на судне «Кит» действительные уровни радиации. На дворе 1991 год — «разгул демократии». Кто эти люди? Были у них хоть какие-то полномочия? Даже если уровни радиации действительно большие, какой был смысл задерживать такой опасный объект на рейде? Пути назад всё равно не было.

Проход через 19 шлюзов Беломорско-Балтийского канала потребовал немалых усилий, особенно при подъёме по так называемой Повенчанской лестнице с её семью шлюзами и тринадцатью камерами. Наиболее сложными для прохода были двухкамерные шлюзы. Док длиной 135 м, точно совпадавшей с камерой шлюза, имел ширину всего на 30 см меньше ширины шлюза. Караван шлюзовался в три этапа. Сначала катер УК-287 и головной буксировщик, затем док — в гордом одиночестве, затем кормовой буксир-толкач. Проводившиеся во время перехода работы по герметизации корпуса опытового судна «Кит» практически прекратились. Личный состав и днём и ночью, включая офицеров, был занят шлюзованием — труд оказался тяжёлым, нужно было быстро переносить крепкие стальные швартовые концы на палы в дальней части шлюза, а затем принимать буксирные концы с буксиров. Сам канал, особенно узкий участок на водоразделе, пробитый в скалах каторжным трудом заключённых, поразил воображение. Опять-таки сказывалось веяние времени: о репрессиях тогда говорили все и много. Однако настроений, подобных мнению бывшего заключённого Солоневича[15], о несовершенстве и бесполезности канала, разумеется, ни у кого на борту дока и катера УК-287 не было. Канал прошли за четверо суток.

12 августа транспортный док ТПД-9 с опытовым судном «Кит» был в Беломорске. Здесь сменились суда-буксировщики. Северный флот выделил морской буксир МБ-100, взявший транспортный док, и спасательное буксирное судно СБ-523, шедшее в сопровождении с аварийно-спасательной партией на борту. Шторм в горле Белого моря задержал выход на сутки.

15 августа суда вышли в Баренцево море и пошли напрямик. В 23.20 следующих суток открылась Новая Земля при свете ярчайшего заката. Без остановки транспортный док ТПД-9 завели в губу Чёрная. Её обычно пустынная гладь была освещена десятками огней ожидавших начала работ судов. Переход длиной 1073 мили и продолжительностью 11 дней завершился.

Вывод судна из дока — сложная и ответственная операция. 17 августа газовой горелкой срезали стальные балки, которыми поддон крепился к палубе дока. Проверили корпус судна на предмет заделки пробоин и повреждений в подводной части. Составили акт, несколько преувеличив объём работ по восстановлению водонепроницаемости, и без того огромный. Однако в длительную стоянку судна на плаву никто не верил, главное — вывести его из дока вместе с поддоном. Поддон на всякий случай закрепили к корпусу судна дополнительными стропами. Последняя буксировка ожидалась непродолжительной — 2—3 кабельтова. (Различают несколько видов кабельтовых. Так, международный кабельтов равен 1/10 морской мили, или 185,2 м.) На глаз дистанцию точно определить было невозможно, так как вода скрадывала расстояние. Конечный пункт буксировки притягивал взоры. Опытовое судно «Кит» предстояло поставить рядом с легендарным эсминцем «Гремящий» Северного флота, остов которого после испытаний ядерного оружия с 1950-х годов находился в акватории губы Чёрная. Рядом с эсминцем свежей краской сияли четыре рейдовые бочки, выставленные накануне.

18 августа утром выпал снег. Снежные заряды несколько ограничили видимость, но работать не мешали. Однако долгожданная команда к началу работ поступила только вечером. Вывод из дока благоразумно перенесли на утро. Спешка и ночные труды ни к чему хорошему привести не могли.

Утро 19 августа запомнилось всем участникам опе-

рации событием, никак не связанным с намеченными планами. На общем построении начальник экспедиции контр-адмирал К.А. Тулин сообщил об объявлении чрезвычайного положения в стране. Строй слушал молча с тревожными думами о близких и судьбе Отечества. В поддержку ГКЧП никто не высказался. Приступили к работам по ранее намеченному плану.

Ход работ был нарушен неожиданно быстрым погружением транспортного дока. Вода не успевала заполнять поддон через сделанные в нём вырезы, отчего боковые стенки опасно прогнулись. Скорость погружения снизили. Вертикальные стойки, связывавшие поддон с судном, выдержали, что позволило продолжить погружение и открыть кормовую аппарель дока. Осадка судна увеличивалась. С минуты на минуту ожидалось его всплытие вместе с поддоном. Вдруг все 20 стоек левого борта оторвались от корпуса судна, которое сразу же всплыло, получив крен на правый борт. Вернуть «Кит» в исходное положение было уже невозможно. Пришлось срезать оставшиеся стойки правого борта, что сделали автогеном за 1,5 часа. Поддон отделился и остался в доке, судно было на плаву, сохранив крен на правый борт. Если бы не борьба за водонепроницаемость днищевой части корпуса в течение трёх недель, последствия обрыва понтона могли бы быть во много раз хуже. Авария в доке имела бы самые тяжёлые последствия. Транспортный плавучий док в погружённом положении очень уязвим и сам мог оказаться на дне.

Рейдовый буксир РБ-222 вывел судно «Кит» из дока. В 17.00 его ошвартовали на бочки, которые крутились под струями воды. Заведение швартовых концов требовало высадки на них матросов, что было связано с немалым риском. Рисковали и те, кто принимал швартовы, высадившись на эсминец «Гремящий». Ржавый корпус эсминца глухо гудел под ногами, а скобтрапы, ведшие на надстройки, осыпались под ногами. Запомнился пролом в палубе на корме, сквозь который в изумрудной воде на фоне отсутствовавшего борта был виден штурвал в окружении стайки рыб.

Транспортный док ТПД-9 всплыл. На нём начались внеплановые работы по подготовке к выводу поддона. Ставшие бесполезными вертикальные стойки сначала срезáли автогеном, а когда выяснилось, что деформация поддона привела к повреждению сварочных швов, стали валить их механическим способом. Заделав вырезы в днище, понтон вывели из дока и поставили рядом с судном «Кит».

20 августа работы по транспортировке опытового судна «Кит» завершились. Громадный 500-тонный плавучий кран Северного флота поставили рядом с ошвартованным к рейдовым бочкам судном, которое за ночь едва заметно осело. Вода медленно заполняла его отсеки. Вскоре снег сменился дождём. С плавкрана на рейдовые бочки подали цепи, заменив ими ранее заведённые синтетические швартовы.

Последний раз участники экспедиции высадились на борт опытового судна «Кит». Сняли так и не понадобившиеся при последней буксировке водоотливные насосы, оценив ещё раз подвиг по восстановлению водонепроницаемости корпуса. Огарками электродов на защитном покрытии участники работ написали свои имена. Уходить не хотелось. Трёхмесячная эпопея завершалась. Оставалось только затопить поддон, также представлявший экологическую опасность. Это оказалось совсем непростым делом. Когда сорвали пластырь в корме, вода хлынула фонтаном, но процесс затопления поддона сильно затянулся по времени. Потребовалось направить в него струю воды из лафетного ствола судна обеспечения. Наконец, поддон пошёл на дно с дифферентом на корму. Прежде чем скрыться под водой, он разломился. Отлетели три кормовых отсека, а затем каждый последующий отсек, быстро заполняясь водой, отламывался, как подпиленный. Оставшиеся два носовых отсека встали вертикально свечой и в клочьях пены исчезли под водой. Гибнущий поддон был похож на шедший под откос поезд. Невольно возникла ассоциация с распадавшейся на части родной страной, но верить в это не хотелось.

Остаётся только сожалеть, что в водовороте завершающих событий никто не вспомнил про флаг экспедиции, так и оставшийся над дымовой трубой судна «Кит». Он мог бы стать достойным музейным экспонатом.

Опытовое судно «Кит» было передано на хранение командованию новоземельского полигона, для чего начальник экспедиции в сопровождении полковника

м/с В.Д. Касалицы ездил в Белушью Губу. Символично, что как раз в момент подписания соответствующих документов судно легло на грунт. Назначенное было разбирательство по этому поводу, а также из-за вывода опытового судна «Кит» из дока отдельно от поддона, не так, как планировалось, развития не получило. Задача удаления экологически опасного объекта — как главная цель экспедиции — с акватории Ладожского озера, являющегося питьевым водоёмом Санкт-Петербурга, была успешно решена.

Транспортировка опытового судна «Кит» стала достоянием истории. Большая удалённость губы Чёрная на бескрайних просторах Арктики делает место его последней стоянки труднодоступным. Редкие посетители этих мест не считают разрушенный корпус судна достойным объектом для фотографирования, так же, как и селфи на фоне ещё более ветхого эсминца «Гремящий». Так, на известной фотографии эсминца опытовое судно «Кит» едва можно различить в виде тёмной полосы на втором плане. Лучше оба корабля просматриваются при сильном увеличении на спутниковой фотографии южной оконечности Новой Земли, на которой видны отчётливые контуры и всё ещё остающиеся на плаву рейдовые бочки. Волны и ветер скоро разрушат опытовое судно «Кит» полностью, но это не является поводом для предания забвению творческой мысли корабелов.

Примечания

[1] Отчёт по итогам работы экспедиционного отряда № 2 Северного флота на Архипелаге Новая Земля. Североморск: УПАСР СФ, 2018. 23 с.

[2] *Тарасов О.* Что случилось на Ладоге? // Смена. 1991. 16—17 октября.

[3] *Тулин К.А.* Операция «Кит» // Гангут: сборник статей. Вып. 59. СПб.: Гангут, 2010. С. 50—64; *Краморенко А.В.* Сила убеждения // Гангут: сборник статей. Вып. 81. СПб.: Гангут, 2014. С. 137—142; *Давыдов Ю.В.* Германский миноносец Т-12 // Гангут: сборник статей. Вып. 121. СПб.: Гангут, 2021. С. 104—116.

[4] *Патянин С.В.* Миноносцы Кригсмарине типа 1935/37/39 // Морская коллекция (приложение к журналу «Моделист-конструктор»). 2003. № 6(54). 32 с.

[5] *Краморенко А.В.* Водолазные работы при подъёме опытового судна «Кит» (к 30-летию Ладожской ЭОН) // Нептун. XXI век. 2021. Вып. 128. С. 82—90.

[6] *Краморенко А.В., Куц Ю.М.* Судоподъёмные работы на Ладоге // Тайфун: альманах. 1999. № 5. С. 29—31; Проект подъёма объекта «Кит» в Ладожском озере. Ломоносов: войсковая часть 20914, 1991. 43 с.; Отчёт по подъёму радиоактивного опытового судна «Кит» в Северо-Западном архипелаге Ладожского озера и переводу его на Северный флот. Ломоносов: 40 НИИ МО СССР, 1991. 39 с.; Подъём опытового судна «Кит» в Ладожском озере. Дело б/н. Министерство обороны СССР — Поисково-спасательная служба Военно-морского флота. Отв. капитан 3 ранга С.Н. Горев. Начато 1 ноября 1990 г. Закончено 5 августа 1991 г. 116 л.

[7] Проект подъёма объекта «Кит» в Ладожском озере.

[8] Отчёт по подъёму радиоактивного опытового судна «Кит» в Северо-Западном архипелаге Ладожского озера и переводу его на Северный флот.

[9] Подъём опытового судна «Кит» в Ладожском озере.

[10] *Краморенко А.В.* Хроника подъёма ОС «Кит». Ладожское озеро. Северо-Западный архипелаг. 1991 г. (дневниковые записи). 66 с.

[11] *Патянин С.В.* Указ. соч.

[12] Отчёт по подъёму радиоактивного опытового судна «Кит» в Северо-Западном архипелаге Ладожского озера и переводу его на Северный флот; Подъём опытового судна «Кит» в Ладожском озере.

[13] *Тулин К.А.* Указ. соч. С. 50—64.

[14] Чертежи транспортного плавучего дока ТПД-9 №1753-020К-12 (боковой вид и силуэт), 1753-020К-13 (продольный разрез) и 1753-021К-1 (конструктивный мидель-шпангоут).

[15] *Солоневич И.Л.* Россия в концлагере М.: РИМИС, 2005. 536 с.

A.V. Kramorenko

THE WAY TO THE LAST BERTH

The history of the expedition to transfer the experimental vessel Kit to the point of disposal

Information about author. *Andrey Kramorenko — senior researcher of the research department for the recovery of sunken objects at the Research Institute (Rescue and Underwater Technologies) at the Military Training and Research Center of the Navy Naval Academy, captain 1st rank (res.), D. Sc. (Tech.) (St. Petersburg. E-mail: kramorenko09@mail.ru).*

Summary. *The paper discusses the need to preserve the marine ecological situation, as well as the historical legacy of participation of the Russian military and civilian fleet in environmental protection operations. In particular, the paper deals with the collection of reliable information about objects sunk in the Arctic using the example of the experimental vessel Kit, which due to circumstances turned over time from a marine vessel into a nameless pile of rusty metal. The paper was written by a direct participant in the dismantlement work on the basis of documents and personal diary entries.*

Keywords: *Arctic; Ladoga; ship-lift; transportation; cargo floating dock; object of maritime historical heritage; Kit.*

Л.В. Головко

ПРОКСИ-ВОЙНА США ПРОТИВ РОССИИ НА УКРАИНЕ: ИСТОКИ, ЦЕЛИ И ХОД ПЕРВОГО ГОДА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Сведения об авторе. *Головко Леонид Витальевич — заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (Москва. E-mail: leonidgolovko@gmail.com).*

Аннотация. *В рецензии на книгу В.Г. Кикнадзе «Спецоперация. Украинский фронт войны против России» (М., 2023) представлен анализ её структуры, содержания и основных выводов автора. Раскрыты особенности монографии. Во-первых, связанные с тем, что она вышла в свет ещё в ходе изучаемого события (специальной военной операции ВС РФ на Украине). Во-вторых, это нестандартный подход автора, предложившего в своей книге среди прочих такой вариант исторической реконструкции первого года СВО, как обращение к смыслу и содержанию слов и словосочетаний 2022 года в России, которые вошли в общественно-политический дискурс в ходе спецоперации. Рецензент отмечает, что автор книги не избегает анализа не только достижений, но и проблем, вскрытых в ходе спецоперации, причём как военных, так и политических.*

Ключевые слова: *специальная военная операция (СВО); спецоперация; прокси-война; нацизм; украинский национализм; укронацизм; ОУН; бандеровцы; мельниковцы; Россия; США; Украина; В.Г. Кикнадзе.*

В канун годовщины начала специальной военной операции Вооружённых сил Российской Федерации на Украине вышла в свет книга «Спецоперация. Украинский фронт войны против России»*. Её автор — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала» В.Г. Кикнадзе, доктор исторических наук, доцент, член-корреспондент РАРАН, полковник.

Книга написана на в высшей степени актуальную тему, что, думается, даже не требует специального обоснования. Россия сегодня нуждается не только в сиюминутных текстах и комментариях, сопровождающих столь масштабное для нашей страны и мира в целом историческое событие, но и в фундаментальных аналитических обобщающих трудах уровня книг, монографий, научных изданий, где бы отражалось стратегическое видение происходящих событий, причём как в ретроспективе, так и в перспективе, и где бы оно подкреплялось необходимым научным аппаратом, всегда востребованным взыскательным читателем. Книга В.Г. Кикнадзе данным требованиям соответствует в полной мере. Поэтому она актуальна не только по отношению к анализируемому в ней крупнейшему историческому событию, но и в плане потребностей российской интеллектуальной жизни.

Уже в предисловии читатель может не только ознакомиться с оценками российских и зарубежных экспертов сути военного конфликта, но и реконструировать ход событий первого года спецоперации с помощью обобщённых автором наиболее значимых слов и словосочетаний в России 2022 года, краткого раскрытия их значения[1]. И это весьма нестандартный подход, который в данном случае вполне оправдан. Многие из этих некогда популярных слов и фраз, за которыми стоят реальные события и явления, даже уже спустя год динамично меняющейся обстановки могут быть подзабытыми. Что уж говорить, если история военного конфликта пишется спустя годы, когда что-то может показаться либо не столь значительным для Истории, либо не вполне укладывающимся в избранную концепцию. Поэтому такой летописный, пусть и отчасти субъективный подход со стороны историка, журналиста и военного эксперта имеет своё значение. И здесь стоит согласиться с вынесенным на обложку книги мнением А.А. Малькевича, члена Общественной палаты РФ: «Здорово, что выходит такая литература именно сейчас, когда мы должны осмыслить то, что происходит с нами, и зафиксировать для истории ход специальной военной операции».

Как принимались решения о признании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, о начале спецоперации, в условиях, когда, по мнению экспертов из Франции и Японии, «Киев начал конфликт 16 февраля этого года (2022. — **Прим. авт.**)»[2], её цель и задачи, обоснование избранного Генеральным штабом варианта действий ВС РФ — всё это

* *Кикнадзе В.Г.* Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М.: Прометей, 2023. 504 с.

автор кратко, но предельно ясно изложил во введении.

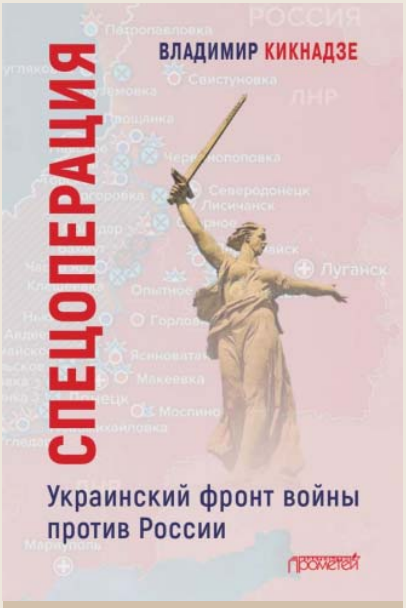
В книге представлены результаты анализа актуальных аспектов истории украинского национализма в сопоставлении с политикой киевского режима в 2014—2022 гг. и с использованием тайн, раскрытых в ходе спецоперации. В чём заключаются наиболее существенные общие черты радикального украинского национализма 1890—1940-х и современности, каковы его истинные цели? Кому и для чего нужны укронацистская империя «от Адриатики до Тихого океана» и возрождение Речи Посполитой и как эти идеи связаны с целью разрушения России изнутри? Насколько страшна для украинского народа продажная и преступная сущность лидеров украинского национализма? Как они зомбируют украинцев, превращая их в коллаборационистов и жертв братоубийственной войны? Кто являются бенефициарами кровавого бизнеса в прокси-войне США против России, готовя Украину к состоянию войны уже с 2014 года? На эти и другие острые вопросы Владимир Кикнадзе даёт ответы в книге. Причём некоторые из них более подробно представлены в его работах, как предшествовавших изданию книги[3], так и опубликованных уже после её выхода в свет[4].

В первой главе «Украинский национализм: истоки, суть и содержание» автор приводит доказательства того, что уничтожение России — неизменная стратегическая цель радикального украинского национализма — укронацизма на протяжении всей его истории и в наши дни, преемственности целей, идейных позиций, антинародной политики и преступлений бандеровцев и их современных последователей. По его мнению, «под лозунгами самостійніcти, незалежніcти украинские радикалы-националисты, укронацисты на протяжении всей истории своего движения преследовали цель — продать рідну неньку Україну (укр. — родную мамку Украину) иноземным колонизаторам, чтобы стать привилегированной коллаборационистской кастой надсмотрщиков над соотечественниками». И США с сателлитами из НАТО купили Украину. Вместе с продавцами. Ради борьбы против России и её уничтожения[5].

Обращено внимание на то, что ОУН (запрещена в РФ) активно участвовала в злодеяниях гитлеровцев против нашей страны и её народа. Их главари и немало прочих оуновцев были агентами и исполнителями воли гитлеровских спецслужб, после победы над фашизмом — спецслужб США и Запада. Майданные узурпаторы власти под управлением и при участии Соединённых Штатов и их натовских сателлитов обворовывали и разрушали Украину, превращали её в антироссийский плацдарм США, НАТО и вместе с ними перешли красную черту в создании военной угрозы Российской Федерации и подготовке агрессии против неё. Поэтому в феврале 2022 года Россия приняла адекватные этой угрозе меры защиты своей национальной безопасности, спасения народа Донбасса от геноцида и освобождения братского народа Украины от неонацизма.

Во второй главе книги «Антироссийская Украина: от марионетки Германии и Австро-Венгрии до американской оккупации и войны против России (1914—2022 гг.)» представлен сравнительный анализ мельниковцев и бандеровцев на службе Третьего рейха и их проамериканских последователей в современной Украине, которых роднят единая идеология — радикальный украинский национализм, укронацизм и его антироссийская направленность; аморальность и бесчеловечность; продажность и служение иностранным сюзеренам ради шкурных выгод; циничная торговля интересами, судьбами и жизнями соотечественников, Украиной и её народом; тяжкие преступления против него, носившие массовый и системный характер, террор и геноцид — фашистский, с участием бандеровцев против народа нашей страны, и неонацистский — их последышей против населения Донбасса, террор против жителей Одессы («одесская Хатынь»), других городов и сёл, в которых оставили кровавый след укронацисты[6].

Правда истории и объективные данные современности, приведённые в монографии, свидетельствуют об истинных целях украинских националистов — укронацистская империя «от Адриатики до Тихого океана» («освободить Курильские острова» поклялся В.А. Зеленский в 2022 г.); раскрывают продажную и злодейскую сущность их лидеров — иуды в вышиванках, лакеи абвера, гестапо, СС, СД и ЦРУ США, «клика душегубных братоубийц»[7]; делают понятной методологию формирования украинских коллаборационистов, которые готовы «безоглядно выполнять приказы провода», как результат уничтожения интеллектуального потенциала нации, бандеризации и радикализации украинской молодёжи[8]; демонстрируют бенефициаров кровавого бизнеса в прокси-войне США против России, которые, по цитируемому в книге мнению народного депутата Украины Р.Р. Кузьмина, «украли Украину у украинского народа»[9]. Автором приведены конкретные суммы, «заработанные» киевским режимом на жертвах Донбасса. Показано, для чего иуды в вышиванках разжигали истерию вокруг войны на Донбассе, пугали американцев российской угрозой, требуя под эту истерику всё больше и больше денег[10].



Обложка книги

В своей книге В.Г. Кикнадзе стремится доказать, что для необандеровских политиков, нацбатов и прочих радикалов, неонацистов мир (как состояние международных отношений и общества) губителен. В своих рассуждениях он приходит к вполне обоснованному выводу, что достижение мира на Украине прежде всего зависит от самосознания украинского народа, его воли к освобождению из-под власти иноземных захватчиков с Запада и главарей украинских националистов[11], многие из ко-

торых работали и работают на какую-то зарубежную разведку. Все внутренние несогласия, все расколы среди последних — это результат грызни за право стоять как можно ближе к финансовому потоку грязных денег США и «коллективного Запада». Причём постмайданные власти отличаются от главарей ОУН лишь многократно большими суммами украденного и вредом Украине.

Отдельной, третьей главой монографии представлены обстановка на начало проведения специальной военной операции ВС РФ на Украине, обоснование её начала, основные военные и военно-политические события СВО в 2022 году, проблемы и пути их решения.

Отрадно, что автор рассматривает спецоперацию не изолированно, а как один из неизбежных этапов легитимной, политически и нравственно абсолютно обоснованной реакции на те негативные процессы, которые происходили на территории Украины на протяжении десятилетий и даже столетий, имея прежде всего в виду искусственно взращиваемый в сугубо геополитических целях украинский нацизм. Такой взгляд на события, отражённый в структуре книги, придаёт авторскому анализу надлежащую глубину и историческую взвешенность.

Очень важно, что книга В.Г. Кикнадзе не является трудом апологетическим; содержит анализ не только успехов, но и проблем, связанных со спецоперацией, вскрытых ею недостатков, причём как сугубо военных, так и политических. Этому посвящён специальный раздел главы III, где автор в том числе высказывает собственные критические суждения, с которыми трудно не согласиться, обозначает существующие риски и опасные последствия принятия неверных тактических и стратегических решений.

Книга может быть использована в интересах информационно-идеологического обеспечения проведения спецоперации, денацификации Украины, исторического просвещения на территории РФ (в образовательном процессе организаций среднего и высшего профессионального образования, переподготовке и повышении квалификации педагогических кадров в области истории, обществознания и начальной военной подготовки), а также ведения контрпропаганды на освобождаемых территориях Украины.

Публикуемые в приложении российские и зарубежные документы и материалы (в четырёх частях представлены свыше 40 документов) позволяют использовать книгу в качестве научно-справочного труда, сопоставлять авторский и «официальный» тексты и без труда находить необходимые для анализа официальные материалы.

Книга написана хорошим языком: с одной стороны, академически и литературно корректным, с другой — доступным не только специально подготовленной аудитории, но и широкому кругу читателей. Она легко и с интересом читается. Приводимые в ней факты, сведения, оценки верифицированы, надлежащим образом подтверждены и сомнений не вызывают.

В целом не будет преувеличением сказать, что книга В.Г. Кикнадзе вносит весомый вклад в создание концептуальной научной исторической и теоретической базы проводимой спецоперации, которую автор точно и оправданно обозначает в качестве «украинского фронта» войны против России.

Примечания

[1] *Кикнадзе В.Г.* Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М.: Прометей, 2023. С. 21—25.

[2] Там же. С. 34.

[3] *Он же.* Антироссийская Украина: от марионетки Германии и Австро-Венгрии до американской оккупации и войны против России. Роль исторической политики // Международная жизнь. 2023. № 1. С. 98—105; *он же.* Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе Специальной военной операции Российской армии // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 3. С. 17; *он же.* Сила V правде. Защита исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. М.: Вече, 2022. С. 3—4, 111—136.

[4] *Он же.* Радикальный украинский национализм и его антироссийская направленность (1914—2023) // Вопросы истории. 2023. № 5-1. С. 4—19.

[5] *Он же.* Спецоперация. Украинский фронт войны против России. С. 26, 41, 42.

[6] Там же. С. 74—82.

[7] Там же. С. 83—96.

[8] Там же. С. 96—100.

[9] Там же. С. 107.

[10] Там же. С. 101—111.

[11] Там же. С. 246—248.

L.V. Golovko

U.S. PROXY WARFARE AGAINST RUSSIA IN UKRAINE: ORIGINS, OBJECTIVES, AND THE COURSE OF THE FIRST YEAR OF MILITARY OPERATIONS

Information about author. *Leonid Golovko — head of the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision at the Lomonosov Moscow State University, D. Sc. (Jus.), professor (Moscow. E-mail: leonidgolovko@gmail.com).*

Summary. *This review of V.G. Kiknadze's book Special Operation. Ukrainian war front against Russia (Moscow, 2023) presents an analysis of its structure, content and main conclusions of the author. The paper reveals peculiarities of the monograph related, firstly, to the fact that it was published in the course of the event under study (the Special Military Operation (SMO) of the RF Armed Forces in Ukraine). Secondly, it is the non-standard approach of the author, who offered among others such a variant of historical reconstruction of the first year of the SMO, as an appeal to the meaning and content of words and phrases of 2022 in Russia, which entered the public and political discourse during the special operation. The reviewer notes that the author of the book does not avoid the analysis not only of the achievements, but also of the problems uncovered during the special operation, both military and political.*

Keywords: *Special Military Operation (SMO); special operation; proxy warfare; Nazism; Ukrainian nationalism; Ukronazism; OUN; Banderovites; Melnikovites; Russia; USA; Ukraine; V.G. Kiknadze.*

ОКТЯБРЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 октября — День Сухопутных войск.

4 октября — День Космических войск.

4 октября — День гражданской обороны.

5 октября 1903 года, 120 лет назад, родился А.Л. Гетман, генерал армии (1964), Герой Советского Союза (1965). Участвовал в боях в районе р. Халхин-Гол (1939) против японских войск. Начав Великую Отечественную войну командиром танковой дивизии, закончил её заместителем командующего 1-й гвардейской танковой армией. После войны командовал армией, военным округом. Председатель ДОСААФ СССР в 1965—1972 гг. Умер 8 апреля 1987 года.

7 октября 1918 года, 105 лет назад, Приказом Реввоенсовета Республики для подготовки высших командных кадров из рабочих и крестьян создана Академия Генерального штаба РККА. В 1921 году учебное заведение было преобразовано в Военную академию РККА. С 5 ноября 1925 года — Военная академия имени М.В. Фрунзе. В 1998 году учебное заведение преобразовано в Общевойсковую академию Вооружённых сил Российской Федерации. В 2008 году в соответствии с распоряжением Правительства РФ был создан Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооружённых сил Российской Федерации», в состав которого вошли Общевойсковая академия ВС РФ и 11 филиалов.

А.А. Гречко

8 октября — День командира надводного, подводного и воздушного корабля — профессиональный праздник командиров экипажей кораблей.

9 октября 1708 года, 315 лет назад, в битве у деревни Лесная (юго-восточнее г. Могилёва) в ходе Северной войны 1700—1721 гг. русские войска под командованием Петра I разгромили шведский корпус генерала А.А. Левенгаупта. Эта первая в ходе войны крупная победа русских войск над численно равным противником была названа Петром I «матерью Полтавской баталии».

10 октября 1943 года, 80 лет назад, Указом Президиума Верховного Совета в СССР учреждён орден Богдана Хмельницкого трёх степеней (художник А.С. Пащенко).

10 октября 1948 года, 75 лет назад, осуществлён успешный пуск первой отечественной управляемой баллистической ракеты Р-1 на полигоне Капустин Яр (Астраханская обл.).

11 октября 1653 года, 370 лет назад, Земский собор в г. Москве, откликаясь на предложение Богдана Хмельницкого, принял решение о воссоединении Левобережной Украины с Россией (Московским царством). Хмельницкий в письме к царю Алексею Михайловичу писал: «Смиренно вашему царскому величеству благодарим, что... нас слуг в подножий своих, всего войска Запорожского, от милостивые благодати своея отдаляти не позволяешь... А ныне сами себе со всем Войском Запорожским в милостивое жалованье вашего царского величества прилежно вручаем». 18 января 1654 года в г. Переяславле собралась Украинская Рада, которая единодушно одобрила решение Земского собора и высказалась за воссоединение с Россией.

11 октября 1828 года, 195 лет назад, во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. после двухмесячной осады совместными усилиями русских войск и эскадры Черноморского флота А.С. Грейга взята крепость Варна (Болгария). В крепости захвачено 9000 человек пленных, 291 орудие и много припасов.

14 октября 1943 года, 80 лет назад, произошло единственное успешное восстание в нацистских лагерях смерти, которое возглавил советский командир А.А. Печерский. За полтора года в созданном Германией лагере смерти «Собибор» было уничтожено более 250 тыс. человек. В 70-ю годовщину восстания в Варшавском гетто в школах польской столицы были проведены опросы, почти 25 проц. молодых людей назвали концлагерь «успешным проектом» Гитлера. В 2016 году Александр Печерский был посмертно награждён орденом Мужества. С целью популяризации подвига в 2018 году на широкий экран вышел художественный фильм К. Хабенского «Собибор».

17 октября 1903 года, 120 лет назад, родился А.А. Гречко, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973). В Красной армии — с 1919 года, участник Гражданской войны. В годы Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, армией. В 1945—1953 гг. командовал войсками КВО, затем — главнокомандующий Группой советских войск в Германии. С 1957 года — главнокомандующий Сухопутными войсками — 1-й заместитель министра обороны

СССР. С 1960 года — главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами государств — участников Варшавского Договора — 1-й заместитель министра обороны СССР. В 1967—1976 гг. — министр обороны СССР. Умер 26 апреля 1976 года.

17 октября 1938 года, 85 лет назад, Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждены медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

17 октября 1958 года, 65 лет назад, на заводе № 402 в г. Северодвинске заложена первая советская атомная подводная лодка К-19 проекта 658 с баллистическими ракетами.

18 октября 1908 года, 115 лет назад, родился Н.П. Каманин, генерал-полковник авиации (1967), Герой Советского Союза (1934). На военной службе — с 1927 года. В 1934 году участвовал в спасении челюскинцев. Участник Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Во время Великой Отечественной войны командовал штурмовой авиадивизией, затем корпусом. Участвовал в Киевской наступательной, Львовско-Сандомирской, Будапештской и Венской операциях. В послевоенное время командовал воздушной армией, был заместителем начальника Главного штаба ВВС. С июня 1966 года руководил подготовкой космонавтов. Умер 12 марта 1982 года.

18 октября 1923 года, 100 лет назад, родился П.Г. Лушев, генерал армии (1981), Герой Советского Союза (1983). Участник Великой Отечественной войны. После войны командовал танковой армией. С 1973 года — 1-й заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии, затем командовал войсками ряда военных округов. В 1985—1986 гг. — главнокомандующий ГСВГ. В 1986—1989 гг. — 1-й заместитель министра обороны СССР. С 24 января 1989 года — главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами государств — участников Варшавского договора, был последним военачальником, занимавшим эту должность. С 26 апреля 1991 года — в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Умер 23 марта 1997 года.

20 октября — День военного связиста.

24 октября — День подразделений специального назначения Вооружённых сил РФ.

24 октября — День памяти ракетчиков.

25 октября 1883 года, 140 лет назад, родился А.И. Егоров, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза (1935). Военную службу начал в 1901 году вольноопределяющимся. В 1905 году окончил Казанское юнкерское пехотное училище. В составе 132-го Бендерского пехотного полка участвовал в Первой мировой войне. Командовал ротой и батальоном. В 1918 году являлся председателем Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров в Красную армию. Участник Гражданской войны, командовал рядом армий. С октября 1919 года командовал войсками Южного фронта, а в январе—декабре 1920 года — Юго-Западного. В 1925—1926 гг. — военный атташе в Китае. С 1927 года — командующий Белорусским военным округом, а с 1931 года — начальник Штаба РККА. С 1935-го — начальник Генерального штаба. В 1937—1938 гг. — 1-й заместитель наркома обороны СССР, затем командующий войсками Закавказского военного округа. Репрессирован, расстрелян 23 февраля 1939 года. Реабилитирован в 1956 году.

Д.Ф. Устинов

28 октября — День армейской авиации.

30 октября — День рождения Российского флота.

30 октября 1908 года, 115 лет назад, родился Д.Ф. Устинов, государственный и военный деятель, Маршал Советского Союза (1976), Герой Советского Союза (1978), дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961). В 1941—1953 гг. — нарком вооружения, затем министр оборонной промышленности СССР. Руководил созданием ракетно-космического комплекса страны. Министр обороны СССР в 1976—1984 гг. Умер 20 декабря 1984 года.

30 октября 1918 года, 105 лет назад, родился Г.М. Егоров, адмирал флота (1973), Герой Советского Союза (1978). Участник Великой Отечественной войны, командир подводной лодки. В 1972—1977 гг. — командующий Северным флотом, в 1977—1981 гг. — начальник Главного штаба ВМФ, 1-й заместитель главнокомандующего ВМФ. В 1981—1988 гг. — председатель ЦК ДОСААФ СССР. С ноября 1988 года — в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. С 1992 года — в отставке. Умер 9 февраля 2008 года.

Публикация А.Л. Бочаровой

Сведения об авторе. *БОЧАРОВА Анастасия Леонидовна — научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва. E-mail: mil_hist_magazin@mail.ru)*